

*Издательство
Главсевморпути*

Fridtjof Hansen

Ф Р И Т Ъ О Ф
Н А Н С Е Н

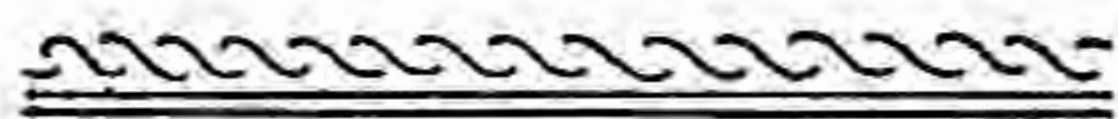
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ТОМ

1

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ ★ 1937

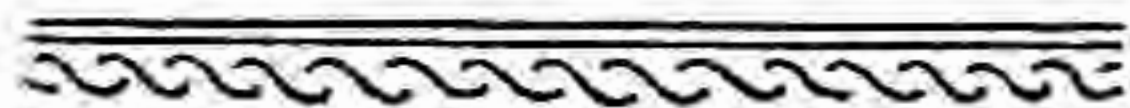
F R I D T J O F
N A N S E N

PÅ SKI OVER
GRÖNLAND

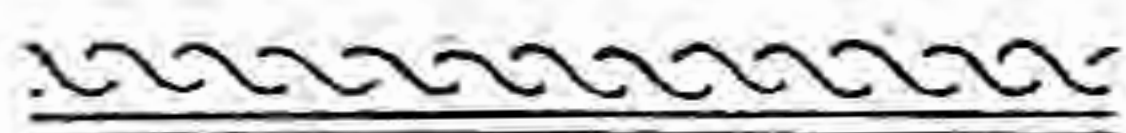

ESKIMOLIV

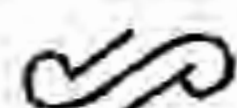

O S L O ~ 1 9 3 2

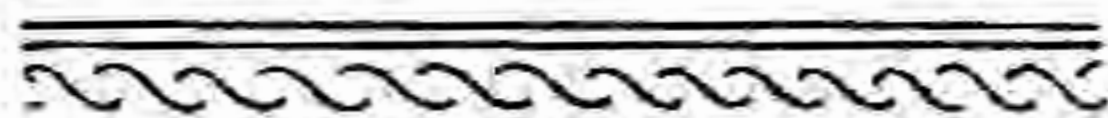
Ф Р И Т Ъ О Ф
Н А Н С Е Н

НА ЛЫЖАХ
ЧЕРЕЗ ГРЕНЛАНДИЮ

ЖИЗНЬ
ЭСКИМОСОВ

ЛЕНИНГРАД ~ 1937

***Внутреннее и внешнее оформление
художника М. А. Таранова***

Перевод М. П. Дьяконовой

Под редакцией В. Ю. Визе

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гренландия — громадный арктический остров, вытянутый в длину на 2650 километров, — издавна привлекала к себе внимание исследователей. Особый интерес вызывал покоящийся над Гренландией мощный ледяной покров, толщина которого, как мы теперь знаем, благодаря работам экспедиции А. Вегенера (1930—1931), достигает 2000 и более метров. Гренландия еще и в настоящее время переживает ледниковый период, и именно это обстоятельство и привлекает взоры ученых к «арктической Сахаре», как Гренландию назвал А. Норденшельд.

Первая попытка проникнуть в область материкового льда Гренландии была сделана еще в 1752 году датчанином Далагером, который смог пройти внутрь ледяной страны однако только на 13 километров. В 1860 году ледяной купол Гренландии посетил из-

вестный американский полярный исследователь Хейс, прошедший из Фулкефиорда ($78\frac{1}{4}^{\circ}$ N) около 90 километров в глубь ледяной пустыни. Десять лет спустя в Гренландии побывал знаменитый шведский полярный исследователь А. Норденшельд, который со стороны фиорда Алайтенвик (к югу от Кристиансхоба, $68\frac{1}{4}^{\circ}$ N) проник в глубь материкового льда на 50 километров. После не более удачной попытки, сделанной датчанином Иенсеном (1878), Норденшельд предпринял в 1883 году новую экспедицию в Гренландию, во время которой ему удалось углубиться в область сплошного оледенения на 117 километров. От крайней достигнутой Норденшельдом точки сопровождавшие его лопари продолжали еще двигаться вперед в течение 58 часов и, по их словам, прошли 230 километров. Впоследствии Нансен показал, что лопари ошиблись в своих расчетах и что они в действительности прошли не более 70 километров. Наконец, в 1886 году состоялась гренландская экспедиция американца Р. Пири, которому удалось проникнуть в глубь области оледенения на 160 километров.

Все эти экспедиции во внутреннюю часть Гренландии показали, что пересечение гренландского ледяного покрова от одного его края к другому представляет очень большие трудности, которые многим казались непреодолимыми. Тем не менее эту задачу поставил перед собой 26-летний хранитель Бергенского музея Фритьоф Нансен. Осенью 1887 года он поехал в Стокгольм, чтобы изложить свой план А. Норденшельду, в то время одному из самых больших полярных авторитетов. Чрезвычайно заинтересовавшись проектом молодого норвежского ученого, Норденшельд, который

лучше чем кто-либо иной представлял себе всю трудность и рискованность задуманного Нансеном пересечения гренландского ледяного покрова, все же одобрил план. Заручившись поддержкой ветерана полярных исследований, Нансен представил свой проект совету университета и вместе с тем просил совет исходатайствовать у правительства необходимую на гренландскую экспедицию очень скромную сумму в 5000 крон. Правительство, однако, отклонило проект Нансена и в субсидировании экспедиции отказало. Норвежский народ найдет более целесообразное применение своим средствам, нежели предоставление частному лицу возможности совершить увеселительную прогулку, — так норвежская пресса объяснила отказ правительства. Некоторые газеты подняли против Нансена целую кампанию, издеваясь над выдвинутым им планом. В одном издававшемся в Бергене листке какой-то пошляк поместил следующее объявление: «Внимание! В июне текущего года куратор музея Фритьоф Нансен даст представление — бег на лыжах с препятствиями по материковому льду Гренландии. Лучшие места для зрителей в трещинах. Обратных билетов можно не брать». Большинство ученых и полярных исследователей либо молчало, либо предрекало Нансену и его спутникам неминуемую гибель.

Помощь пришла из-за границы: один датский коммерсант предоставил Нансену необходимые ему 5000 крон. Нансен принял эти деньги, за что подвергся новым нападкам в газетах. Недружелюбное отношение, которое Нансен встретил у себя на родине, не могло, однако, охладить пыла молодого исследователя, и он со свойственной ему горячностью принялся за подго-

товку экспедиции. Снаряжение было продумано до мелочей, а сани, спальные мешки и походная кухня были предварительно испытаны Нансеном на горах около Бергена.

Свой план Нансен осуществил полностью. Возвращение экспедиции в Норвегию в 1889 году было настоящим триумфом, Нансен сразу сделался народным героем и оставался им до конца своей жизни. Перерасходованные на экспедицию 10 000 крон были теперь собраны в один миг при помощи подписки, устроенной студентами университета.

Результатом гренландской экспедиции, помимо высокой ценности научных наблюдений, явились две написанные Ф. Нансеном книги: «На лыжах через Гренландию» и «Жизнь эскимосов». Об этих двух книгах известный датский полярный исследователь Кнуд Расмуссен писал в 1930 году, что они «построены так художественно и цельно, так захватывают и проникнуты таким глубоким человеческим духом, что подобные им едва ли имеются в арктической литературе». Первая книга появилась в свет в 1890 году,¹ вторая — в 1891 году.² В 1928 году Нансен переработал свою книгу о пересечении Гренландии, вместе с тем значительно сократив ее. Это второе издание Нансен посвятил норвежской молодежи, предпослав ему следующее предисловие:

«В первом издании книги о гренландском путешествии было, может быть, много важного для истории самой экспедиции, а также много об ее результатах,

¹ F. Nansen, Paa ski over Grönland. En skildring af den norske Grönlands-ekspedition 1888—89. H. Aschehoug and Co, Kristiania, 1890.

² F. Nansen, Eskimoliv. H. Aschehoug and Co, Kristiania, 1891.

но зато для рядового читателя, пожалуй, не все было интересно. В настоящем издании автор старался рассказать о первом пересечении Гренландии, совершенном вот уже сорок лет тому назад, в возможно краткой форме. Это путешествие имело следствием пробуждение у нас интереса к спорту, в особенности же развитие лыжного спорта среди норвежской молодежи, чему я имел счастье быть свидетелем. Экспедиция имела значительную научную ценность и была богата приключениями. Но самое важное, может быть, то, что поход через Гренландию повлек за собой целый ряд более крупных норвежских полярных экспедиций».

В 1932 году сокращенная Нансеном книга «На лыжах через Гренландию» была почти без изменений переиздана на норвежском языке под редакцией проф. Б. Хелланд-Хансена. Помещенный в настоящем томе русский перевод сделан с этого последнего издания.¹

Вторую книгу, явившуюся результатом гренландского путешествия — «Жизнь эскимосов», — Нансен также предполагал переделать для нового издания, но смерть (1930) помешала осуществлению этого намерения. Несколько позже за это взялся проф. Б. Хелланд-Хансен,² и в 1932 году появилось новое издание «Жизни эскимосов», сокращенное и переделанное. Это издание книги Нансена следует признать крайне не-

¹ Из более ранних русских переводов книги Нансена «На лыжах через Гренландию» можно отметить сильно сокращенный перевод А. Анненской, представляющий собою вольную переделку (СПб., 1897), и перевод (с норвежского издания 1928 г.) М. А. Кристенсен (Молодая Гвардия, 1931).

² В соавторстве с Б. Хелланд-Хансеном Нансен в свое время опубликовал несколько крупных научных работ.

удачным, прежде всего по той причине, что редактор (Б. Хелланд-Хансен) тщательно вытравил из книги все те места, где Нансен бросает вызов европейской цивилизации и подвергает уничтожающей критике как попытки приобщить эскимосов к европейской культуре, так, в особенности, деятельность миссионеров в Гренландии. Последние две главы и заключение, написанное Нансеном, Хелланд-Хансен вовсе исключил из своего издания «Жизнь эскимосов».

В основу помещенного в настоящем томе перевода «Жизни эскимосов» было положено норвежское издание 1932 года, причем, однако, все сделанные Б. Хелланд-Хансеном купюры были восстановлены по английскому изданию книги.¹ Это последнее несколько отличается от первого норвежского издания (1891 г.), причем, однако, все изменения и дополнения были внесены в английское издание самим Нансеном. Таким образом появляющийся здесь впервые русский перевод «Жизни эскимосов»² является полноценным изданием этого сочинения Нансена, чего никоим образом нельзя сказать про последнее норвежское издание (1932 г.).

Давая в «Жизни эскимосов» верную картину быта этого замечательного полярного народа в конце прошлого века, Нансен уделяет особое внимание вопросу о будущем эскимосов. Безграничная любовь к человеку, которая руководила деятельностью великого норвежца в течение всей его жизни, проявляется при

¹ F. Nansen, *Eskimo life*, London, 1893. Перевод вставок, взятых из английского издания, был выполнен Е. Н. Геринг.

² До этого на русском языке имелось только очень сокращенное издание «Жизнь эскимосов» в переводе О. Н. Поповой (пятое издание вышло в 1926 году).

этом с потрясающей силой. Нансен безжалостно бичует капиталистическую цивилизацию и усматривает в навязывании этой цивилизации эскимосам причину упадка и грядущей гибели этого народа. Выхода из создавшегося трагического положения автор не находит, и перспективы, рисующиеся взорам Нансена, крайне мрачны. Спасения для эскимосов нет, и единственное, что им остается, это либо погибнуть, либо вернуться к условиям каменного века. В признании безнадежности положения и отсутствия выхода из тупика, в который капиталистическая система загнала эскимосов, сказывается то, что Нансен — несмотря на величие его личности — оставался сыном своего класса.

Столь же мрачно и беспросветно, как рисуемое Нансеном будущее эскимосов, было до Октябрьской революции и будущее народов, населяющих Крайний Север Советского Союза. История, однако, показала, что положение этих народов было не безвыходным и что современная культура несет гибель первобытным народам только в условиях капитализма. Выходом явилась социалистическая революция.

Эскимосы, как известно, живут и в СССР, на Чукотском полуострове и на острове Врангеля. Но если сравнить социальные условия и быт наших эскимосов, испытывающих на себе заботу ленинско-сталинской национальной политики, с условиями жизни гренландских эскимосов, запечатленных Нансеном около 50 лет тому назад, то мы увидим два разных мира. В этом отношении, может быть, особенно поучительно сопоставить то, что Нансен рассказывает о положении эскимосской женщины в Гренландии, с теми правами, которыми в СССР пользуется каждая женщина, в том

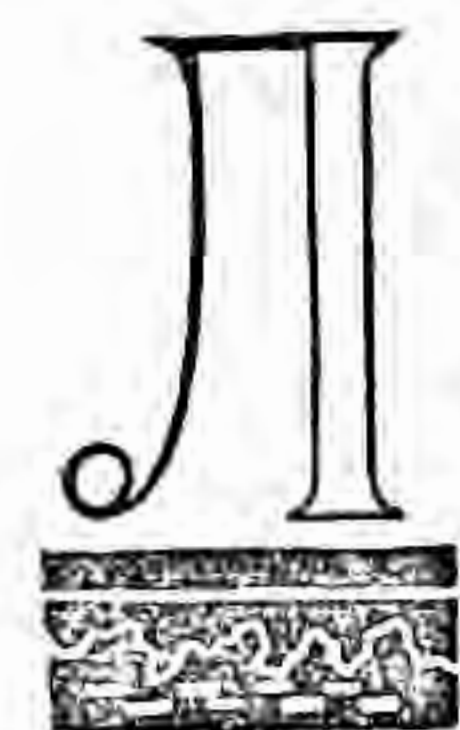
числе и эскимоска, и которые зафиксированы в великой сталинской Конституции. Но того, что может сделать пролетарская революция, Нансен не знал. Этого единственного якоря спасения он не видел, когда в конце прошлого века писал свою «Жизнь эскимосов». Мы не знаем, сохранил ли бы Нансен свой пессимизм и во втором издании этой книги, задуманном на склоне лет, но не осуществленном. Возможно, что в этом издании зазвучали бы новые светлые тона, ибо Нансен зорко присматривался к тому, что происходит в стране освобожденного пролетариата.

В. Ю. Визе

НА ЛЫЖАХ
ЧЕРЕЗ ГРЕНЛАНДИЮ

ПЛАН ПУТЕШЕСТВИЯ

ЛЕТОМ 1882 года мы оказались затертыми льдами на норвежском китобойном судне «Викинг» у тогда еще неизвестной части Восточной Гренландии, около 67° сев. широты. Мы оставались в плену у льдов в течение 24 суток и с каждым днем все приближались к гористому берегу, дрейфуя со льдом. Там, за пловучим льдом, когда солнце, совершая свой круговорот по небу, касалось их и зажигало пожаром воздух и облака за ними, их дикая красота выступала еще больше.

Неудивительно, что не раз в течение дня с верхушки грот-мачты направлялся бинокль на запад, и весь этот неведомый мир притягивал и манил мою юную душу.

Я постоянно размышлял над планами достижения этого берега, к которому столь многие напрасно стремились, и пришел к выводу, что его возможно достичь если не через лед при помощи судна, как это пробовали делать уже раньше, то во всяком случае по льду, таща лодки за собой.

Я даже хотел сейчас же сделать попытку пройти одному на берег по льду, но встретил препятствие в лице капитана, который при данных обстоятельствах не находил возможным, чтобы кто-нибудь покидал корабль на продолжительное время.

Однажды осенним вечером, год спустя (значит, в 1883 году), я сидел и довольно равнодушно слушал, как читалась вслух газета. Вдруг мое внимание остановила телеграмма, сообщавшая о том, что Норденшельд благополучно вернулся из своей экспедиции в глубь Гренландии, что там он не нашел никаких оазисов, а лишь бесконечные снежные пространства, где двое его лопарей обнаружили удобную для лыж поверхность и прошли за короткое время невероятно большое расстояние.¹

Как молния пронеслось в моем мозгу: экспедиция на лыжах через Гренландию от одного берега до другого. Скоро был готов тот план, который позднее был осуществлен и выполнен.

¹ А. Норденшельд посетил внутреннюю часть Гренландии, покрытую материковым льдом, дважды: в 1870 и 1883 годах. В первый раз ему за восемь дней удалось проникнуть в глубь страны на 50 километров, а в 1883 году на 117. Сопровождавшие Норденшельда во время его второй гренландской экспедиции два лопаря прошли от крайнего достигнутого Норденшельдом пункта еще около 200 километров в глубь Гренландии.
Прим. ред.

Гренландия отличается от других стран северного полушария тем, что вся ее внутренняя часть покрыта огромным, снегом занесенным ледником, внутри материковым льдом, площадью больше миллиона квадратных километров. Он покрывает сушу точно так же, как когда-то, много тысяч лет тому назад, снег и лед покрывали всю Норвегию, Швецию и северную Европу. Прошло уже десять тысяч лет и даже больше с тех пор, как в последний раз такой громадный ледник лежал над нашей страной.

Побережье Гренландии большей частью не покрыто льдом, и этот свободный от ледника пояс шире вдоль западного и юго-западного берегов, где узкие и глубокие фиорды врезаются далеко в глубь страны среди высоких гор, совсем как в западной Норвегии. Но если пройти дальше вдоль этих фиордов, то рано или поздно везде встретишь по большей части в одной или двух сотнях километров от морского побережья бесконечные снежные и ледяные пространства, под которыми исчезает вся суша. Этот материковый лед спускается громадными ледниками в воду в вершине фиордов.

Здесь ледники «телятся», и родившиеся таким образом большие ледяные горы выносятся в море, дрейфуют через Баффинов залив и Дэвисов пролив на юг вдоль Лабрадора и восточного берега Ньюфаундленда и затем выходят в Атлантический океан, становясь грозной опасностью для всех судов, могущих столкнуться с ними в тумане и темноте.

Первыми людьми, пришедшими много тысяч лет тому назад в Гренландию, были эскимосы. Они поселились вдоль побережья и жили охотой на морского

зверя, по большей части на тюленя, а также моржа и кита.

Уже с тысячу с лишком лет тому назад земля эта была открыта норвежскими мореплавателями, и норвежцы и исландцы во главе со своим вождем, замечательным норманном, Эриком Рыжим, основались в двух поселениях, Эстербюгде и Вестербюгде, во фиордах западного и юго-западного побережья, в конце X столетия; и в течение пятисот лет они жили там. Как свидетельствует древняя норвежская книга «Королевское зеркало», эти наши гренландские родичи хорошо знали природу своей страны. Там, например, говорится, что свободным ото льда является только то место, где живут люди, — а это небольшое пространство земли вдоль самого побережья. Однако, во многих местах люди пытались забираться на самые высокие горы, чтобы посмотреть, нет ли обнаженной ото льда и годной для жизни земли дальше внутрь страны, но не нашли ничего. А так как вдоль обнаженного побережья встречались олени и другие животные, то думали все же, что в том или ином месте в долинах в глубине страны, а, может, и вдоль берегов, в этом бесконечном ледяном покрове должно существовать открытое пространство, где животные и отыскивали дорогу.

За протекшие годы возникали различные мнения о внутренней части Гренландии. Эскимосы думали, что она населена разными огромными духами, — об этом будет рассказано подробнее в «Жизни эскимосов». Общераспространенным мнением северян, знакомых с этой страной, было, что внутри она покрыта материковым льдом; но иные полагали, что за этим льдом

есть обнаженное пространство и даже леса. Идея существования обнаженной земли внутри страны поддерживалась проф. А. Э. Норденшельдом, пытавшимся научно доказать, что это так и должно быть и что за огромным ледниковым щитом, который встречался повсюду, должен находиться обнаженный участок с более мягким климатом.

Легко понять, что в изучении внутренней части этой удивительной страны заключался большой научный интерес, тем более, что это дало бы лучшее понимание условий, бывших в нашей собственной стране и северной Европе в те времена, когда она была покрыта подобным же внутриматериковым льдом.

Было сделано также много попыток пересечь этот материковый лед от одного берега до другого; но ни одна из них не удалась. Глубже всех внутрь Гренландии проник проф. Норденшельд во время своей экспедиции летом 1883 года.

Как упоминалось, мне стало ясно, что экспедиция норвежских лыжников сможет пройти от одного берега до другого через эту снежную пустыню; но для успеха имело большое значение, с какой стороны отправиться.

Прежние попытки делались в направлении с населенного западного берега на восточный, а последний окружен льдами, дрейфующими здесь в море в течение большей части года и препятствующими судам подходить к берегу. Экспедиция, вышедшая с запада на восток, не могла бы рассчитывать найти убежище на восточном берегу или на возможность быть забранной оттуда судном; она должна будет, если ей удастся пересечь Гренландию, идти обратно тем же

путем к западному берегу, т. е. проделать двойной путь.

Иначе получится, думал я, если можно будет пробраться через дрейфующий лед, высадиться на негостеприимном восточном берегу и оттуда отправиться через внутриматериковый лед. Тогда придется пройти путь до населенного западного берега всего лишь один раз.

К тому же, когда путешествие уже начнется, позади будут сожжены все корабли, и для сохранения своей жизни и возвращения домой необходимо будет дойти до населенных мест на западе во что бы то ни стало; иного выбора не будет, а это всегда сильный стимул в действиях человека.

Я считал, что лучше всего будет постараться достичь большого фиорда Сермиликк к западу от Ангмагссаликка на $65^{\circ}35'$ с. ш., где живет довольно много эскимосов, а затем пройти — или на верховья этого длинного фиорда, или с берега западнее, где материковый лед доходит до побережья, — через внутриматериковый лед на лыжах, таща с собой провиант, палатку и спальные мешки на санях. Курс нужно будет взять к северо-западу, к колонии Кристиансхоб в заливе Диско, где край внутриматерикового льда подходит близко к морю и где, судя по тому, что нам известно, можно найти легкий спуск. Расстояние, которое придется пройти по прямой, около 600 километров. Таков-то был намеченный план, и в январе 1888 года он был опубликован.

Когда план стал известен, он подвергся сильным нападкам со стороны различных авторитетов, заявлявших, что проект совершенно неосуществим; в особен-

ности критиковалась неосторожность в сжигании за собой кораблей; обязанностью-де хорошего начальника всегда является обеспечение надежной линии отступления, так как без этого его люди не смогут идти вперед с доверием. Мое же мнение было таково: линия отступления — опасное препятствие для людей, желающих достичь своей цели, так как в выполнение этой задачи нужно вложить все, а не терять драгоценного времени и не оглядываться назад тогда, когда более чем необходимо смотреть вперед.

Я предполагал выполнить путешествие на свои собственные средства; но, будучи к тому вынужден, обратился к университету за поддержкой в сумме пяти тысяч крон.

Несмотря на энергичную рекомендацию со стороны университета, правительство отказалось сделать что-либо. И когда Августин Гамель в Копенгагене телеграфно предложил деньги, которые я просил, я принял его благородное предложение.

Хотя план был назван чистым безрассудством, нашлось достаточно людей, желавших принять в нем участие. Я выбрал Отто Свердрупа, 33 лет, бывшего ранее капитаном судна, Улуфа К. Дитриксона, 32 лет, тогда пехотного премьер-лейтенанта, и Кристиана Кристиансена Трану, 24 лет, крестьянина из Стейнхьэра.

Предполагая первоначально забрать с собой в качестве упряжных животных нескольких оленей, я взял из Карашокка в Финмаркене двух лопарей: Самуэля Иоханнесена Балто, 27 лет, и горного лопаря Уле Нильсена Равну, 46 лет. Вникнув в дело глубже, я, однако, не счел разумным брать в путешествие оленей,

и потому умение этих двух лопарей обращаться с ними так и не было использовано.

Я договорился с владельцем парохода «Язон» из Саннефьюра и его капитаном Мауритсом Якобсеном, что судно возьмет нас в Исафиорде или Дюрафиорде в Исландии в первых числах июня 1888 года, когда оно пойдет на юг по пути с тюленьего промысла в водах Янмайена на промысел тюленя-хохлача в Датском проливе; это судно должно было доставить нас к восточному берегу Гренландии или к дрейфующему льду у этого берега.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИСЛАНДИЮ

В ПЕРВЫХ числах мая 1888 года мы отправились в Шотландию, а 9 мая вышли оттуда на датском пароходе «Тюра» в Исландию.

 Далеко в западном море, среди волн и прибоя, лежат Фарерские острова. Норманны пришли туда и осели там тысячу сто лет тому назад; население островов и до сих пор говорит на старом норвежском языке. 12 мая мы пришли в Трангиовог, небольшую гавань на южном острове Судерой. На дальнейшем пути на север мы имели туман и свежий ветер; время от времени мы сквозь мглу различали базальтовые острова; скалы круто обрывались в море, и у подножья их бушевал

сильный прибой. То был Большой Димон, где, по преданию, на Сигмунда Брестесена напал враг его Тронд из Гаты, отчего он прыгнул в море вместе с братом Турером и другом Эйнаром; и ему пришлось проплыть четыре мили на юг к Судерою, тогда как двое других погибли, если верить саге.

Затем мы прибыли в главный город Торсхавн, где нам пришлось отстаиваться двое суток из-за шторма. Самое замечательное, что нам довелось увидеть там, был танец Фарерских островов, который исполняется каждое воскресенье вечером. Всегда танцует, вероятно, человек сто; все танцоры, и мужчины и женщины, держатся за руки, образуя длинную цепь. В такт песни, которая подтягивается всеми за громкоголосым запевалой, они безостановочно танцуют, делая различные извивы цепи; так водят они хоровод всю ночь напролет, причем песня поется за песней. Многие из них — древнегероические песни на языке Фарерских островов, но поются и более новые датские и норвежские песни, одна из них «Господин Синклар отправился на соленое море».¹ Чрезвычайно популярна «Песня о зубатом ките», описывающая охоту на зубатых китов, большие стаи которых запирают сетями в здешних фиордах. Эти танцы некогда существовали, вероятно, и в Норвегии, но были вытеснены там плясками более живыми и здоровыми, ближе соответствующими норвежскому характеру.

Жители Фарерских островов существуют главным образом рыбной ловлей; они ловкие и смелые мо-

¹ Популярная в Дании и Норвегии старинная песня, в которой описывается истребление шотландских ландскнехтов норвежскими крестьянами в горах. *Прим. пер.*

ряки и уходят в своих открытых лодках далеко в море, даже до самой Исландии. Они усердные земледельцы, и у них много овец. Когда мы были там, нам говорили, что на острове на каждого человека приходится по восемнадцати с лишним овец.

Побывав в самом северном торговом местечке, Клаксвике, в глубине узкого фиорда среди высоких базальтовых гор, мы покинули Фарерские острова и вышли в море по направлению к Исландии; это было в понедельник, 14 мая.

Обоим лопарям в их меховых балахонах было тепло, однако, по мере того, как мы шли на север, становилось все холоднее, и некоторым из нас, по правде говоря, уже казалось, что стало довольно прохладно. Это повергло в большое раздумье старого Равну; он поверил свои мысли Балто, который сейчас же рассказал их нам: «Он, Равна, сказал мне, что мы сделали, отправившись с этими людьми, на них так мало одежды, я вижу, они мерзнут тут, они же ведь умрут в Гренландии, где так холодно, они, Свердруп, и Дитриксон, и Кристиансен, и Нансен, а тогда мы, лопари, умрем тоже, так как мы не знаем дороги к людям».

Наше судно «Тюра» должно было идти сначала к восточному берегу Исландии, а затем вдоль берега к северной части острова; но скоро оказалось, что в этом году в море необыкновенно много льдов, принесенных полярным течением с северо-запада, и что пройти через льды к восточному берегу невозможно; лед находился в море в тридцати географических милях (220 километрах). Нам пришлось отказаться от этого плана и пойти к югу от острова.

В среду вечером, 16 мая, перед нами появилась самая высокая гора Исландии Эрефа-йокуль. Это старый вулкан, теперь покрытый огромными ледниками; ослепительно белые, они сверкали на вечернем солнце под шапкой тумана, покрывавшей вершину. Гора поднимается прямо из моря до высоты около 1950 метров. Время от времени туман разрывался, и мы видели весь конус, упиравшийся в тучи. Он является частью Ватна-йокуль, самого большого европейского ледника, и после гренландского внутриматерикового льда следующим по величине ледником северного полушария.

Последнее извержение Эрефа-йокуля происходило в 1727 году, когда были разрушены многие хутора и погибло много скота. Во время большого извержения в середине XIV столетия было разрушено целых два прихода. Ледники растаяли от жара, и несущиеся потоки воды и глыбы льда, свергаясь вниз, в одно утро смыли в море сорок дворов со всем, что в них было; немногим удалось спастись. Несло так много камней, гравия и песка, что в море, там, где раньше было тридцать саженей глубины, образовалась песчаная отмель.

За Ватна-йокулем тянется ряд кратеров Лакис. Здесь в 1783 году было извержение, самое страшное из всех, бывших с тех пор, как на Исландии поселились люди. Говорят, что в потоках лавы, растекавшихся по стране, было столько камня, сколько в горе Монблан.

Эти-то вулканические силы, извергая базальт и лаву, и образовали всю Исландию такой, какой мы ее сейчас видим.

На следующее утро, 17 мая, мы пришли к островам Вестманна на южной стороне Исландии. Их высокие базальтовые скалы поднимаются прямо из моря, а в отверстиях этих скал живут тысячи морских птиц. Напротив на берегу поднимается в виде конуса на высоту до 1700 метров вторая по высоте гора Исландии Эйафьялла-йокуль, вся покрытая могучим белым снегом, занесенным ледником. Склоны ее, спускающиеся к морю, обнажены и каменисты; лесов в Исландии нет, лишь изредка попадаются ива и низкорослая береза. Дальше в глубь страны виднеется Тиннфьялла-йокуль и ослепительно белый купол вулкана Хеклы.

Вечером мы прошли мимо низкого полуострова Рейкьянес, образующего юго-западный угол Исландии. Перед мысом расположены шхеры, так называемые шхеры Гейрфугла, где когда-то водились теперь уже совсем исчезнувшие гейрфугли, или большие гагарки. Это были большие жирные птицы, ловить которых было очень легко, так как крылья у них были малы и они не могли летать; поэтому эти птицы и были в конце концов истреблены.

Затем мы подошли к столице Исландии Рейкьявик, на северной стороне мыса Рейкьянес. В городе было несколько тысяч жителей, и состоял он по большей части из небольших деревянных домов. Из камня (лавы) там было немного строений — здание альтинга, где собираются альтинг и парламент Исландии, и собор. В Исландии нет леса, и весь строительный лес должен привозиться, поэтому весьма странно, что лава, которой здесь так много и из которой так легко строить, столь мало употребляется для построек. На площади Аустервёллур перед зданием альтинга

стоит бронзовая статуя скульптора Торвальдсена,¹ который, как известно, происходил из исландской семьи.

В среду, 18 мая, мы опять пошли на север, мимо конуса вулкана Снефеллс-йокуль, тоже покрытого большим ледником. Он расположен у самого края полуострова Снефеллснес, далеко выступающего к западу. Гора эта прекрасный морской знак, видный далеко с моря.

На следующий день поднялся свежий ветер с метелью, и мы повстречали несколько отдельных льдин, показывавших, что льды уже недалеко. Ветер достиг силы шторма, и мы зашли в Энундарфиорд, чтобы выждать улучшения погоды. Некоторое время сильно задувало, и мало-по-малу высокие базальтовые скалы по сторонам фиорда до самого берега покрылись глубоким снегом.

Когда стало несколько затихать, мы продолжали плавание и на следующее утро, 20 мая, пришли в Исафиорд, где нужно было высаживаться и дожидаться «Язона». Если в Энундарфиорде стояла зима, то и здесь было не лучше: все было покрыто снегом. Город, следующий по величине из трех торговых центров Исландии, лежит в небольшом фиорде, зажатом между высокими горами.

Мы узнали, что кромка дрейфующего льда находится совсем недалеко — к югу от мыса Норд на северо-западной стороне фиорда; северный ветер может отнести льды дальше на юг и закрыть вход, так что

¹ Берта́ль Торва́льдсен (1770—1844) — один из величайших скульпторов, родился и умер в Копенгагене.

«Язону» будет трудно пройти за нами. Поэтому мы решили, что надежнее будет пройти в Дюрафиорд, лежащий южнее и никогда не загромождающийся льдом; мы подождем «Язона» там. На следующее утро при яркой солнечной погоде мы вошли в этот красивый фиорд. Мы высадились в Тингейре, торговом местечке этого фиорда, и были радушно встречены консулом Грамом, под кровлей которого нам предстояло провести время ожидания. Нам отвели большой чердак, где мы сложили вещи и спали там, разложив на полу свои спальные мешки.

Фиорд окружен базальтовыми скалами с горизонтальной слоистостью и уступами на самом верху, а дальше склоны их поросли травой; эта сияющая яркая зелень так характерна для исландских долин. Дальше внутрь страны фиорд закрывается Глому-йокулем, самой высокой горой в этой части острова. Но мы определили, что она не выше 910 метров, когда как-то проехали туда и поднялись на вершину.

Нам не приходилось скучать в Дюрафиорде: мы то карабкались на окрестные горы, то охотились на фиорде, то ездили верхом, посещая соседние крестьянские хутора. Такие поездки верхом особенно нравились нам. Если впервые видишь этих маленьких лошадок, то не веришь, что на них может ехать высокий человек; если сядешь верхом на такое маленькое животное, ноги у тебя будут болтаться до самой земли и ты будешь далеко не уверен в том, что спина лошади может выдержать тебя долго. Но когда лошадь покачет через камни и болота, через ручьи и расселины, по крутым склонам, по горным обрывам и плоским

камням, везде все тем же страшно быстрым аллюром, не оступаясь, то скоро проникнешься уважением к ней, такой превосходной горной лошади. Если она встречает реку, то, не задумываясь, переходит вброд или плывет, если вода глубока, и тут уж сам ты должен всячески остерегаться, чтобы не вымокнуть; частенько приходится выходить из положения, положив ноги на шею лошади; однако случается, что от неосторожного движения соскользнешь и под хохот всех остальных поплывешь.

В Исландии не было в ту пору ни проезжих дорог, ни мостов, всюду нужно было пробираться на спине лошади или пешком. На одном крестьянском хуторе я купил лошадь, которая умела ходить в упряжи; она запрягалась в плуг, что настоящая редкость в Исландии. Я подумал, не пригодится ли она для того, чтобы перетащить лодки и сани через ледяные поля до берега Гренландии, а потом, если удастся, то и поднять все наше снаряжение с берега наверх. А если нам придется застрелить ее, то во всяком случае она послужит нам пищей. Хуже всего было достать для нее корм; того, что мне удалось наскрести здесь, могло хватить лишь приблизительно на месяц.

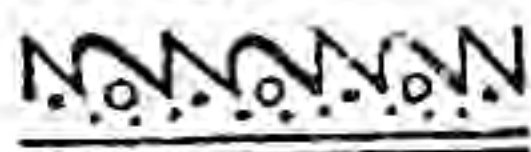
Большую часть времени я провел в Дюрафиорде, лежа на животе на жестком полу чердака и занимаясь писанием работы об анатомии угря, чего я не успел сделать в Норвегии.

Но вот, в воскресенье утром, 3 июня, мы увидели пароходик, с пыхтением входящий в фиорд. Что это за пароход, на нем ведь норвежский флаг? Когда судно бросило якорь у Тингейры, мы страшно обрадовались, узнав в первом сошедшем на берег капитана «Язона»

Мауритса Якобсена. Как выяснилось, «Язон» накануне пришел в Исафиорд, но так как судну с его тяжелой оснасткой потребовалось бы слишком много времени, чтобы пройти против сильного ветра сюда к югу, то купец Амли, управляющий норвежского общества китобойного промысла в Исафиорде, послал за нами «Исафолл», одно из китобойных судов.

Скоро все, что с нами было, перенесли на судно, и мы двинулись в путь. Вечером мы бросили якорь в гавани Исафиорда под салюты с «Исафолла» и «Язона», расцвеченного флагами от верхушек мачт до палубы; по словам Балто, на нем «столько флагов, будто это красная морошка на болоте».

НА „ЯЗОНЕ“

СУДНО «Язон» из Саннефьюра, на борт которого мы поднялись, был одним из тех зверобойных судов, которые в те времена выходили в море, по большей части из Тёнсберга и Саннефьюра, в апреле и мае охотились на гренландского тюленя, молодого и взрослого, на льду к северу от острова Ян-Майена, а также к югу от него, и затем в июне и июле промышляли хохлача на дрейфующем льду у восточного берега Гренландии, в Датском проливе. У «Язона», как и у всех таких судов, была полная оснастка трехмачтового судна; он был оснащен как барк и, кроме того, снабжен паровой машиной. Команды на нем было 64 человека, а на шлюпбалках висело 10 лодок.

Вечером 4 июня мы снялись с якоря в Исафиорде и пошли на запад, чтобы попытаться достичь восточного берега Гренландии. Но прежде чем покинуть банки у Исландии, мы хотели запастись свежей рыбой. Мы остановились, забросили лесу, — минута волнения, — и вот вытащена трепещущая огромных размеров треска; ловилось много — рыбу за рыбой кидали на палубу, и скоро образовалась большая куча чудесной свежей пищи, более чем достаточная на обед для всей команды.

В тихую красивую ночь мы пошли дальше на запад; солнце село, небо горело вечерними красками, гладкое море убаюкивало, а мысли блуждали вокруг неизвестных приключений, что ожидали нас там на западе и сулили успех или неудачу. Жизнь — что это, как не воспоминание о том, что было, и надежда на то, что придет?

На следующий день, 5 июня, мы подошли к кромке дрейфующего льда; в этом году его было много. Этот лед образуется в Ледовитом океане вследствие замерзания воды; летом под влиянием солнечного тепла часть его тает, но с каждой зимой он все увеличивается, так что ровные льдины могут достигнуть толщины около трех метров. Под влиянием ветра и течения лед непрерывно дрейфует через Ледовитый океан и далее на юг вдоль восточного берега Гренландии. Вследствие постоянного движения в ледяном покрове часто образуются трещины и полыньи, и он разламывается на огромные ледяные поля. Когда эти льдины наталкиваются друг на друга, происходит сильнейшее торошение льда; одна льдина далеко наползает на другую, или же они со страшным грохотом

разбиваются друг о друга, а осколки нагромождаются в большие торосы, которые могут достигать 8 метров высоты над уровнем моря. А так как подводная часть их по меньшей мере в девять, а то и в десять раз больше надводной, то общая толщина таких торосов может составить и все 70 или 80 метров. Куски, из которых образуются торосы, легко смерзаются, так что образуются громадные цельные льдины, дрейфующие с течением, и этим льдинам нужно много времени, чтобы растаять. Торосы во многом отличаются от огромных ледяных гор, дрейфующих в море и обязанных своим происхождением ледникам Гренландии, — да и значительно меньше их. От частого торошения поверхность дрейфующего льда становится чрезвычайно неровной. Если даже на первый взгляд она и кажется ровной, то все же часто оказывается трудно проходимой, когда нужно тащить по ней сани или лодки.

Полярным течением лед увлекается на юг вдоль восточного берега Гренландии, и большую часть года он держится там широким поясом, который к югу становится уже, загибаясь кругом южной оконечности Гренландии — мыса Фарвель, и ранним летом тянется еще на некоторое расстояние на запад у южного и юго-западного берегов.

Лед, находящийся у восточного берега Гренландии, в Датском проливе и южнее, препятствует судам подходить здесь к земле; только поздним летом и осенью лед расходится настолько, что судну может представиться случай пройти через него. Но это удалось только один раз: то был пароход Норденшельда «София», 4 сентября 1883 года прошедший через раз-

реженные льды у Ангмагссаликка как раз в том месте, где мы хотели попытаться пройти.¹

В течение нескольких дней мы шли на юг вдоль кромки льда. В поисках хохлача мы заходили во все бухты и трещины во льду. На верхушке грот-мачты была приделана большая бочка, в которой и день и ночь сидел капитан или другой надежный человек и высматривал в подзорную трубу тюленей на ледяных полях. Если ему удавалось заметить их много, то следовало направиться туда. Когда лед был слишком сплочен, судну приходилось прокладывать себе путь, пользуясь паровой машиной; случалось, что работа бывала кропотливой, часто приходилось разбивать льдину с полного хода или с треском и грохотом расталкивать льдины.

Когда, наконец, подходили туда, где лед был усеян тюленями, спускались на воду лодки и шли на веслах по полыньям. На всех лодках было по стрелку, который стоял впереди и командовал; затем было три или четыре гребца и один рулевой с большим рулевым веслом на корме. Когда лодки подходили на выстрел, охотник стрелял; он должен был стрелять метко и попадать тюленю в голову, чтобы убить его на месте, иначе тюлень уходил в воду, а тогда и все остальные по соседству кидались в море, подымая фонтаны брызг. Когда тюленя убивали, лодка приставала

¹ Представление о чрезвычайной труднодоступности юго-восточного берега Гренландии было неправильно, подобно господствовавшему в свое время представлению о непроходимости южной части Карского моря. В настоящее время в Ангмагссаликке находится большая колония с метеорологической станцией, которая посещается судами ежегодно. *Прим. ред.*

к льдине, молодцы прыгали на лед и свеживали тюленя; это занимало лишь несколько минут, если только ножи были достаточно остры. При свеживании толстый слой жира снимался вместе со шкурой, которая втаскивалась в лодку, туши ободранного зверя оставлялись на льду. Если тюленей много, можно за короткий срок до верху нагрузить лодку, и тогда моряки гребут поспешно к судну, выгружают лодку и потом снова рыскают между льдинами, чтобы настрелять новый груз. Таким образом, если тюленей достаточно, можно добыть с одного судна за сутки несколько тысяч штук. Тюлени, промышляемые здесь в Датском проливе, по большей части хохлачи, тогда как в море к северу и югу от Ян-Майена бьют больше всего гренландских тюленей.

За эти дни нам попало немного хохлачей и их было убито всего несколько сотен; но настоящий промысловый сезон еще не начался, позднее их будет, конечно, больше. Поэтому «Язон» пошел дальше на юго-запад вдоль кромки льда, пытаясь пробраться к восточному берегу. Как уже упоминалось, мы хотели достичь берега у Ангмагссаликка. Нас задержал противный ветер, времени прошло больше, чем мы ожидали; и кроме того налег туман, и мы не знали, насколько далеко прошли на запад и в каком расстоянии от земли находимся; льда кругом было, повидимому, очень много. Приближалось время, когда должна была начаться лучшая охота, а потому «Язон» снова должен был возвращаться к местам промысла, мы же должны были отказаться от мысли высадиться сейчас на берег, и потому в воскресенье, 10 июня, курс был взят на северо-восток.

На следующий день прояснилось, и мы в первый раз увидели привлекавшую нас к себе Гренландию. Балто, правда, не считал ее привлекательной, так как писал: «Эта часть восточного берега Гренландии, который мы тогда увидели, не была ни красива, ни мила на вид; наоборот, взирать на берег было жутко и неприятно; ужасно высокие скалистые зубцы возвышались, как башни, в тучи небесные, покрывавшие их вершины».

Это были высокие зубчатые горы на берегу к северу от Ангмагссаликка. Выше всех вершин вздымалась могучая гора Ингольфа, около 1880 метров высотой.

Берег находился, вероятно, на расстоянии около 15 географических миль (110 километров). По направлению к берегу шла глубокая узкая бухта во льду, и мы устремились туда полным ходом, чтобы узнать, насколько далеко она тянется. Мы подходили все ближе и ближе, лед сходил перед нами, но перед крепким форштевнем «Язона» льдинам приходилось отступать. Мы вошли в большое свободное пространство и по направлению к берегу не видели льда. Это обещало много, и «Язон» приналег, используя и пар и паруса. Находились мы тогда на $65^{\circ}18'$ с. ш.

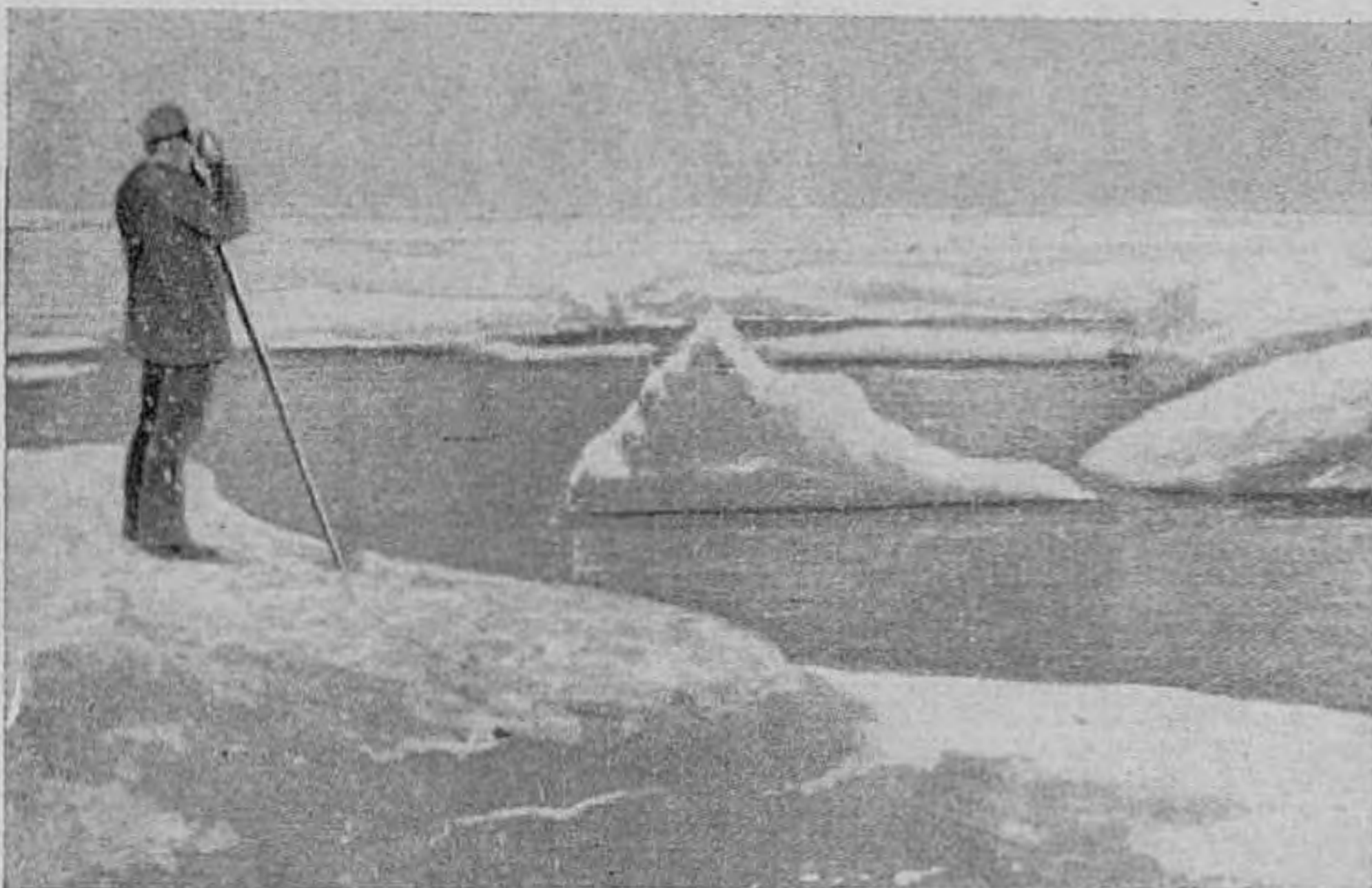
Однако лед показался-таки впереди; мы вошли в него, но вскоре он стал слишком плотен, и прохода дальше не было. Теперь земля находилась от нас в 9 или 10 географических милях (70 километрах), а так как лед казался довольно неровным и сплоченным, то мы не стали пытаться высаживаться здесь — расстояние было слишком велико. Мы повернули и снова вышли изо льда, продолжая лавировать против

ветра и течения; дальше к северо-востоку вдоль кромки льда снова навалил туман.

Целый месяц плавали мы взад и вперед вдоль кромки льда, промышляя хохлача. Лед был настолько сплочен, что мы не могли входить в него на далекое расстояние, а хохлачей попадалось не много; с охотой нам не особенно везло. Четырнадцать или пятнадцать других норвежских зверобойных судов такого же типа, как и «Язон», промышляли хохлача на том же участке в Датском проливе между Исландией и Гренландией; но они были не многим счастливее нас.

В это время нам доставила много огорчений наша исландская лошадь. Того сена, что мы взяли с собой из Исландии, нехватило на столь долгое пребывание на судне. Мы старались, как могли, протянуть дело, давая лошади тюленье мясо, сырое и вяленое, некоторое время она ела его. Затем давали ей гагарок, которых мы стреляли; собирали для нее водоросли, плававшие в море, получала она и овес; но долго это продолжаться не могло, и, к огорчению всего экипажа, нам пришлось застрелить ее. Она была баловнем на судне.

11 июля льды пришли в сильное движение. Внезапно льдина нанесла «Язону» страшный удар с носа, от которого судно подалось назад. Мы выскочили на палубу и увидели другую большую льдину позади нас; она с большой быстротой неслась прямо на корму. Затем она с грохотом столкнулась с нами, все судно задрожало и накренилось — руль был сломан, но, к счастью, не случилось ничего худшего. Если бы льдина ударила в борт, еще неизвестно, чем бы могло все кончиться. Весь следующий день у нас отняла

Капитан высматривает тюленей

Ночная вахта Свердрупа 20 июля (рис. Е. Нильсена по наброску автора)

съемка руля и постановка запасного, который промышленники всегда берут с собой.

Лето уже так далеко продвинулось вперед, что было мало надежды на дальнейшую охоту, и 13 июля мы вышли изо льда и снова взяли курс на юго-запад вдоль кромки, к Гренландии, чтобы высадиться там. Пояс льда вдоль земли стал теперь значительно уже чем в то время, когда мы были здесь месяц тому назад.

Ближе к берегу мы видели много больших ледяных гор; частью они стояли на мели, частью дрейфовали с течением. На многих из них были камни и галька, и на расстоянии они иногда имели вид островов. Вероятно, они достигали 50—60 метров над водой и верных 450—500 метров в глубину. Они рождаются от ледников, выходящих в фиорды побережья; состоят они из твердого ледникового льда, который отличается от морского пловучего льда.

17 июля утром мы подошли к земле у Ангмагсса-лики и большого фиорда Сермиликк; здесь-то мы и предполагали высадиться. Пояс льда в этом месте был узок — каких-нибудь 18 или 20 километров ширины; он состоял из довольно разреженного льда с широкими пространствами открытой воды, так что здесь можно было пройти на лодке. Было похоже на то, что открытая вода встретится также подле земли, по ту сторону льда.

Земля была обнаженная, с большим количеством гор, свободных от ледников. Но к западу от Сермиликкфиорда земля была покрыта внутриматериковым льдом; вглубь он расстилался ровной бесконечной гладью и, насколько мог видеть глаз наблюдателя

в бочке, на нем не было ни одного черного пятна. Итак, наша желанная цель была перед нами.

«Язон» мог бы пробить себе дорогу и дальше к берегу; но так как грозила опасность повредить винт об огромные ледяные обломки или быть затертыми, то я не решился подвергать судно этому риску без необходимости; повидимому, мы прекрасно сможем справиться сами.

Оставалось только приготовиться. Мы привезли с собой из Норвегии свою собственную легкую и крепкую лодку, специально сделанную для этого путешествия. Однако уложить все наши вещи с санями и ящиками только в нее одну было трудным делом, а потому я с радостью принял предложение капитана предоставить нам одну из самых маленьких зверобойных лодок. Затем все наши вещи были погружены в эти две лодки.

Мы написали последние письма домой в Норвегию, и в семь часов вечера все было готово к отъезду. Я еще раз взобрался в бочку, чтобы посмотреть, какой нам взять курс. Водяное небо подле земли было видно еще яснее, чем раньше. В направлении несколько западнее бухты короля Оскара лед казался наиболее разреженным, и я решил идти этим курсом.

Весь экипаж был на палубе, и с несколько грустным чувством мы расстались с нашими спокойными моряками. Среди них мы приобрели много друзей. Они были задумчивы и, вероятно, полагали, что нам, может быть, не удастся снова увидеть друг друга. Последнему мы пожали руку капитану Якобсену; с обычной своей спокойной манерой он сказал нам на прощание доброе

слово и пожелал «долго здравствовать». Затем мы спустились, держась за фалреп.

Управление одной лодкой, в которой в качестве гребцов находились Кристиансен и Равна, принял Свердруп, а другой, с Дитриксоном и Балто, — я. Мы отвалили, напутствуемые троекратным громким «ура» 64 человек с «Язона»; два белых дымка показались из его двух пушек, раскаты выстрелов прокатились над морем и замерли в налитанном дождем воздухе — и мы двинулись в неизвестное.

ЧЕРЕЗ ДРЕЙФУЮЩИЙ ЛЕД

МЫ БЫСТРО продвигались на лодках по полыньям, и «Язон» позади нас становился все меньше и меньше; но скоро нас нагнала лодка с 12 матросами, высланная капитаном помочь нам пробиваться в начале пути, если бы это понадобилось. Она следовала за нами некоторое время, но, увидав, что от нее едва ли будет много пользы, я с благодарностью отослал матросов обратно.

Мы нашли большое пространство разреженного льда и пробирались через него как могли. Некоторое время дело шло совсем хорошо, лед был настолько разрежен, что большею частью нам удавалось грести. Иногда приходилось прокладывать путь между льди-

нами ломами и топорами, перетаскивать лодки через небольшие льдины надо было только изредка. Когда мы отплывали от судна, моросил дождь, но теперь стало хуже, и небо потемнело. Странное зрелище представляли эти шесть человек в коричневых непромокаемых одеждах с остроконечными капюшонами на головах, похожие на монахов, молчаливо и уверенно пробивающиеся между белыми льдинами по черной воде — одна лодка в кильватере другой. Над горами у фиорда Сермиликк висели темные тучи. Время от времени они разрывались, и мы видели за ними небо, горевшее в лучезарном блеске ночи. Но завеса закрывалась снова, и ночь была угрожающе мрачной.

Лед становился все более тяжелым; часто приходилось залезать на ропаки, чтобы находить лучшую дорогу вперед. С вершины одного высокого ропака я помахал флагом «Язону», который ответил, опустив свой. Затем мы опять двинулись дальше — здесь нельзя было терять времени.

В самом начале пути на запад от нас была большая ледяная гора. Нам показалось удивительным, что мы к ней все приближаемся, хотя гребли больше на восток чем на запад; вероятно, сильное течение сносило нас к западу. Скоро нам стало ясно, что с востока нельзя пройти эту гору, очевидно стоявшую на мели. Оставалось пройти ее с запада, с подветренной стороны; но тут мы попали в сильнейший водоворот, льдины неслись, наползая одна на другую, и угрожали разбить попавшую между ними лодку. Свердрупу удалось вытащить свою лодку на одну из льдин и тем спастись. Мы пробивались вперед к открытой воде. Тут нельзя было зевать; приходилось оберегать лодку от всех

торчащих углов льдин, несущихся в водовороте, и заводить ее в выемки в кромках, когда льдины сталкивались друг с другом; однако, это не всегда бывало легко сделать при таком быстром течении. Все же нам удалось пробраться в большую полыню с подветренной стороны ледяной горы. Вскоре сюда прибыл Свердруп.

Теперь нам попадалось больше открытой воды; лед становился сплоченным только в тех немногих случаях, когда течение влекло нас к какой-нибудь ледяной горе, стоящей на мели; однако, он сразу же становился разреженным, как скоро мы проходили мимо горы. Дождь перестал, и за горами за Сермиликкфиордом выглянуло солнце, засветило костры на вершинах и горных пиках, а небо, еще отягощенное тучами, зажгло пожаром.

Перед нами лежали широкие пространства открытой воды, и мне показалось, что и по ту сторону льдов я вижу больше открытой воды. Мы подошли к земле с западной стороны фиорда настолько близко, что я мог различать отдельные камни и неровности на горах; мы говорили уже о том, где и когда мы сварим на берегу кофе, как вдруг лед сразу сплотило и нам пришлось поскорей выбраться на льдину. Наша лодка попала в неудачное место — в узкую трещину в льдине, а когда лед разошелся и нужно было выходить из трещины, острый ледяной край разрезал борт тяжело нагруженной лодки. Она не могла больше держаться на воде, оставалось только разгрузить ее и вытащить снова на льдину. Свердруп с Кристиансеном в качестве помощника сейчас же принялись чинить лодку и в относительно короткий срок мастерски привели ее в полный порядок, несмотря на недостаточные средства, ко-

торые были в нашем распоряжении. В таких путешествиях никогда нельзя теряться.

Но эта сломанная лодка решила нашу судьбу. Пока мы с ней возились, лед снова сплотился, небо потемнело, полил дождь и закрыл все вокруг нас. Оставалось только разбить палатку и ждать. Было десять часов утра 18 июля; самое лучшее, что мы могли сделать — это забраться в спальные мешки и предаться столь желанному сну после пятнадцатичасовой работы во льдах.

Перед тем как мы улеглись спать, над морем немного прояснело, и мы увидели вдали «Язона»; он только что развел пары и скоро исчез в море на востоке, конечно, в полной уверенности, что мы уже давно находимся в безопасности на земле. «Когда Равна увидал судно в последний раз, — писал Балто в своих путевых заметках, — он сказал мне: «Ах, как мы глупо сделали, что оставили судно, чтобы умереть здесь. Нет никакой надежды на спасение. Великое море станет нашей могилой». Я отвечал, что было бы неправильно, если бы мы, двое лопарей, вернулись обратно. Мы не получили бы никакого вознаграждения, и, может быть, норвежский консул даже отправил бы нас обратно в Карашокк за счет кассы для бедных. Это было бы очень стыдно».

Пока мы спали, один из нас должен был стоять на вахте, чтобы разбудить всех, если бы лед развело настолько, что мы смогли бы плыть дальше. Дитриксон сейчас же предложил нести первую вахту. Лед не разрежался. Только один раз мы подумывали было двинуться опять в путь, но льды сомкнулись снова. Для того, чтобы тащить лодки по льдинам, лед был слиш-

ком неровен, а льдины малы. Пока шел дождь, мы могли спать даже больше, чем нам хотелось; мы находились в невыгодном течении. Сначала нас несло с большой быстротой к западу в широкий ледовый пояс на западной стороне Сермиликкфиорда, затем течение приняло более южное направление и отнесло нас от берега с такой быстротой, что нечего было и думать пробиться к земле через лед. Если бы мы не занялись сломанной лодкой, мы успели бы пройти район, где течение было так стремительно, и попали бы в более спокойную воду у берега. Еще час, и мы оказались бы в безопасности.

Но теперь было слишком поздно; быстрота течения, в которое мы попали, была много больше той, какую кто-либо раньше себе представлял. Имей я понятие, что оно так сильно, я зашел бы в лед гораздо восточнее. Ведь если бы мы взяли курс поперек течения, то было бы легче пройти через лед прежде, чем нас пронесет мимо Сермиликкфиорда и мы войдем в более широкую полосу, где течение поворачивается и идет на юг. Теперь же нам оставалось только думать о том, как хорошо все это было бы, но рай закрылся перед нами, и мы дрейфовали на юг.

Пока у нас хватало работы — надо было удалить с палаточного пола дождевую воду. Этот пол был сделан из плотного, крепкого брезента; вода же просачивалась через шнуровку в нижнем крае палатки и собиралась в лужи. Приблизительно через сутки лед разределся настолько, что в 6 часов утра 19 июля мы с новыми силами и новым мужеством смогли продолжать наше передвижение. Через просвет в дождевой завесе нам удалось увидеть берег у Сермиликкфиорда — он

Перетаскивание лодки по дрейфующему льду, июль 1888 г. (рис. Е. Нильсена по фотографии)

Мы пробираемся через лед к северу (рис. Е. Нильсена по фотографии)

был вдвое дальше, чем раньше. Мы полагали, что, если не достигнем берега у Инигсаликка, к западу от Сермиликкфиорда, то, может быть, доберемся до него дальше на юге у Пикиутдлека. Нужно только неустанно работать, стараясь перебраться через течение, ведь должны же мы наконец преодолеть эти льды.

Мы принялись за это полные мужества, попали под защиту огромной ледяной горы, нашли длинные разводья и прошли по ним порядочное расстояние. Но лед сомкнулся, и нам снова пришлось вытаскивать лодки на льдину. Теперь глянуло солнце, мы поставили палатку и устроились в ней поудобнее, переоделись в сухое и высушили кое-что из промокшего. Особенно необходимо это было для меня, так как при прыжке в лодку с края льдины, обломившейся у меня под ногами, я попал в воду. Но такая ванна была повседневным явлением в этом путешествии. Пищи у нас было достаточно, превосходная питьевая вода встречалась в лужах на льдинах, а в боченке, взятом с «Язона», пиво все еще не иссякло, так что жаловаться нам не приходилось.

Мы уже слышали прибой у кромки льда, но не придали этому особого значения. Земля, от которой мы удалялись — вершины к северу от Сермиликкфиорда, все более и более уходила за горизонт. Вечером, когда другие уже давно забрались в спальные мешки, я долго не ложился, чтобы сделать кое-какие эскизы. Ночь была красивая. Я все еще различал горные цепи на севере, а на западе от самого берега далеко в глубь страны расстилался материковый лед могучей белой пеленой и мягкими линиями исчезал в желтом небе. Все это было так близко: какая досада, что этот пояс

дрейфующего льда с таким упорством отдаляет нас от цели наших стремлений.

Рисуя, я обратил внимание на то, что волнение между льдинами все возрастало. Я посмотрел в направлении моря, — небо там было темное. Подумав, что это собирается непогода, которая, однако, нас мало касается, я залез в мешок, присоединившись к своим спящим товарищам.

На следующее утро, 20 июля, я проснулся от того, что льдину с грохотом ударило несколько раз; волнение, должно быть, сильно увеличилось. Мы вышли из палатки и обнаружили, что наша льдина треснула поперек недалеко от нашей палатки. Лопари, сразу же забравшиеся на самое высокое место на льдине, закричали, что они видят открытое море. Да, оно виднелось вдали и блестело в утренних лучах; мы не видели его с тех пор, как покинули «Язона».

В дневнике за этот и следующий день я пишу:

«Волнение возрастает и постепенно обламывает нашу льдину, куски льда и ледяная каша, скопившиеся в промежутках между льдинами, отчасти ослабляют волнение: всю эту мелочь с силой выбрасывает на край льдины.

«Самое скверное, что мы приближаемся к морю с ужасающей быстротой. Мы грузимся на сани и пробуем пройти по направлению к земле, но тут же видим, что нас относит быстрее, чем мы можем продвинуться вперед. Самое лучшее, что можно сделать, — это отыскать себе более надежную льдину для жилья; наша стала довольно жалкой. Первоначально она была круглой и имела около 30 метров в поперечнике, но ночью она треснула, а сейчас снова трескается по другому

краю и становится совсем маленькой. Рядом с нами находится большая и толстая льдина, которая и сейчас еще цела; мы перебираемся туда.

«Тем временем нас несет все ближе и ближе к прибою, шум усиливается, волны подкатываются к нам и со всех сторон набегают на льдину. Все указывает на то, что положение становится серьезным. Бедные лопари, их настроение не из важных. Утром они исчезли, я никак не мог понять, куда они девались; на крошечной льдине не так уж много места, чтобы спрятаться. Но вот, я увидел, что одна из лодок тщательно прикрыта брезентами. Я осторожно приподнял один и увидел обоих лопарей, лежащих на дне лодки. Незамеченный ими, я снова прикрыл лодку; бедняги, повидимому, уже отрешились от жизни и готовились к смерти. Много позже Балто поведал мне, что, лежа там в лодке, они изливались друг другу, роняя мужественные слезы, и горько обвиняли себя и других в том, что покинули свой домашний очаг.

«Изумительная погода при ярком солнце, так что приходится пользоваться снежными очками. Мы взяли несколько высот солнца, причем оказалось, что мы находимся на полградуса, или на 55 километров, южнее устья Сермиликкфиорда и на расстоянии около 6 географических миль (44 километра) от ближайшей земли.

«Ввиду переживаемых обстоятельств, обед готовится особенный — варится гороховый суп. Такой роскоши мы еще не позволяли себе. Пока поспевает суп, волнение усиливается настолько, что кипяtilьник несколько раз едва не опрокидывается. Лопари едят в глубоком молчании, тогда как другие болтают и

шутят, а когда волна сильно поддает, то это дает повод к остротам, не встречающим, однако, отклика у лопарей; они находят, что теперь не время и не место шутить.

«С самого высокого места льдины мы ясно видим, как льдины вдали заливаются прибоем, а пена белыми облаками взлетает в голубоватом воздухе; едва ли какая-нибудь живая тварь сможет удержаться на таком льду. Повидимому, нам не избежать того, что мы очутимся там. Но льдина, на которой мы находимся, толста; надеемся, что она еще устоит немного и во всяком случае мы не покинем ее, пока сможем на ней держаться. Но если будет еще хуже, нам придется в виде крайнего средства вывести лодки через прибой. Это будет жаркое дело, но жизнь дорога, и мы не отдадим ее дешево.

«Спустить одну из нагруженных лодок на воду через ледяную кашу и качающиеся ледяные глыбы так, чтобы она не наполнилась водой и не разбилась об лед, может быть, и удастся всем нам шестерым, но вот с другой лодкой будет еще хуже...

«Нам остается не больше трехсот метров; никто из нас не сомневается в том, что через несколько часов мы будем плыть в лодках по открытому морю вдоль кромки льда к югу, или утонем. Бедняга Равна, его жалко больше всех, он все еще не привык к морю и его капризам. Молчаливо озирается он кругом, время от времени забирается на самые высокие бугры на льдине, озабоченно посматривает на прибой, а мысли его, конечно, уносятся к стадам оленей, к жене и детям, что живут в горном шалаше, на севере Финмарка, где теперь уже разгар лета и светит солнце... Да, Равна:

«Прощай» всегда тягчайшее из слов,
А в мире есть прекрасного так много...

«Но и здесь, на этом волнующемся море с грохочущим прибоем, светит солнце и светит так же мирно, как и повсюду. Наступает вечер; солнце такое же красное, как вчера, садится за материковым льдом, пожаром зажигает небо на западе, посылая земле, льду и морю долгий прощальный поцелуй. Никакого ветра, море перекачивается гладким золотом... Посмотри на могучие, длинные гребни волн, приходящие издалека бесконечной чередой, как будто их никто не может остановить; они разбиваются о кромку льда, высоко вздымают свои зеленоватые груди, обрушиваются и далеко на белый лед разбрасывают ледяные осколки и пену. Неужели такая прекрасная ночь предназначена для гибели? Трудно поверить этому.

«Но времени здесь терять нельзя, мы быстро приближаемся к кромке, волнение так велико, что, опускаясь в пасть между волнами, мы не видим окружающего нас льда; льдины кидает одну к другой, они разбиваются вокруг нас, переламываются в куски, наша тоже разбита и стала меньше. Если нам придется выйти в море, то необходимо выспаться, так как нам, может быть, придется грести несколько суток, чтобы удержаться ото льда на должном расстоянии. Поэтому все должны идти спать в палатку, которая одна осталась неуложенной в лодки. Свердруп, как самый опытный, становится на первую вахту, чтобы разбудить нас в решительную минуту; через два часа его сменит Кристиансен.

«Несмотря на грохот прибоя, скоро все спокойно заснули, даже лопари, думавшие, что они видели закат

солнца в последний раз. Балто, не считавший палатку достаточно надежной, а потому улегшийся в одной из лодок, не проснулся даже и тогда, когда потом Свердрупу пришлось держать ее, чтобы ее не смыли волны.

«Через некоторое время — не знаю, как долго это продолжалось, — я проснулся оттого, что вода бурлила у самой моей головы за стеной палатки. Льдину качало вверх и вниз, как судно в сильную волну, вокруг нас грохотал прибой. Я каждую минуту ждал, что Свердруп разбудит нас или что палатку зальет водой; однако, не случилось ни того, ни другого. Я слышал, как Свердруп спокойно шагал взад и вперед между палаткой и лодками; мне казалось, я вижу его крепкую плотную фигуру; руки в карманах, несколько сутуловатая спина и задумчивое невозмутимое лицо, обращенное к морю; время от времени во рту переворачивается со стороны на сторону табачная жвачка — больше не помню ничего...

«Утром я снова проснулся и удивленно вскочил — прибой слышался, как отдаленный гром. Выйдя из палатки, я увидел, что мы далеко от открытого моря. Но какой вид был у нашей льдины! Она завалена большими и мелкими ледяными глыбами, которые громятся со всех сторон; море не тронуло только гребня, где стояла палатка и находилась одна из лодок.

«Свердруп рассказал теперь, что он несколько раз останавливался у двери палатки, чтобы разбудить нас, один раз он уже взялся за застежку двери, но бросил ее, прошелся еще раз к лодкам, постоял немного и посмотрел на прибой. Мы были в тот момент уже совсем у кромки; рядом с нами нырял вверх и вниз огромный ропак и каждую минуту угрожал опрокинуться на нас.

Прибой заливал нашу льдину со всех сторон, но груды набросанных глыб настолько защищала ее, что палатка и одна из лодок все еще были не тронуты; другую же лодку, в которой спал Балто, заливало, так что Свердруп приходилось несколько раз удерживать ее.

«Потом стало еще хуже, Свердруп снова подошел к двери палатки, отцепил даже застежку, но остановился, ему захотелось раньше взглянуть еще на одну волну.

«Больше браться ему за застежки не пришлось. В ту минуту, когда положение казалось хуже всего и нашей льдине предстояло выйти в самый сильный прибой, дрейф вдруг сразу изменился, и нашу льдину с изумительной быстротой понесло к земле. Свердруп говорил, что это было похоже на то, будто льдину направила какая-то невидимая рука.

«Теперь среди льдов мы были в безопасности. На этот раз нам удалось избежать случая испытать мореходность наших лодок и свою собственную морскую выдержку».

Последующие дни, когда дрейф непрерывно увлекал нас на юг вдоль берега, были довольно однообразны. Все время мы тщательно наблюдали за направлением дрейфа, перестановкой льдин и цветом неба, могущим дать сведения о состоянии льда; дело в том, что, если небо горизонта светлое, то это значит, что там сплоченный лед, ибо сплоченный белый лед отбрасывает светлый отблеск на небо и облака, тогда как над более разреженным льдом с темной водой в промежутках между льдинами небо становится темнее. Мы слышали прибой у кромки льда; волнение продолжалось, и лед плачивало. Мы наблюдали также очень внимательно

за ветром и за каждым изменением его направления; благоприятный ветер мог развести льды и открыть для нас проход. То была жизнь между надеждой и разочарованием; следовало запастись терпением, необходимым качеством в подобных путешествиях.

Как только лед становился достаточно разреженным и появлялась открытая вода, мы пытались пробираться по направлению к земле на лодках между льдинами. Это было небезопасно, так как при волнении, доходившем до нас, льдины, ударяя друг о друга, легко могли разбить лодки. Затем лед сплавивался снова, и нам опять приходилось искать приюта на льдине.

Когда лед находился в состоянии сжатия, мы пробовали также тащить по нему лодки и сани со снаряжением; но дело подвигалось не так уж быстро: чтобы увезти с собой все, приходилось многократно возвращаться. Это мало чему помогало; да и какая была в этом польза? Правда, уж и то было хорошо, что мы не сидели без движения и укрепляли тело, это тоже важно; но сколько-нибудь иной, большей пользы в этом не было: волнение работало быстрее нас и было похоже на то, что мы снова попадем в прибой.

Ночью, пока мы спали, один из нас всегда стоял на вахте, чтобы предупредить, если лед разойдется. Каждый вахтенный должен был дежурить два часа. Когда наступала очередь Равны, то следующий дежурный мог спать спокойно, так как Равна не умел смотреть на часы и никогда не знал, когда его вахта кончается. Для верности он нес вахту четыре, пять часов, а потом будил следующего и спрашивал, как, по его мнению, не прошло ли уже двух часов?

А тем временем мы все дрейфовали на юг и на юг, то с большей, то с меньшей быстротой, подчас больше 60 километров в сутки; мы то подходили ближе к земле, то нас относило дальше в море. Пока мы дрейфовали вдоль берега, нам представился удобный случай изучить его.

У Ангмагссаликка и к северу от него, как уже упоминалось, берег горист, а белая поверхность материкового льда скрыта за рядами высоких вершин, которые он не в состоянии похоронить под собой. Но с западной стороны Сермиликкфьорда и в нескольких стах километров к югу от него береговая полоса ниже и целиком покрыта материковым льдом, низвергающимся прямо к побережью, и только отдельные небольшие возвышенности и вершины, называемые эскимосами «нунатаками», чернея, торчат из-под него у края. На этом участке во многих местах, видимо, легко подняться по ровной поднимающейся от самого моря снежной поверхности; здесь-то нам и нужно было постараться высадиться и начать свой переход через материковый лед.

Дальше на юг, приблизительно с $63^{\circ}40'$ с. ш., материковый лед снова скрывается за расположенной вдоль берега высокой гористой областью с рядом вершин до 1800 метров высоты. Но в 160 километрах южнее, на $62^{\circ}18'$ с. ш., материковый лед опять подходит к побережью и покрывает всю землю; то тут, то там из него торчат черные горы. Такой характер берег имеет и дальше к югу, насколько мы могли видеть.

Животных на дрейфующем льду было видно немного. Изредка в полынях выныривали огромные круглые головы хохлачей и удивленно уставлялись

на нас своими большими глазами: они ведь не привыкли видеть здесь на льду таких двуногих созданий. Там и сям мы видели отдельных хохлачей, лежавших на льдинах и казавшихся большими черными точками на белом фоне. Птиц было изумительно мало, в воздухе не видно было ни одной чайки, на воде ни одной гагарки. Один единственный раз над нами пролетала стая уток, да изредка пролетал ворон, как привет земли, до которой мы никак не могли добраться.

Однажды рано утром меня разбудил Кристиансен, стоявший вахту; он закричал в дверь палатки: «Нансен, вот идет медведь!» Я попросил принести из лодки ружье, натянул башмаки и выскочил в одной рубашке. Медведь полным ходом бежал к палатке. Когда подбежал Кристиансен с ружьем, зверь остановился, поглядел на нас и со всех ног пустился удирать. Досадно, но во всяком случае остальным удалось увидеть медведя, а то они давно вздыхали об этом.

Нам приходилось подбадривать лопарей, которые видимо все больше и больше теряли мужество; они, конечно, решили, что мы выходим в Атлантический океан. Однажды мы рассуждали о том, когда же мы, наконец, попадем на землю, и единодушно высказывали мнение, что у южного конца Гренландии нам во всяком случае удастся достичь берега; там мы будем уже довольно скоро, и у нас еще останется время пройти на север вдоль берега и затем пересечь материковый лед. Тогда Балто сказал мне: «Не говори об этом, мы никогда не достигнем берега, мы выйдем в Атлантический океан, я только должен молить моего бога, чтобы он позволил мне умереть, как раскаявшемуся грешнику, чтобы попасть на небо; я много

в жизни делал зла; теперь я в этом горько раскаиваюсь, потому что очень боюсь, что не буду прощен». Я спросил Балто: не думает ли он, что вообще следует раскаиваться в своих грехах, если бы даже смерть и не была так близка? Да, он это думает, но в последнем случае нет такой спешки; однако, если он на этот раз спасется, то будет стараться вести лучшую жизнь. Я спросил: бросит ли он пить водку, если спасется? Да, он полагал, что бросит, во всяком случае он будет пить совсем немного; ведь проклятая водка виновата в том, что он отправился в это путешествие. Как это так? Ну да, он был пьян тогда, когда встретил NN, спросившего его, не хочет ли он принять участие в путешествии в Гренландию; тогда он был храбр и считал, что способен на это. Но проснувшись трезвым на следующее утро и вспомнив о том, что он сказал, он жестоко раскаивался, однако подумал, что уже слишком поздно перерешать; а теперь он дал бы 2000 крон, только бы никогда не быть с нами здесь.

Несколько раз бывало похоже на то, что мы снова отдрейфуем в область прибоя, и 27 июля мы были от кромки льда всего лишь в 300 метрах. Мы начали уже подумывать, не лучше ли будет попытаться выйти в море на лодках и грести на юг.

К вечеру 28 июля спустился туман и скрыл от нас землю. Мы обратили внимание на то, что лед сильно развело, но нам уже так надоело постоянно обманываться этим разрежением льда, что мы не стали садиться в лодки, хотя нам и показалось, что в последние дни во льду замечается какой-то новый род движения. Мы забрались в мешки, но вахтенные получили наказ будить всех, если лед разрежится еще больше.

Под самое утро Свердруп в тумане вышел на вахту и призадумался: творилось что-то неладное либо с ним самим, либо с компасом, так как прибой слышался на западе со стороны земли, тогда как до этих пор мы всегда слышали его с востока, со стороны моря. Одно не вязалось с другим. Позднее все выяснилось — Свердруп слышал прибой у берега.

Утром 29 июля я лежал в мешке, уже проснувшись, и развлекался бородатым личиком Равны, заглядывавшего время от времени в дверную щелку палатки. Он был на вахте и, как обычно, простоял четыре часа вместо двух. Сейчас он вероятно раздумывал, нужно ли будить следующего вахтенного, Кристиансена. Но сегодня я заметил у него в лице что-то необычное и потому, наконец, спросил: «Ну, Равна, ты видишь землю?» Тот отвечал: «Да, да, земля слишком близко». Оба лопаря говорили «слишком» вместо «очень». Я спросил: «А что, лед разрежен?» — «Да, да, лед разрежен», прозвучало в ответ. В один момент я выскочил из мешка и бросился к двери. Действительно, земля была слишком близко, чтобы продолжать лежать в спальных мешках. Она была ближе, чем когда-либо раньше. Весь лед развело, а дальше виднелась открытая вода.

Мы быстро оделись и проглотили завтрак; затем лодки были спущены на воду, погружены, и мы изо всех сил стали грести через лед. Удивительная перемена произошла со льдами. Казалось, что они от дрейфовали от берега к юго-востоку; там я не видел ничего кроме льдов, а небо над нами было совсем белое, что означало, что лед был сплоченный. Но к югу вдоль земли держалась открытая вода, и мы

находились от нее недалеко; на северо-западе же лед, повидимому, подходил к земле. Наконец-то нас отнесло к внутренней стороне ледяного пояса, а не к морю, как это всякий раз бывало раньше.

Скоро мы прошли мимо последней льдины, и перед нами открылась синева чистой воды, доходившей до самой земли. Мы торжествовали: теперь наше путешествие через Гренландию удастся; это только в дрейфующем льду все выглядело так печально. Лишь бы как можно быстрее пройти обратно на север между берегом и внутренней кромкой льдов и достигнуть того участка, где мы видели материковый лед, спускающийся к самому морю; там мы наверняка легко поднимемся и сможем начать свой переход к западному берегу Гренландии. Мы страшно хотели почувствовать под ногами скалы Гренландии, а кроме того я уже давно обещал шоколад и праздничное угощение в тот день, когда мы вступим на твердую почву. Мы правили на северо-запад, к земле. По пути мы прошли мимо большой ледяной горы, стоявшей на мели, высокие белые ледяные стены с лазурно-голубыми трещинами отражались в синей воде; вверху, на гребне ледяной горы, сидело много чаек, рассыпанных как темные точки. Когда мы были уже близко, в воду с грохотом упала огромная ледяная глыба; стаи чаек взмылись кверху и с криками носились над нами; здесь была совсем иная жизнь.

С норвежским и датским флагами на корме и на носу лодка подплыла к крутой скалистой стене, отражавшейся темным пятном в гладкой воде. Мы причалили к бухте, прыгнули на берег и на самом деле почувствовали камни под ногами; мы взобрались на

скалы и были как дети; какая-нибудь кочка мха, былинка, цветок вызывали в нас бурю чувств. Лопари помчались напрямик на горы и долго не возвращались.

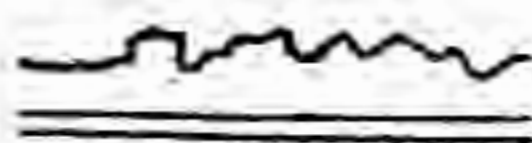
Теперь оставалось только пустить в ход кипятильник, но вода долго не кипела, и я пошел на горы, чтобы осмотреться. К югу от нас лежал остров Кутдлек, а южнее его поднималась скала — мыс Торденшолда. Я приветствовал его как земляка, родным было не одно только название, но и сама смелая форма скалы. К северу около берега лежал разреженный лед, но дальше он был, повидимому, более сплочен — нам придется порядочно потрудиться, чтобы пройти там.

Сидя на камне и греясь на солнце, я увидел, как что-то, жужжа, пролетело по воздуху и село мне на руку. Да ведь это же комар, подумайте — комар! Скоро их налетело множество. Я позволил им кусать себя; то, что они сидели тут, напивались кровью и раздувались, создавало ощущение, что ты действительно находишься на земле. Они, конечно, никогда еще не пробовали человеческой крови; однако, вскоре их появится больше, чем нам хотелось бы.

Вдруг я услышал чириканье, и рядом на камень села пуночка; наклоняя головку то на одну сторону, то на другую, она поглазела на новоприбывшего гостя, защебетала, прыгнула на другой камень, снова посмотрела и улетела. Все-таки жизнь прекрасна и радостна!

Наконец, шоколад был готов, и мы большими глотками вливали в себя кипящий божественный напиток; завтрак наш тоже был богат и чудесен.

ЭСКИМОСЫ

МЫ РЕШИЛИ передохнуть и разок насладиться жизнью; но затем конец, с этих пор порядок дня таков: спать как можно меньше, есть как можно меньше и быстрее, а работать как можно больше. Пищей будут служить главным образом галеты, сушеное мясо и вода; на варку чего-либо или на добывание охотой свежей пищи времени у нас будет мало. Мы потеряли целый месяц, короткое лето уже далеко продвинулось вперед, но даже теперь мы еще успеем достичь западного берега, если достаточно хорошо используем время; нужно только приналечь.

Мы двинулись на север вдоль берега; некоторое время все шло хорошо, но потом лед оказался более

сплоченным, и нам стоило больших трудов пробивать себе дорогу. Приходилось шестами и баграми раздвигать льдины и обрубать края их топорами, чтобы лодки могли пройти. По временам огромные и тяжелые льдины бывали так прижаты одна к другой, что казалось невозможным сдвинуть их нашими шестами, хотя мы и налегали на них изо всех сил. Но мы снова возобновляли попытки. Льдины подавались на дюйм; это придавало нам мужество: ну-ка, еще раз! Они подавались еще на дюйм; держитесь — дело подвигается. Они расходятся друг от друга все больше и больше, наконец, между ними образуется такое большое пространство, что лодки могут пройти, нужно еще только обрубить края льдины.

Так мало-по-малу мы проталкивались вперед на север, пока к полудню на следующий день, 30 июля, не дошли до северной оконечности острова Карра Акунак, где высадились на берег, чтобы немного поесть и поспать несколько часов. Здесь случилось нечто замечательное. Когда мы собирались есть, я услышал среди криков чаек и прочих звуков нечто весьма сходное с человеческими голосами. Я обратил на это внимание остальных. Что это может быть? Люди? Мало вероятно. Мы крикнули несколько раз. Звуки приблизились. Наконец, мы слышали один возглас так ясно и так близко, что некоторые из нас вскочили на ноги.

Балто взял бинокль, влез на утес и крикнул оттуда, что видит двух людей. Я побежал к нему и в бинокль увидел две черные точки, передвигающиеся между льдин то вместе, то отдельно; казалось, они искали прохода, потому что несколько раз двигались

то вперед, то назад. Но вот они двинулись прямо на нас, и двойные весла завертелись, как мельничные крылья среди блеска воды, — это были два человека в каяках. Они подплывали все ближе и ближе. Лицо Балто выражало полуудивление-полуиспуг; и он сказал, что побаивается этих удивительных созданий.

Когда они приблизились, один из них нагнулся в каяке (словно приветствует нас, подумали мы); другой же не делал ничего. Затем они одним движением весла причалили к скале и вылезли из каяков. Один вытащил каяк, другой оставил свой на воде. И вот перед нами предстали два первых встреченных нами эскимоса; нам улыбались два коричневых, грязных, но приветливых лица. У одного «блуза» и штаны были сшиты из тюленьей шкуры, между поясом и краем штанов виднелся порядочный кусок голого тела. На ногах у него были высокие мягкие сапоги, камики. На голове была только нитка с бусами, которая придерживала густые черные волосы, падавшие на затылок и плечи. У другого, как это ни странно, была блуза из синей бумажной материи с белыми горошками. И у него на ногах были штаны из тюленьей шкуры и камики; порядочная часть тела оставалась голой. На голове была широкая плоская фуражка с козырьком, сделанная из синей бумажной материи, натянутой на деревянный каркас, с белым крестом на красном поле наверху.

Эскимосы были малы ростом и, очевидно, совсем юны. Тот, у которого была нитка бус на голове, был прямо красив, у него была темная кожа почти цвета каштана и круглое лицо с правильными мягкими, можно сказать, женственными чертами. Оба были легки

и ловки, и движения их грациозны. Они непрерывно улыбались, жестикулировали и перебивали друг друга, говоря на языке, в котором мы, конечно, не понимали ни звука. Они указывали пальцами то на север, то на юг, то на дрейфующий лед, то на землю, то на нас, на наши лодки, на самих себя, все время не переставая болтать; однако, мы понимали их от этого не больше и только улыбались в ответ. Лопари все еще не доверяли этим «диким людям» и держались в стороне.

Я достал кое-какие бумажки, где по-эскимосски было записано несколько вопросов и ответов. По ним я, — как мне казалось, на хорошем эскимосском языке, — спросил о состоянии льда на севере; но на этот раз пришел их черед глупо улыбаться. Я повторил снова; но эскимосы не поняли ровно ничего. После еще одной попытки я сердито отбросил бумажки и прибегнул к знакам. Дело пошло лучше, и мы выяснили, что эскимосов много и что они живут на северной стороне ледника Пуисортток, лежавшего к северу от нас; чтобы пройти туда, нам нужно плыть у самого ледника. Эскимосы указывали нам на него пальцами, много и чудно жестикулировали, делали озабоченные лица, оживленно говоря о чем-то; все это, конечно, должно было означать, что ледник этот очень опасен и каждый должен его остерегаться. У эскимосов, живущих на этом берегу, суеверный страх перед этим ледником, всегда готовым, по их мнению, обрушиться и раздавить проезжающих мимо; плыть там приходится над скрытыми ледяными массами, которые только ждут случая вынырнуть из глубины и повредить лодки. Пуисортток означает место, откуда что-то может выскочить. Когда проплываешь мимо ледника, нельзя ни

говорить, ни смеяться, ни нюхать табак, никто не должен смотреть на ледник, а пуще всего произносить имя Пуисорток; иначе он разгневается, а это верная гибель. — Мы старались дать эскимосам понять, что пришли сюда не с юга вдоль земли, а с моря; на это они издали длинный протяжный звук, подобно мычанию коровы. Это был, конечно, звук величайшего удивления; они переглядывались и недоверчиво смотрели на нас, или не веря, или, может быть, принимая и нас за сверхъестественные существа; ведь эскимосы питают к дрейфующему льду великий страх и никогда не отваживаются входить в него.

Подивившись нашему снаряжению, а в особенности железной обшивке наших лодок, которая для них была ценным материалом, и получив по мясной галете, — они их только отведали, а потом спрятали, чтобы показать дома, — эскимосы дали нам понять, что на скале стоять холодно и что они хотят опять сесть в каяки. Да и не удивительно, — на эскимосах было так мало одежды, а средняя часть туловища, как уже упоминалось, была у них и вовсе голая, погода же была далеко не жаркая. Знаками они спросили, идем ли мы на север, мы подтвердили это. Тогда они еще раз предостерегающе указали нам на ледник, пошли вниз к берегу, где приготовили каяки и влезли в них с ловкостью кошек. Несколько взмахов веслами, и они беззвучно понеслись стрелой по водной поверхности; весла снова завертелись, как мельничные крылья, и эскимосы поплыли между льдинами. Время от времени поднималась рука, чтобы метнуть гарпун или стрелу для птиц, на секунду останавливалась, направляя стрелу, затем выпрямлялась, как стальная пружина.

жина, гарпун или стрела срывались с метателя, летели далеко по воздуху и падали в воду, где их снова подхватывал человек в каяке, подоспевший туда в погоне за ними. Это метанье служит для тренировки и руки и глаза. Затем эскимосы исчезли за ледяной горой в направлении ледника, а мы забрались в спальные мешки.

Вечером мы двинулись дальше и без особых затруднений прошли мимо Пуисортока, который был, вероятно, километров пять шириной. Мы прошли как раз под его высокими отвесными ледяными стенами, переливавшимися всеми голубыми оттенками ледникового льда — от густого чистого ультрамарина в глубине трещин до бледного молочно-голубого на ровных стенах, а наверху, где все еще расстился снежный покров, совсем белыми. Трудно представить себе, чтобы этот ледник был особенно опасен, так как на вид он был мало подвижен, а потому, вероятно, не часто случалось, что с него откалывались большие глыбы льда. Если это случается с каким-нибудь большим ледником, т. е. если он «телится», то образуются такие волны, а ледяные глыбы с такой силой ударяются друг о друга, что лодке, оказавшейся против ледника, очень трудно уцелеть.

Приближаясь к скалистой оконечности — мысу Билле, к северу от Пуисортока, — мы слышали странный звук: смесь человеческих голосов и собачьего воя; одновременно мы увидели какие-то темные массы, двигавшиеся на берегу. То были люди, стоявшие на горных уступах. Они кричали, перебивая друг друга, махали руками и указывали на нас, пробивавшихся через лед. Теперь мы увидели несколько кожаных пала-

ток, стоявших на скале, и почувствовали своеобразный запах рыбьего жира.

Хотя был еще ранний вечер, мы не могли устоять против желания приветствовать этих удивительных, неведомых людей. Когда же мы направили лодки к берегу, шум там увеличился; эскимосы кричали, показывали пальцами, некоторые побежали к берегу, другие же выше на гору, чтобы лучше видеть. Если же мы останавливались у льдин, загораживавших нам путь, и раздвигали их длинными баграми или бамбуковыми шестами, то шум поднимался невообразимый. Эскимосы кричали и хохотали. Затем несколько человек в каяках вышли нам навстречу, между ними был один из тех, которых мы видели утром; они широко улыбались, сновали около нас в своих вертких челноках, желая показать нам дорогу, которую мы и сами прекрасно находили. Эскимосы изумленно смотрели на наши крепкие деревянные лодки, которые плыли, невзирая на глыбы льда, достаточно большие для того, чтобы распороть на куски их кожаные лодки.

Когда мы в сумерках подошли к берегу, то ряды этих диких, оборванных мужчин, женщин и детей, обступивших нас со всех сторон и глазевших на нас, являли собой фантастическое зрелище; эскимосы указывали пальцами и издавали тот же мычащий звук, слышанный нами утром, как будто в большом хлеву усиленно мычали коровы. На берегу жестикулировала толпа мужчин, желая показать нам хорошее место для высадки; это их способ приветствовать путешественников. Несколько желто-коричневых палаток стояло наверху скалы, а кругом лежали каяки, женские лодки и разные вещи. На воде кишели каяки

с мужчинами, дальше в море простирался дрейфующий лед, на земле покоился ледниковый покров, а позади небо пламенело после захода солнца. Здесь были жизнь и движение, которые являлись удивительной противоположностью тому одиночеству, которым мы были окружены до сих пор.

Когда мы вышли на берег, привязав лодки, эскимосы окружили нас плотным кольцом, улыбаясь нам со всех сторон. Улыбающееся лицо — это приветствие эскимоса всякому постороннему; у эскимосов нет слов, означающих «добрый день» или «добро пожаловать». Мы огляделись вокруг — этим людям среди льдов было хорошо.

Мы остановились около самой большой палатки, где сквозь дверное отверстие приветливо светил огонь, и были сейчас же приглашены знаками войти. Тонкая занавеска из кишек перед отверстием палатки была откинута в одном углу в сторону, нам пришлось из-за высокого роста немного нагнуться, и мы вошли в уютное помещение палатки, освещенное несколькими жировыми лампами. Запах и зрелище, представившееся нам здесь, несколько поразили нас. Воздух был насыщен запахом жира от лампы и всякими другими сильными запахами, и, чтобы привыкнуть к ним, нужно время. А вид! Все люди там, мужчины, женщины и дети, были голы. У взрослых женщин и мужчин вокруг бедер была только узкая повязка. Для них это было вполне естественно; одежда у них вся из шкуры, слишком плотная и нездоровая в теплом помещении, а потому они, разумеется, и снимали ее, когда входили туда. Нам с непривычки это показалось несколько неудобным, и мы едва не покраснели от смущения. Осо-

бенно неловко почувствовали себя лопари, когда некоторые девушки и молодые люди вошли и сняли с себя без дальнейших разговоров все одежды и уселись молча на свои места на нарах.

У этих эскимосских палаток удлиненная форма. Основой служат деревянные козлы. На верхней их поперечине полукругом уложены длинные жерди, так что они обращены друг к другу короткими концами и выдаются над козлами, образуя переднюю стенку палатки. На эти наклонные жерди положены в два ряда тюленьи шкуры; в нижнем ряду шкуры с волосом, волосом внутрь, а на них шкуры без волоса, по большей части старые, бывшие в употреблении в качестве обтяжки на женских лодках и каяках. Вход находится под деревянными козлами; с их поперечины сверху спускается сшитая из кишек занавеска, закрывающая входное отверстие и просвечивающая настолько, что сквозь нее проникает в палатку дневной свет. Вдоль всей задней стены палатки идут нары, сделанные из досок, длиной в человеческий рост. Они покрыты несколькими рядами тюленьих шкур, и на них проходит вся домашняя жизнь обитателей; там, подложив под себя накрест ноги, эскимосы сидят днем, там они работают, там едят и там же ложатся спать по ночам в ряд, мужчины, женщины и дети, ногами к стенке палатки, а головами к переднему краю нар. В каждой палатке живет часто несколько семейств, и у каждого на нарах есть свой закуток, границей которого служит небольшой столбик. Места там у них немного; полутора метров хватает, например, для одного мужчины, двух жен и шести детей. Зимой эскимосы живут в каменных хижинах прямоугольной

формы, но в остальном устроенных в том же роде, что и палатки. Ранней весной эти эскимосы выселяются в палатки; целое лето они кочуют по разным промысловым местам и только в конце осени снова устраиваются в каменных хижинах. Если им хочется поселиться где-нибудь в другом месте, строится новый дом, причем эта работа выполняется женщинами.

В палатке, которую мы посетили, жило четыре или пять семейств. Перед каждым отделением горела жировая лампа с широким пламенем, стоявшая на скамеечке, а над ней с потолка свешивался котелок. И котелок и лампа были сделаны из мыльного камня. Лампа представляет собой большую плоскую чашу полукруглой формы. Фитилем служит сухой мох, а вместо керосина эскимосы употребляют сало. Женщины должны были следить за лампами и палочками поправлять фитили, чтобы пламя было не слишком мало, но и не слишком велико и не коптело. Лампы горели день и ночь, они обогревали помещение, на них варилась пища, а вечером и ночью они давали свет; эскимосы не спят в темном помещении, так как боятся, чтобы к ним не вошли злые духи, призраки смерти. Как гостям, нам было предложено место на каких-то сундучках вдоль занавески из кишек на передней стороне палатки. Мало-по-малу в палатку набиралось все больше народу, а вскоре она и вся наполнилась людьми. Мы уселись в ряд, и эскимосы начали занимать нас. Употребление всякого предмета они объясняли нам словами, которых мы не понимали, и жестами, которые мы понимали лучше; мы узнали, что деревянные палки, висевшие под крышей, служат для просушки одежды, что в котелках варится тюленьё мясо и т. д. Затем нам были пока-

Эскимоска с восточного берега

заны ценнейшие редкости: нож с длинной костяной рукояткой и кусок голландского табаку, которые какие-то старухи осторожно вынули из мешка. Этот табак они получают в датском торговом пункте на юго-западном берегу, куда они изредка заходят. Обычно они крошат его, сушат над лампой, а затем растирают на сухих камнях в нюхательный табак, к которому эскимосы на восточном берегу Гренландии, как мужчины, так и женщины, питают чрезвычайное пристрастие. Это был единственный способ употребления табака; эскимосы не курили его и не жевали. Чтобы протянуть запас табака, они часто смешивают его с размельченным известковым шпатом или кварцем.

Затем эскимосы объяснили нам свои семейные отношения, кто их жены и кто их дети. Один мужчина обнял жирную даму, и оба, чрезвычайно довольные, долго смеялись — это была явно его жена; потом он указал на молодежь, вероятно на своих детей. Он поглаживал жену по спине и захватывал жир в складку, чтобы обратить наше внимание на то, как она прекрасна, а она принимала это с удовольствием и гордостью. Это у них означает ласку; эскимосы не целуются, но если хотят проявить нежность, то трутся носами.

Один из пожилых мужчин, который был, очевидно, главным между ними, а вероятно даже шаманом (по-гренландски — ангакок), т. е. мудрецом и чародеем, знаками дал нам понять, что некоторые из эскимосов находятся на пути с севера на юг, повидимому, в датские торговые пункты, на юго-западном берегу за мысом Фарвель, тогда как другие пришли оттуда и направляются на север; и обе эти партии встретились

здесь. Тяжело этим людям попадать в свои лавки; на такие путешествия у них иной раз уходят годы; но зато у них и не бывает случая разоряться при покупках всякого ненужного хлама, как это слишком часто случается с нами в наших лавках.

Но вот он захотел узнать, откуда мы и куда идем; это было труднее. Мы указали на море, объясняя, что прошли через дрейфующий лед, вышли к земле южнее этого места и что нам нужно теперь пройти на север вдоль берега; затем мы указывали на материковый лед на запад и пытались объяснить, что пойдём этим путем. На лицах эскимосов выразилось большое изумление, а затем все они хором снова замычали, как коровы; они, конечно, подумали, что мы не совсем настоящие люди. Сами они, как уже упоминалось, никогда не отваживаются входить в дрейфующий лед — для этого их хрупкие кожаные лодки не приспособлены, а по материковому льду, перед которым у них суеверный ужас, эскимосы тоже не ходят. В своих каяках и женских лодках они передвигаются только вдоль берега с внутренней стороны дрейфующего льда, где летом есть открытая прибрежная вода, а зимою ездят на санях и собаках среди островов и в фиордах там, где море замерзает и где тюлени, за которыми эскимосы охотятся, залегают у своих отдушин.

Все эти мужчины, женщины и дети были не слишком чистыми, особенно их лица. Желто-коричневый цвет их кожи потемнел от грязи; особенно на некоторых детских лицах она лежала коростой, отвалившись местами, так что обнаруживался настоящий цвет кожи. Мыла у эскимосов не было. Они мылись старой мочей. Если моча долго стоит, то выделяется аммиак, раство-

ряющий жир и заменяющий мыло; поэтому эскимосы употребляли мочу также для очистки и обработки оленьих и тюленьих шкур и для мытья одежды. Но зато запах стоит скверный, и тот «аромат», который всегда сопровождает этот народ, даже их в общем прелестных женщин, не нравится европейским носам. Вши есть у всех, и в свободные часы эскимосы часто ведут на них охоту в волосах; найденные насекомые охотно съедаются, что является прекрасным развлечением.

Мы посидели так некоторое время, а затем получили подарки. Мужчины принесли связки крепких и упругих ремней из тюленьей кожи, из которых они делают лини для своих гарпунов; они отрезали от ремней длинные куски и давали каждому из нас; таким образом все мы получили по 4—5 штук. Эскимосы давали нам лучшее, что у них было и что, по их мнению, могло нам пригодиться; ведь эти ремни были гораздо крепче и более упруги чем узловатые веревки, которые они видели у нас.

Мы ждали, что эскимосы дадут нам понять, что они желают получить от нас что-нибудь в обмен за свои подарки. Но нечто в этом роде было обнаружено только их вожаком, который, как мы предполагали, был ангакоком. Вытащив из какого-то тайника удивительную заряжающуюся с дула винтовку, старую заржавленную и корявую, он с гордостью показал нам ее, намекнув, однако, что у него нет для нее ни пороха, ни пуль, ни пистонов. К сожалению, нам пришлось дать ему понять, что у нас нет ничего такого, что годилось бы ему, так как у нас были только патроны для наших винтовок; очень огорченный, он снова спрятал

свою драгоценность. Никто из прочих мужчин не делал никаких намеков на то, что они ждут подарков и с нашей стороны; эскимосы были только сама любезность. Конечно, на следующее утро мы полностью отплатили эскимосам, подарив им пустые консервные банки, вызвавшие много радости. Гостеприимство этих людей, живущих вдоль пустынных восточных берегов Гренландии, обычно безгранично: они могут приютить у себя на целые месяцы даже самого злейшего врага, если обстоятельства заставят того искать у них убежища; бродячая жизнь среди суровой природы принудила их и пользоваться гостеприимством и оказывать его, что стало у них законом.

Однако, нам пришлось прервать интересное посещение этой палатки, чтобы устроиться на ночь. Найдя место для палатки на плоской скале неподалеку от места высадки, мы начали переносить на берег свои вещи. Эскимосы сейчас же кинулись к лодкам, и множество усердных рук потащило ящики и мешки вверх по скалистому склону; таков их способ выражать радушный прием. Каждая вещь встречалась удивленным возгласом, и стар и млад смеялись, болтали и невероятно веселились. Особенно они дивились большим блестящим жестяным ящикам, в которых у нас был провиант; ящики эти ходили из рук в руки, их исследовали и щупали со всех сторон. Когда нам нужно было вытащить на берег пустые лодки, за них взялись все, частью за самые лодки, частью за фалень, который эскимосы тащили, растянувшись по склону длинной вереницей; их приходилось по 20—30 человек на одну пустую лодку; это была просто забава, и когда один из нас запел по морскому обычаю: «Все зараз, взяли

дружно, ей, ух!», то веселость достигла высшего предела, эскимосы подтягивали, и все, дети и взрослые, смеялись до того, что почти не могли тянуть. Вероятно, мы казались им чрезвычайно забавными.

Затем мы принялись ставить палатку. Конечно, эскимосам необходимо было на это посмотреть; все, что граничит с их собственным образом жизни, интересует их больше всего, и тут они могли полюбоваться, как быстро мы поставили свою палатку, которая была значительно проще их больших палаток из шкур, хотя зато и не такая теплая. Потом мы развесили и поделили пайки, нечто весьма удивительное для эскимосов; поужинали мы сидя у палатки при большом стечении публики — мужчин, женщин и детей, стоявших вокруг нас в несколько рядов друг за другом и следивших за каждым куском, попадавшим нам в рот.

Прежде чем лечь, мы прошлись по лагерю. Неподалеку было привязано несколько небольших сильных собак. Ими пользовались для зимних поездок на санях по льду, когда море около берега замерзает. Собаки не лаяли, как наши, но были совсем как волки, на которых они похожи и по внешнему виду. — Наступила ночь, и вся эта картина с палатками и людьми, окруженными со всех сторон снегом и льдом, приняла еще более сказочный вид. Темные фигуры двигались взад и вперед по скале; фантастичнее всего были теневые силуэты женщин, ходивших с детьми за спиной в мешках своих одежд, амаут; они казались тролями с огромными горбами. Из каждой палатки падал через сшитую из кишек занавеску красноватый отсвет; создавалось особое впечатление уюта и тепла, и мысли переносились далеко; это было похоже на цветные просвечи-

вающие фонарики и напоминало иллюминированные сады и летние праздники у нас на родине. За этими завесами жило беззаботное племя простых, счастливых детей, конечно, столь же счастливых, как и многие из нас за морем, где жизнь неизмеримо сложнее, — такие на зависть свободные и независимые люди. В этом негостеприимном окружении, где мы, европейцы, невзирая на все свои достижения, не были бы в состоянии сохранить жизнь без помощи извне, эскимосы живут беззаботно. Гарпуном и орудиями из плавника, заносимого полярным течением из сибирских рек, из кости моржа и зубов нарвала, из ремней тюленьей кожи они ловят тюленя, дающего им все, что им нужно для жизни; от него они получают мясо для пищи, жир для топлива и шкуру для одежды, лодок, палаток и домов. Если они хотят переменить место, то в один час могут сняться со всем своим земным имуществом, которое упаковывается в большую женскую лодку, — и вот все готовы двинуться в путь, чтобы осесть снова и продолжать жизнь там, где им хочется, только бы была хорошая охота. Какая разница с нами! Подумайте только, что за суматоха бывает, когда нам нужно переехать всего-на-всего из одного дома в другой!

Но пора спать. Мы разостлали спальные мешки на полу палатки и собрались укладываться. Это представило интерес для эскимосов, и они сейчас же собрались плотным кольцом у дверей палатки, голова за головой, в том числе и женщины; они с напряженным вниманием следили за тем, как мы снимали с себя одну одежду за другой, пока их не осталось чрезвычайно мало. Что нам было делать? Закрывать дверь у них перед

носом было бы в высшей степени невежливо; дать им понять, что у нас не принято, чтобы дамы смотрели, как мужчины раздеваются, это только весьма изумило бы их, не ложиться мы тоже не хотели; а потому — бесстрашно за дело! Больше всего веселости возбудил у эскимосов тот момент, когда одно тело за другим исчезло в мешках и от всей экспедиции остались на виду только шесть голов. Затем задернулась дверь палатки, и — спокойной ночи!

Когда на другой день, 31 июля, мы проснулись поздно и выглянули в дверную щель, то увидели, что эскимосы расхаживают взад и вперед в наипараднейшем виде, в сверкающих белых рубахах, в ожидании, когда наша дверь откроется. Дверь открылась, и сейчас же собрались зрители; став круг за кругом, они приподнимались на цыпочки и заглядывали через головы, чтобы посмотреть, как мы лежим в мешках, как вылезаем и как одеваемся. Наибольшее восхищение вызвал цветной пояс Кристиансена, вышитый блестящими бусами с большой латунной пряжкой спереди. Эскимосы взяли его в руки, пощупали со всех сторон, а затем замычали хором. Когда Кристиансен оделся и стоял у палатки, прибежал еще один эскимос и задрал ему куртку, чтобы посмотреть на пояс.

Я пытался потом сфотографировать такое кольцо зрителей у дверей палатки; но едва только они увидели направленный на них аппарат, как в испуге разбежались, они, верно, думали, что в этом было какое-то чародейство. То же случилось, когда я направлял аппарат на кого-нибудь, сидящего на скале. И только когда я чем-нибудь отвлекал их внимание, мне удавалось сделать с них несколько снимков.

Когда мы приготовились плыть дальше, подошел один человек и знаками спросил, идем ли мы на север, а когда мы подтвердили это, лицо его просияло и он тотчас же убежал и рассказал всем об этом. Тут в лагере началось оживление, все снималось с места, а пока мы и эскимосы наперегонки снимали палатки, спускали лодки и переносили в них все вещи, собаки — тоже наперегонки — были, они хорошо понимали, что происходит. Изумительно, как быстро эти эскимосы могли снять палатки и переправить их и все свои вещи и собак в женские лодки; но и рук ведь у них для этого было много, а к тому же и женщины их были ловки. Вот они уже готовы в путь, имея при себе все свое имущество; две женских лодки пошли на юг и две на север.

Мужчины в каяках еще оставались тут на некоторое время; прежде чем расставаться, нужно было торжественно проститься — ведь расставались они на несколько лет. Тут мы оказались свидетелями замечательной сцены. Каяков двенадцать построились в одну линию один около другого, как солдаты в строю. Затем были вынуты рожки с нюхательным табаком, которые и стали передаваться от одного к другому; каждый вынимал пробку и с силой подставлял рожок к носу сперва раз, потом другой — каждая ноздря была забита табаком. По рядам путешествовало несколько рожков, и когда каждый рожок дважды побывал у каждого, то эскимосам досталось порядочно понюшек; некоторые из них чихали так, что было удивительно, как это они не перевернулись в узких каяках. Нюхательный табак был только у тех, кто пришел с юга из торгового пункта, однако, угостить на прощанье друг

друга было для них приблизительно то же самое, что для норвежских крестьян поднести друг другу при расставании рюмку водки.

На север на некотором расстоянии была открытая вода. Пришлось хорошенько налечь на весла, чтобы догнать женские лодки; мы хотели, конечно, идти вместе с ними, чтобы воспользоваться знанием туземцев фарватера и состояния льда. Скоро мы увидели лодки впереди, они были у мыса; несколько женщин встали в одной из лодок и махали нам руками, они хотели, чтобы мы шли вперед и пробивали бы им дорогу, так как лед был сплоченный. Мы ждали как раз обратного, но прошли мимо них между двух огромных льдин, которые, примыкая одна к другой, казалось, неизбежно должны были остановить наше продвижение. Когда мы, не останавливаясь, врезались первой лодкой и раздвинули льдины, пользуясь лодкой как клином и вшестером упираясь длинными бамбуковыми шестами, то восхищение эскимосов выразилось в громком мычании, затем мы пошли вперед и прокладывали дорогу, а за нами следовали обе женских лодки, непригодные к борьбе со льдом. Они слишком хрупки, и в их кожаной обшивке легко прорезать дыру; кроме того они были слишком длинны для маневрирования между льдинами, так как часто застревали там, где мы своими более короткими лодками пробивали им дорогу. Каждый раз, когда мы раздвигали льдины, нас приветствовали новым мычанием. По сторонам следовали четыре каяка. Нашим постоянным развлечением было, когда эскимосы брали понюшку табаку. Особенно занимал нас один из них. Он вдруг останавливался, вынимал большущий рог, набивал обе ноздри

табаком и потом неудержимо чихал; когда он смотрел на нас с сияющим лицом, а на верхнюю губу текла жидкость с табаком, и из глаз струились слезы, мы дружным хохотом приветствовали его, желая ему здоровья; он кланялся, улыбался и был, видимо, чрезвычайно доволен.

К вечеру мы расстались с этими эскимосами, так как они не хотели переходить фиорд, опасаясь сплоченного льда и надвигавшейся ненастной погоды с дождем. Они повернули обратно к земле, чтобы стать лагерем, а мы пошли дальше и после усиленной борьбы с тяжелым льдом и опасным течением со стремительными водоворотами, угрожавшим разбить лодки между пловучими льдинами, миновали фиорд. Скала, к которой мы пристали, была настолько крута, что мы с трудом втащили при помощи талей лодки достаточно высоко, чтобы уберечь их от прилива; палатку нам пришлось поставить на небольшом выступе, высоко на скале. Мы называли эту стоянку «Орлиным гнездом».

ДАЛЬШЕ НА СЕВЕР

ЗЕМЛЯ, вдоль которой мы до сих пор плыли, была относительно низка, ледники покрывали ее всю до самого берега; но на следующий день, 21 августа, мы прошли мимо фиорда Могена Хейнесена к высокой обнаженной горной области, где пики за пиками поднимались рядами, на севере манила к себе синеющая гора Тингмиармиут, а глубокие фиорды врезались между горами. Все это было как в Норвегии, и эта страна показалась нам прекрасной.

Теперь в море около берега попадалось все больше и больше ледяных гор. Одна из них, мимо которой мы прошли, была особенно фантастической формы. На самом верху ее вздымались два высоких пика, как

стройные башни; наверху одной из отвесных стен была огромная сквозная пещера, а в нижней части горы море промыло такие большие гроты, что под их ледяную крышу могло войти небольшое судно. Цвета переливались всеми синими оттенками до самого густого и чистейшего ультрамарина в глубине гротов — это походило на пловучий дворец фей, выстроенный из синего хрусталя. Кругом небольшими каскадами струились ручьи, и звук капающей воды отдавался в гротах. То была удивительная неведомая красота из сказочной страны детства.

Утром 2 августа мы были немало удивлены, встретив эскимосский лагерь и увидев снова группу женщин и голых детей; эти эскимосы были из тех, которых мы покинули два дня тому назад. Они громко смеялись над нами и нашим удивлением и объяснили, что проехали мимо нас накануне утром, пока мы спали в палатке, очевидно, в «Орлином гнезде». Из мужчин здесь был только один, он занимался починкой каяка, поврежденного льдом. Других мужчин и каяков не было, вероятно, они были на охоте, чтобы добыть пищи.

Мы поплыли дальше и в последующие дни пробирались вдоль берега на север. Нам встретилось много открытой воды, но подчас лед бывал так сплочен, что нам приходилось пробираться с помощью шестов и топоров. Однажды, это было 3 августа, подул ветер с берега, так что мы смогли итти под парусом; бамбуковые шесты были поставлены в качестве мачт, пол от палатки послужил парусом на одной из лодок, а на другой в качестве паруса были использованы два наших брезента, сшитые вместе. После долгой гребли мы отдыхали с наслаждением, прорезываясь между льди-

нами при сильном боковом ветре. Но потом ветер стал крепчать и перешел к северу, так что нам пришлось убрать паруса, а сила его была такова, что мы едва могли выгребать. Ветер становился все сильнее и сильнее, и нам часто приходилось тащить лодки вдоль края льдин, чтобы продвинуть их, только с самым большим напряжением мы могли заставить лодку идти вперед против ветра. Тут, как на грех, на нашей лодке сломалось весло, а у нас было всего одно запасное, да и то короткое. Порывы ветра часто обрушивались с такой силой, что нас относило назад, несмотря на напряжение всех наших сил. В это время сломалась одна уключина, что было хуже, но и это удалось исправить. Когда мы медленно продвигались вперед за одной льдиной, Дитриксон прыгнул на нее с фаленем в руке, чтобы протащить лодку вдоль льдины. Погорячившись, он не заметил, что льдина подмыта, край ее обломился под ним, и Дитриксон упал в воду. Однако он быстро снова очутился на льдине и, не смущаясь, схватил фалень и потащил лодку вперед; на такие вещи Дитриксон не обращал внимания. Мы пробирались дальше, но теперь справлялись уже едва-едва. Когда Дитриксону нужно было оттолкнуть одну из льдин, багор сломался, и Дитриксон был на волоске от того, чтобы снова очутиться в воде. Наконец, мы подошли ближе под защиту берега; на этот раз нам удалось справиться и не попасть в дрейф.

Когда мы по вечерам приставали к берегу, чтобы разбить лагерь, нам часто стоило большого труда вытаскивать лодки на берег достаточно высоко, чтобы их не доставала приливная вода и не смыла ночью, пока мы спим; у этих берегов амплитуда приливов велика.

Несмотря на всю нашу осторожность, однажды вечером (5 августа) мы не затащили лодок достаточно высоко, и потому, выйдя утром, обнаружили, что ночью прилив доходил до лодок, увлек с собой пивной боченок и настил и кроме того залил часть провианта, лежавшего на горе; к счастью он был в плотных жестяных ящиках, а потому вода не причинила ему никакого вреда. Мы должны были радоваться, что отделались так дешево. И как это только лодок не унесло — тогда бы нам пришлось посидеть! Все же мы досадовали на потерю пивного боченка, полученного с «Язона»; правда, пиво было уже давно выпито, но мы пользовались боченком для хранения воды, и он все еще так приятно пахнул пивом. Получив это напоминание о предусмотрительности, мы после этого вытаскивали лодки уж во всяком случае достаточно высоко.

Эскимосов мы видели еще только в двух местах, после того как расстались с теми, которых повстречали у мыса Билле. Когда вечером 2 августа мы шли мимо устья большого фиорда Тингмиармиут, до нас донесся с берега с северной стороны собачий вой — там, очевидно, была стоянка, но у нас не было времени заходить туда.

Когда мы гребли через устье фиорда к северу от Шолдунгена или Акорнингнармиута, мы слышали человеческие голоса и почувствовали запах жира. На одном из островков мы увидели много оживленно двигавшихся людей и палатку, а так как островок лежал недалеко от нашего пути, то мы направились туда. Но тут началось дикое бегство. Эскимосы, захватив все, что смогли унести из своих вещей, побежали изо

всех сил на горы; это были только женщины и дети. Последней мы заметили женщину, которая юркнула в палатку, появилась оттуда с ворохом шкур в руках и как кролик припустила за остальными. Люди продолжали подниматься на гору и становились все меньше и меньше; на гребне некоторые из них остановились и с любопытством стали наблюдать за нами. Единственное живое существо, найденное нами у палаток, была собака, которая спокойно лежала у дверей и, как ни странно, даже не выла. Хотя время для нас было дорого, мы все же не захотели плыть дальше, не убедив этих людей в том, что мы неопасны. Мы делали им знаки и кричали по-эскимосски то немногое, что знали, но они продолжали стоять и глазеть на нас. Наконец, одна из женщин не смогла устоять против наших призывов, она осторожно подошла поближе, другая издалека последовала за ней. В конце концов они подошли к нам на расстояние голоса и смогли увидеть наш дружеский облик и пустые жестянки, которые мы показывали, желая поднести им. Это привлекло их, но нерешительность и смущение брали верх и подойти ближе они не решались, нужно признаться, что красота их, право, не была уж столь неотразима, чтобы им стоило опасаться какого-либо ущерба.

Вдруг появился мужчина. Это придало эскимоскам мужества, они отважились спуститься к берегу и, стоя там и мыча от удивления, глазели на нас, сидевших в лодках. Когда один из нас спрыгнул на берег, женщины пустились снова бежать в горы; но, не заметив никаких признаков враждебности, снова подошли поближе. Нам удалось передать им пустую жестянку, и

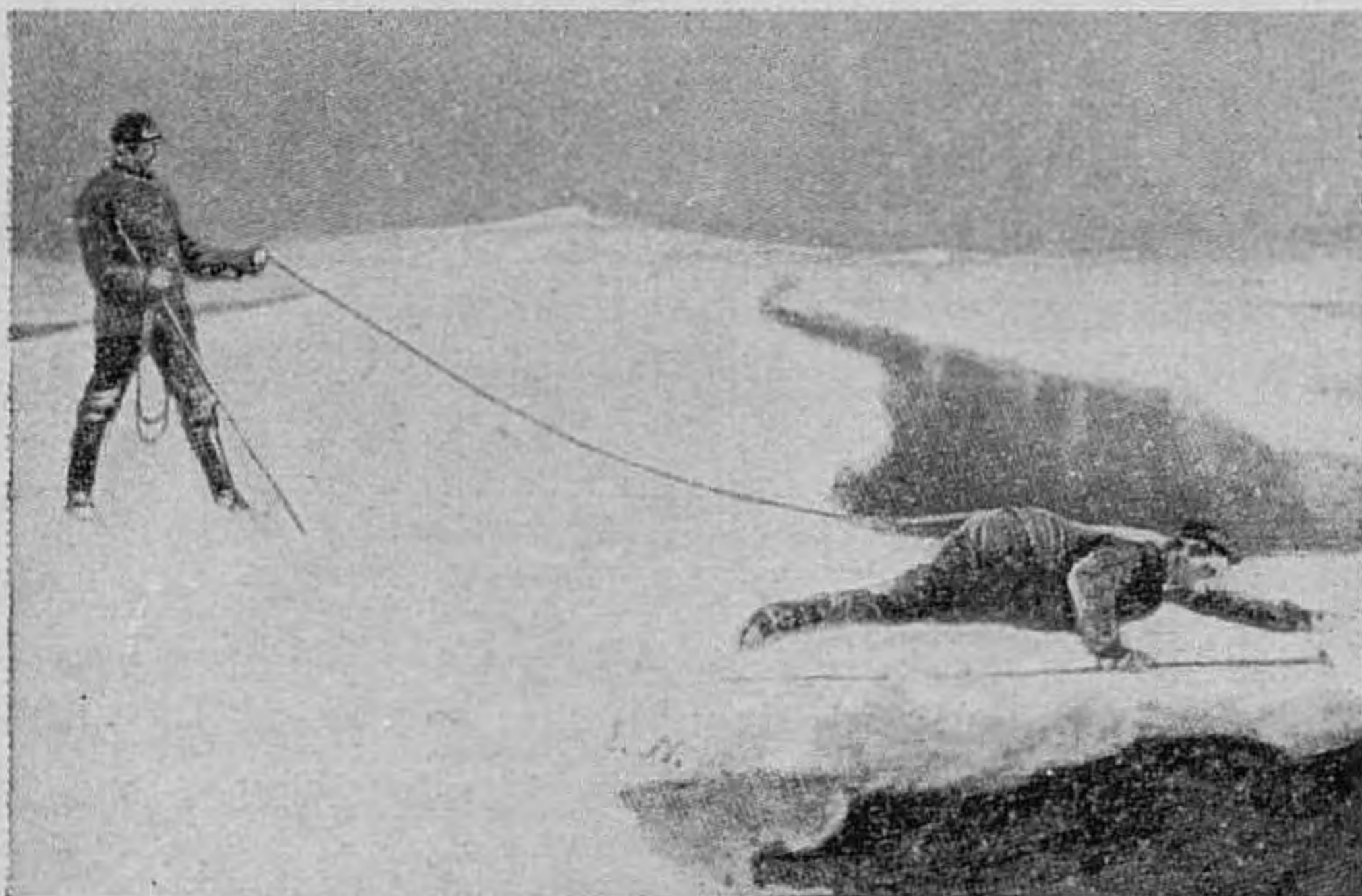
дружеские отношения были закреплены, а лица женщин просияли от радости и удивления перед столь щедрыми чужестранцами. Мало-по-малу подошло еще несколько мужчин, они до этого, очевидно, плавали в каяках, но были призваны криками женщин на помощь. Самым удивительным среди них был маленький горбун с красивым старческим лицом, чрезвычайно тщательно одетый.

Поднявшись на гору, мы обнаружили за гребнем на другой стороне островка целый лагерь палаток, а больше всего нас поразило вид датского флага на небольшом шесте у одной из палаток. Этот флаг остался у эскимосов, вероятно, от капитана Холма, который несколько лет тому назад ездил с датской экспедицией в женских лодках вдоль этих берегов. Следовательно, эти эскимосы уже раньше соприкасались с европейцами, и непонятно, почему они так испугались нас; может быть мы показались им слишком страшными, подойдя на веслах в своих собственных лодках, а не в обществе эскимосов, как Холм. У лагеря на воду была спущена женская лодка, это было, наверное, сделано только что, чтобы быть готовыми к бегству.

Я очень хотел испробовать, годится ли в качестве продовольствия сушеное тюленьё мясо, и поэтому указал на некоторые куски его, висевшие для просушки. Эскимосы сейчас же принесли несколько кусков, а я дал им в обмен большую швейную иглу. Как только они увидели столь богатое вознаграждение, то один за другим стали приносить большие куски, чтобы получить еще иглок. Мы взяли все принесенное тюленьё мясо, а эскимосы получили иглы и пустые консервные банки. Но Равну нельзя было убедить

Под парусом 10 августа

Через снежный мост (по рис. Е. Нильсена)

взять подарки, так как он считал, что беднякам самим необходимо это сушеное мясо, а швейная иголка слишком ничтожная плата.

Отправившись дальше, мы увидели горбуна, тоже тащившего большой кусок, но у нас уже не было времени ждать. Не успели мы отъехать, как нас догнали в каяках несколько человек, привезших с собой громадные куски сушеного мяса для обмена на иголки, а далеко позади мы увидели и горбуна; из отверстия в каяке торчал его горб, он греб изо всех сил, чтобы догнать нас и тоже дать нам мяса. Но мы не могли останавливаться, и ему пришлось с разочарованием отказаться от этого. Потом мы повстречали еще нескольких людей в каяках, под конец их было человек семь, они, вероятно, выезжали за тюленями, но ничего не поймали. Они следовали за нами довольно далеко.

Во многих местах мы находили развалины старых эскимосских построек. В некоторых из них мы нашли даже человеческие кости и черепа, свидетельствовавшие о мрачных трагедиях, разыгравшихся в этих местах. Обитатели их умерли от болезней или от голода, который может наступать здесь в тяжелые зимы, а последние трупы остались в домах, так как некому было их вынести. Теперь эскимосы не селятся в таких местах, потому что они питают суеверный ужас перед умершими людьми и их привидениями, особенно, если мертвецы не вынесены из домов надлежащим способом, ногами вперед, чтобы они не могли вернуться.

Животная жизнь была довольно богата. Иногда мы видели тюленей в воде, а изредка тюлень попадался и на льду; однако, их было там все же немного, и трудно понять, как эскимосы могут поддерживать свое

существование, охотясь на них. Морской птицы, наоборот, было порядочно, и мы проходили мимо многих птичьих базаров. Особенно много было больших голубых чаек и кайр, которых мы и настреляли себе в пищу. Наиболее вкусны и жирны птенцы кайры, но у кайры гнезда на таких неприступных отвесных скалах, что добраться до них, не свернув себе шеи, трудно. Впрочем, большие птенцы голубой чайки тоже хорошая пища. Раза два над нами пролетали также стаи гаг, но их немного на этом берегу.

Других представителей животной жизни было даже больше, чем нам хотелось бы. Однажды утром (6 августа) я проснулся от зуда всего лица и увидел, что палатка полна комаров. Если мы вначале и сочли приятным присутствие этих насекомых-земляков, то сейчас были совершенно иного мнения; это было кошмарное утро. Я второпях накинул на себя платье и выскочил на воздух, чтобы избавиться от комаров, но здесь мне на лицо, шею и руки бросились целые тучи этой сатанинской твари. Хуже всего было, когда мы принялись за завтрак; вы не можете взять в рот куска пищи без того, чтобы он не покрылся слоем комаров. Мы бежали на самые высокие утесы, где дул ветерок, и надеялись поесть спокойно. Мы прыгали с камня на камень, мы закрывали лица платками, натягивали шапки на затылок и шею, отмахивались и отбивались как бешеные, но все было напрасно: куда бы мы ни шли, где бы ни стояли, куда бы ни бежали, мы увлекали за собой тучи этих чудовищ; можно было сойти с ума. В конце концов мы сдались на их милость, бросились вниз, предоставив им кусать нас, и стали есть свой завтрак с комарами. Затем поторопи-

лись приготовить лодки и спаслись бегством в море; но и сюда комары пожаловали за нами. Тогда мы в дикой ярости стали колотить их с плеча брезентами, куртками, всем чем попало, а так как нам на помощь пришел еще и ветер, то мы победили врага, но все же много крови с нашей стороны было пролито. Это была самая скверная наша встреча с комарами, которых в этой стране, там, где земля не покрыта ледником, вообще невероятное множество.

Над южной частью Гренландии часто бывает северное сияние, и когда мы в ясные вечера продвигались на север, полыхающее призрачное пламя сияния проносилось по небу. Особенно великолепно было оно 6 и 7 августа; сияющие ленты на юге перекатывались по небу взад и вперед длинными волнообразными свитками, они мерцали и горели в непрерывном стремительном движении, как сражающиеся полчища с пламенеющими копьями. Вот они отступают, вот уже снова кидаются вперед; или внезапно, как по данному знаку, громадные полыхающие пучки лучей несутся со всех концов к самой вершине небосвода, образуя там блестящий сияющий венец. Затем сразу все гаснет, но только для того, чтобы эта обманчивая игра вскоре началась вновь. Эскимосы считают, что северное сияние — это души умерших детей, играющих на небе в мяч.

Пока мы плыли все дальше и дальше на север, наша жизнь бесспорно была тяжела; и лопари день ото дня становились все печальнее. Балто, бывший главным выразителем их чувств, поведал мне, что они успокоились было, встретив эскимосов и увидев, что они приличный народ и людей не едят, как он слышал

в Финмаркене, Балто полагал также, что в случае нужды мы сможем прожить у эскимосов зиму. Но теперь, когда мы, по мнению лопарей, оставили последних эскимосов и все продолжали плыть вперед, лопари стали очень опасаться и жаловаться на тяжелую работу, скудное питание и на то, что мы проплыли уже так далеко на север, не найдя подходящего места для подъема на материковый лед. Я успокоил Балто, заявив, что дальше берег будет лучше и там легко можно будет подняться; ведь это он сам мог видеть, когда мы дрейфовали со льдом. Но он ничего не видел, и в один прекрасный день жалобы стали столь громогласны, что мне это надоело и вместо того, чтобы утешить лопарей, я разругал Балто на все корки за отсутствие мужества. Тут же все и вышло наружу. Он высказал мне все, о чем размышлял в эти дни: я, де, сказал им в Кристиании, что они будут получать кофе каждый день, а пищи сколько угодно; ну, а теперь они получили кофе всего один единственный раз за три недели, а пища, какова она? Да, конечно, им раздавали порции, но они были жалкие, да еще надо было тащить жребий; он должен признаться мне, что никто из них не был сыт ни одного единственного раза с тех пор, как мы подошли к берегу; они голодали. К тому же ими еще распоряжаются, как собаками, они должны трудиться весь день с раннего утра до поздней ночи хуже животного. Нет, выдержать это невозможно. И он со своей стороны готов заплатить много тысяч крон, чтобы снова очутиться дома. Я возразил ему, что, во-первых, ничего не обещал им ни насчет пищи, ни кофе, ни чего иного; во-вторых, что у нас нет времени варить что-нибудь, а кофе к тому же и не

полезно. Затем я спросил его, как он полагает, что получится, если мы будем есть сколько угодно? Пищи хватит только до середины Гренландии; а потом, когда пища кончится, будет уже поздно сетовать на нашу глупость. Мы должны быть благоразумны и делить все, как братья; им будет не хуже, чем всем нам, остальным. А что касается распоряжений то он должен понимать, что в таком путешествии, как это, должно быть руководящее и ответственное лицо. Но нет, он не понял ничего, он продолжал оставаться неутешным, что отправился вместе с «людьми, у которых такие чуждые им обычаи».

Это, видимо, выступала наружу непривычка лопарей к подчинению, и, несмотря на их добродушный нрав, она проявлялась часто.

Нельзя, конечно, отрицать того, что, пока не привыкнешь, бывает трудновато так тяжело работать и получать только ограниченный паек сухой пищи. Наши желудки привыкли к более объемистой пище, которая бы наполняла его; но, как говорил Кристиансен, помогала нам уверенность в том, что этого вполне достаточно. Когда он вернулся домой, его спросили, достаточно ли пищи получал он во время этого путешествия. Нет, сыт он не бывал никогда. «Да, но тогда это было очень тяжело?» — «О, да, особенно вначале, когда мы к этому еще не привыкли; но Нансен сказал, что пищи мы получаем достаточно, и это помогло нам. А как видите, это так и было на самом деле».

В море плавало много ледяных гор; они были красивы на вид, но могли стать опасными, если подойти к ним слишком близко. Однажды мы остановились около маленького островка, чтобы исследовать фарва-

тер; вдруг с большой ледяной горы сорвался огромный кусок льда, меньше чем в 200 метрах от нас. Гора потеряла равновесие и с оглушительным грохотом перевернулась, от этого поднялось огромное волнение, льдины сталкивались, один из островков впереди был весь залит волнами. Если бы мы случайно не остановились, а продолжали свой путь мимо горы, нам бы не миновать беды. Часто громадные ледяные глыбы падали с ледяных гор, и когда те переворачивались, то грохот слышался далеко. Такой переворачивающийся великан представлял собой величественное зрелище. Однажды вечером мы занимались расталкиванием двух льдин, закрывавших нам проход между двумя ледяными горами; вдруг слева от нас с горы со страшным треском упала большая глыба и отбила часть льдины, на которой мы только что стояли. Поднялись большие волны, и фарватер вдоль горы очистился, но если бы мы шли по ту сторону льдины, дело обернулось бы иначе. Вот уже в третий раз мы счастливо выходили из беды. Необходимо быть осторожным, но ведь часто приходится пользоваться представившейся возможностью.

Как сказано, мы шли от фиорда Тангмиармиут на север вдоль высокой обнаженной гористой земли, с побережья материкового льда не было видно. Берег часто поражал дикой красотой: высокие острые вершины, крутые горные склоны, глубокие фиорды между ними, а кругом снежные горы и ледники, которые часто обрывались к морю отвесными стенами с пронизывающими их глубокими темносиними гротами.

Эта высокая гористая земля тянется на полтора-два километра к северу к фиорду Бернсторфа или Кангер-

длугссуак. В глубине его с материкового льда спускается огромный ледник. Когда мы 8 августа подошли к устью фиорда, то нашли его заполненным глыбами отколовшегося льда и ледяными горами, образованными ледником в верховье фиорда; они рядами тянулись в море и загораживали нам проход. Величественное зрелище являли собой все эти огромные пловучие ледяные острова разнообразной формы. Но оно не было радостным для нас, старавшихся пройти вперед, — нам приходилось делать обходы. Сначала мы пробовали пройти на некоторое расстояние в одном направлении, но были остановлены неподвижными льдинами. Стремительным течением их плотно вклинило между огромными ледяными горами, стоявшими на мели. Нам пришлось вернуться и обойти еще дальше. Тут мы прошли мимо ледяной горы, одна сторона которой полого спускалась к воде. Мы поднялись на нее, чтобы обозреть фарватер.

Если эти пловучие ледяные острова кажутся большими, когда проплываешь около них, то впечатление от их величины получается еще сильнее, когда взбираешься на них. Эта гора была наверху довольно ровная и образовывала настоящую возвышенность с покатостями, которые могли бы служить хорошими лыжными горками. На самом высоком месте она поднималась, может быть, метров на 70 над водой, а под водой сидела и все 500 метров, так что общая толщина ее составляла около 600 метров; если прибавить к этому, что ширина ее была около километра, то каждый может представить себе, что это были за ледяные глыбы; а их плавает здесь, около берега, сотни и даже тысячи. Только у выхода из

одного этого фиорда их было необозримое множество; с верхушки горы мы видели далеко вперед — то были настоящие альпы сплошь из льда. Между хребтами и вершинами лежали глубокие ущелья, в глубине их то там, то здесь виднелось море, которое прямо под ними вилось узкой темносиней лентой между высокими отвесными ледяными стенами.

К своей великой радости мы увидели, что за ледяными горами, тянувшимися далеко на север, находилась, насколько хватал глаз, открытая вода. Наметив себе ведущий туда курс и запев победную песнь, мы снова спустились к лодкам и как можно скорее поплыли дальше, чтобы выбраться на чистую воду, пока лед не сплотился; это легко могло случиться при переменных приливных течениях в этих водах; у нас же не было охоты проводить ночь среди капризных ледяных гор, где то-и-дело сваливались в море огромные глыбы. Мы пошли на север по узким каналам, где под нами была темносиняя вода с плававшими на ней редкими льдинами, по бокам высокие ледяные стены, а высоко вверху голубое небо. Хотя вокруг нас со страшным грохотом рушились и переворачивались ледяные горы, приводя море в волнение, мы все же благополучно пробирались между ледяными громадами — это было похоже на плавание по неведомому сказочному миру. В одном месте нам пришлось плыть по длинному туннелю в большой горе, где на нас капала талая вода; внутри этой хрустальной горы мы наблюдали великолепную игру цветов, от зеленовато-голубого оттенка внизу в воде до чистейшего синего и густого ультрамарина во льду и его многочисленных трещинах и гротах.

По ночам, когда нужно было спать, раздавался грохот льда, падавшего с больших ледников на землю, а также и с многочисленных гор вокруг, которые раскалывались и переворачивались; слышалась как бы непрерывная пушечная пальба.

Я колебался, не зная, сколько еще времени нам нужно будет грести на север. Казалось, будет легко подняться на материковый лед у Умивика, открывшегося перед нами 10 августа. Отсюда будет всего на 40—50 километров дальше до Кристиансхоба, чем севернее от Пикиутдлека или Инигсаликка, куда придется плыть на веслах еще километров 150. Мы же с нетерпением ждали начала похода. В прекрасную погоду мы как можно быстрее прошли по открытой воде через широкий фиорд Гюльденлове, но не успели миновать его, как спустился туман.

ПОДГОТОВКА К ЛЫЖНОМУ ПОХОДУ

В ВОСЕМЬ ЧАСОВ вечера в густом тумане мы пристали к берегу у Умивика. Когда я сказал, что теперь настал конец путешествию в лодках и что отсюда мы начнем свой переход через материковый лед, Балто обезумел от радости, выпрыгнул на берег, скакал по камням и топал ногами. Дрейфующий лед и море — опасные и враждебные силы, так думал он; но когда под ногами горы и снег — это уже хорошо, с ними он был очень близко знаком. В припадке высокомерия он даже позволил себе изобразить церковную службу, передразнивая одного из пасторов в Финмаркене. Потом он побежал к своему мешку, вытащил евангелие и отдал его Равне, сказав,

что оно ему больше не нужно, так как теперь он и сам справится. Когда Свердруп сказал, что напрасно он так в этом уверен, так как еще может встретиться много тяжелых препятствий, пока он доберется до западного берега, Балто стал несколько осторожнее, во всяком случае больше уже не ругался. В тот вечер мы провели праздничные минуты за кипящим кофе; за двенадцать дней плавания вдоль берега это была вторая горячая пища. У нас были все основания праздновать: мы достигли первой своей цели; конечно, впереди была, быть может, еще более тяжелая часть пути, но во всяком случае теперь мы пойдем по твердой земле, не будет больше тяжелого труда с лодками, которые могло разбить между льдинами, не будет изменчивого дрейфующего льда.

На следующий день, 11 августа, было ясное солнце, а синее море расстиралось до самого края неба. Только там и сям видны были отдельные ледяные горы и глыбы льда; казалось, судно может пройти здесь до самой земли и не будет остановлено дрейфующим льдом. Какая перемена за несколько недель, с тех пор, как мы дрейфовали здесь на юг и видели ту самую гору, на которой сейчас находились, но не могли подойти к берегу, так как все море было покрыто сплошным льдом.

Пока Дитриксон наносил на карту этот берег, а другие готовили наше снаряжение к путешествию, мы со Свердрупом предприняли поход внутрь страны, чтобы осмотреться и исследовать дальнейший путь. Сначала мы поднялись по обнаженному от снега горному склону на высоту 125 метров. Теперь нам было видно, что ледник дальше вглубь не был таким ров-

ным, как это казалось с моря; в нем было много трещин, особенно поперечных, там, где массы льда двигались по направлению к морю. Выяснив, что поверхность в северо-восточном направлении была для нас непроходима из-за трещин, мы поняли, что лучше всего можно будет пройти вдоль хребта между двумя ледяными потоками, так как там, очевидно, движение ледяных масс было замедлено и трещин меньше. В течение некоторого времени мы шли хорошо, но потом и здесь натолкнулись на трещины. Сперва они были узкие и невинные, и перешагнуть через них не стоило труда, но затем они стали жутко глубокими и такими широкими, что мы даже не могли перепрыгивать через них; чтобы избежать их, приходилось идти зигзагами, уклоняясь то вправо, то влево.

Чаще всего трещины идут поперек того направления, по которому движется лед. Они образуются оттого, что ледяные массы сползают с гребней лежащей под ними скалистой поверхности. Многочисленные трещины делают переходы по ледникам опасными; часто они совсем занесены сугробами снега, так что их не видно, и если ступить на такое место, можно провалиться в трещину, которая может оказаться настолько глубокой, что выбраться из нее мало надежды, даже если при падении и не разобьешься насмерть. Мы связались поэтому хорошим и крепким манильским тросом, захваченным с собой. Каждый из нас надежно обмотался концом троса вокруг пояса и затем мы отошли друг от друга на такое расстояние, на какое позволял трос; если бы теперь один из нас неожиданно упал в трещину, то другой смог бы вытащить его.

Мы прошли довольно далеко, чаще всего между трещинами, иногда и через них, то по снежным мостам, то по узким ледяным горбам, образовавшимся оттого, что лед треснул не весь, но остался висеть от края до края в виде узкого косо́го моста, с которого в обе стороны можно было видеть глубокую синюю бездну. Когда мы прошли дальше вперед, то снег на поверхности сделался глубже, и ноги уходили в него по щиколотку. Итти стало тяжело.

Теперь снег часто предательски лежал по краям трещин, а по временам совсем закрывал их. Постоянно приходилось втыкать перед собой палки в снег, чтобы определить его прочность, иначе легко было наступить на тонкий мост из нанесенного над пропастью снега. Опасных падений у нас не было, хотя иной раз мы и проваливались; товарищ удерживал провалившегося на тросе.

По мере того, как мы заходили дальше, трещин встречалось все меньше, затем они и совсем исчезли. Но зато дорога была здесь тяжелее; мокрый фирн стал глубже, ноги увязли в нем выше щиколотки, и переступать по нему было трудно. Мы горько раскаивались в том, что не взяли с собой лыж. Правда, у нас были с собой канадские лыжи норвежского типа, но они были слишком малы для того, чтобы держать человека на такой поверхности. Мы поднимались все выше и считали, что если дойдем, наконец, до вершины ледяного хребта на северо-западе от нас, то оттуда откроется нужный нам вид на ледяную равнину, но путь туда был еще длинен, а дорога невероятно тяжела. Мы закусили немного и снова двинулись в путь. Теперь дорога стала еще хуже. Мокрый фирн

был покрыт твердой корой, через которую мы проваливались и которая на каждом шагу резала нам ноги. Такая острая кора может обезоружить даже самого сильного; но здесь нельзя было просить пощады, мы должны были попасть на вершину хребта как можно скорее. Собирался дождь, могла наступить плохая видимость. Мы зашагали вперед. То-и-дело нам казалось, что мы уже дошли; однако, вскоре мы убеждались, что поверхность все еще повышается. Наконец, мы поднялись на необходимую высоту, но, увы, жизнь полна разочарований: когда доберешься до одной вершины, за ней всегда есть другая, еще более высокая, закрывающая кругозор. Нам снова пришлось шагать вперед к самому высокому месту на хребте, которое мы видели перед собой. Начало моросить. Подъем был довольно крутой, а снег тяжелее чем когда-либо; мы погружались в него по самые икры.

Долго ли, коротко ли, но вот мы очутились на вершине «Белого холма», как мы его назвали, и перед нами открылся широкий вид. Морозящий дождь был не настолько част, чтобы нельзя было видеть через него далекое расстояние. Вся поверхность, насколько хватал глаз, казалась ровной и без трещин. Далеко впереди на ровном снежном океане поднималось множество малых и больших горных вершин, нунатаков. Часть их была совсем белая, но на многих сквозь снежный покров чернели обнаженные утесы. Мы определили расстояние до самого дальнего из них в 40—50 километров и, конечно, не могли надеяться дойти туда с нашими санями раньше чем через несколько дней. Правда, подъем был постепенный и ровный, но дорога была отнюдь не из хороших, а если не насту-

пит ночного заморозка, то перспективы у нас не блестящие. Барометр показал, что мы находимся на высоте свыше 900 метров, если же мы поднимемся еще выше, то там температура воздуха ночью должна во всяком случае падать ниже нуля. Бедные наивные люди, вздыхавшие о морозе в сердце Гренландии!

Теперь мы выяснили то, ради чего отправились в рекогносцировку. Мы нашли хороший путь. Несмотря на нунатаки и нелегкий подъем непосредственно от моря, мы все-таки нашли материковый лед настолько пригодным для движения по нему, что на лучшее никогда не могли и рассчитывать. Были посрамлены все, предвещавшие нам неудачу. Ведь многие мудрые знатоки дела утверждали, что подняться на материковый лед будет очень трудно.

Теперь нужно было вернуться к палатке, от которой мы отошли на добрые пятнадцать километров. Спустилась ночь, пошел такой дождь, что мы промокли насквозь, да и темновато стало; поэтому нелегко было пробираться там, где было так много трещин. Однако, дело подвигалось, и в 5 часов утра мы счастливо дошли до палатки. Поесть, а затем забраться в мешок было настоящим наслаждением.

В течение нескольких дней мы были очень заняты приведением в порядок всего необходимого для перехода через лед. Стальные полосы, которыми были обиты полозья саней, сильно заржавели за время морского перехода и дрейфа во льдах. Теперь их надо было обскоблить, отчистить и сделать как можно более гладкими, чтобы они могли легко скользить. Обувь тоже нужно было снабдить хорошими подошвами; материковый лед требовал крепких подошв,

в чем мы убедились из опыта своего первого перехода. Мы увеличили крепость подошв, насколько это было возможно, подбив к ним новые подметки и скрепив их как можно лучше стальным швом и стальными и латунными винтами; подошвы получились действительно крепкие.

Снаряжение имеет в таком походе столь большое значение, что здесь будет сказано о нем несколько слов. Особенно важными являются, само собой разумеется, сани для перевозки груза, нужно, чтобы они были не слишком тяжелы и хорошей формы, — тогда они легко скользят. Во время прежних экспедиций чаще всего употреблялись большие сани, которые, по моему мнению, были слишком тяжелы и неуклюжи. Я предпочел сделать меньшие нарты, нечто похожее на норвежские сани-лыжи, для того чтобы их мог тащить один человек. Эти сани делаются обычно из упругого ясеня; они связываются, а не сколачиваются гвоздями, отчего становятся более эластичными и при ударе сгибаются. Длина их 2,9 метра, а ширина 0,5 метра. Полозья имеют в ширину 9,5 сантиметра, обшивка под ними сделана из тонких стальных полос, которые можно отвинчивать. Передний край полозьев соединяется дугой из ясеня. Такая конструкция крепка и имеет свои преимущества, потому что благодаря своей закругленной форме сани не врезаются в выступ льда. У заднего края саней была прикреплена стоящая кверху дуга из ясеня, вроде спинки стула, которая служит для того, чтобы подталкивать сани и управлять ими в трудных местах, когда за них нужно браться вдвоем. Сани весили 11,5 килограмма без стальной обшивки, а последняя — 2,25 килограмма.

Эти легкие и крепкие сани-лыжи, легко идущие по снегу и не увязающие в нем глубоко, подобно прежде употреблявшимся саням, стали образцом для саней во всех последующих полярных экспедициях. У каждого из нас должны были бы быть свои сани, но так как было желательно, чтобы в трудных моментах кто-нибудь шел впереди в поисках более легкой дороги и не заставлял других останавливаться ради этого, то у первых саней было двое людей, а потому нами было взято всего пять саней.

Будь у нас собаки, чтобы тащить эти сани, все пошло бы чрезвычайно гладко; но, к сожалению, раздобыть собак до нашего отъезда было невозможно, а для того чтобы отложить по этой причине поход на год, я был слишком молод и нетерпелив. Как уж упоминалось, я предполагал сначала взять в качестве упряжных животных оленей, но потом нашел, что это будет слишком неудобно, а потому и отказался от них.

Кроме лыж на каждого, у нас было еще несколько пар запасных. А так как не исключалась возможность, что будет трудно затаскивать сани на гору, стоя на лыжах, если снег будет очень гладкий, то у нас были с собой еще и индейские (канадские) лыжи. Они делаются плетеными из сухожилий и ремней, чаще всего американского лося, натянутых на гнутую раму упругого дерева. В длину они имеют 1,06 метра, в ширину — 39 сантиметров, несущая поверхность у них больше, чем у лыж, и по рыхлому снегу они идут лучше; к тому же они много легче. Однако, мы скоро обнаружили, что лыжи предпочтительнее даже тогда, когда приходится тащить сани в гору, так как на них с каждым шагом скользишь вперед, не поднимая ног.

У нас были также канадские лыжи норвежского образца, переплетенные ивовыми прутьями, овальной формы, 39 сантиметров длины и 26 сантиметров ширины; они были слишком малы, чтобы держать человека на рыхлом снегу.

Палатка была четырехугольная с коньком, и ставилась она при помощи двух вертикально поставленных бамбуковых шестов, по одному с каждого конца, и одного более длинного под коньком крыши; по сторонам она укреплялась оттяжками. Палатка была такой величины, что все мы, шесть человек, только-только могли поместиться на ее полу лежа друг около друга. Она была сделана из пяти частей; две боковые части и две концевые — из легкой хлопчатобумажной материи, а пол из более толстого брезента; части скреплялись шнуровкой. Я думал пользоваться отдельными частями палатки как парусами на санях, но скоро увидел, что есть опасность, как бы легкая бумажная материя не разорвалась от ветра. Поэтому рекомендуется сшивать все части и пол палатки так, чтобы она была сплошной, как мешок, имея только небольшое входное отверстие, которое можно плотно завязывать; этим избегается проникновение снега между шнуровкой, что наблюдалось в нашей палатке. Крепкий пол палатки можно при этом прекрасно использовать в качестве паруса, а остальное легкое полотнище палатки оставить висеть на передней стороне, как это мы и стали делать.

У нас было два спальных мешка из оленьих шкур, и в каждом помещалось по три человека. Мешок на троих легче трех одиночных мешков, к тому же в нем много теплее, так как люди согревают друг друга. Мы,

норвежцы, были одеты в шерстяную одежду, как нижнюю, так и верхнюю, а поверх всего носили ветронепроницаемую одежду из легкой бумажной ткани. После нашей экспедиции такая «ветряная одежда» вошла во всеобщее употребление среди лыжников всего мира. На куртке из ветронепроницаемой материи был капюшон, надевавшийся на голову. Шапки были из шерстяной материи, и их можно было опускать на уши и шею; были у нас и капюшоны из шерстяной материи. У лопарей была собственная одежда: балахоны и штаны из оленьего меха и теплые лопарские шапки с четырехугольным верхом, набитым гагачьим пухом. На ногах у нас были обыкновенные башмаки с просмоленными швами, а когда мы надевали лыжи, то пьексы из мягкой несмазанной кожи; носки были толстые из козьей шерсти; у лопарей были комаги из сыромятной кожи, а для лыж они носили каньги из оленьей шкуры волосом наружу, набитые осокой (*Carex vesicaria*), которая держит тепло и остается сухой. На руках у нас были шерстяные варежки, у лопарей рукавицы из оленьего меха волосом наружу, которые они набивали осокой, когда было холодно. Для предохранения от снежной слепоты мы имели очки с темными стеклами и, кроме того, очки из выкрашенного в черный цвет дерева со щелью. У нас были также красные и синие шелковые вуали, чтобы предохранить лицо и глаза от яркого солнца на снежных равнинах в разреженном воздухе на высотах.

Очень важна в таком походе походная кухня, которая служит для получения воды путем таяния снега и для варки пищи. Необходимо, чтобы кухня потребляла немного горючего, так как последнее приходится везти

с собой. Мы жгли спирт, а кухонный аппарат состоял из печки со спиртовой лампой с 6 фитилями в самом низу: над ней помещался высокий котел из луженой меди с трубой, проходящей через его середину, а над этим находился широкий плоский сосуд для таяния снега. Пламя лампы греет нижнюю часть кипяtilьника, а жар поднимается через трубу кверху, подходя под плоский сосуд, из-под него распространяется по сторонам. Оба сосуда снаружи обтянуты войлоком для сохранения тепла. Из снега при температуре около -40° Ц мы получали в высоком котле 5 литров кипящего шоколада и 4 литра воды в плоском сосуде, тратя 0,35 литра спирта. При более совершенной конструкции этот аппарат мог бы быть более экономичным в отношении горючего. Для использования также и теплоты тела в целях получения талой воды у каждого из нас была плоская карманная манерка из тонкой жести; ее наполняли снегом и носили за пазухой. Пища была сухая, обладающая наибольшей питательностью при наименьшем весе. Хлеб у нас заменяли шведский кнекке-бре и мясные галеты; в последних содержится некоторая часть сухого размолотого мяса. У нас было много сушеного мяса, спрессованного в пластинки. Я собственно заказал в Дании пеммикан — сушеное мясо, смешанное с салом, но когда при отъезде получил этот пеммикан, то он оказался просто сушеным мясом, жестким как камень и опасным для плохих зубов. Поэтому у нас было слишком мало жиру, и мы перенесли неприятный жировой голод. Масла, которое мы везли с собой в небольшом количестве, было слишком мало. Далее у нас был шоколадный мясной порошок (т. е. шоколад, содержа-

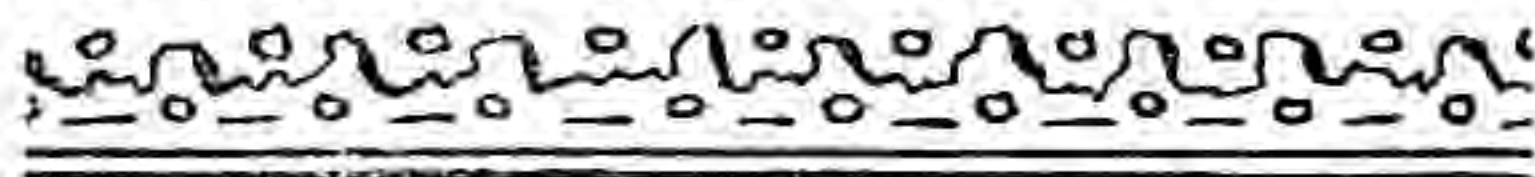
щий 20% мясного порошка), ванильный шоколад, гороховая колбаса, из которой варился гороховый суп, бобовая колбаса и чечевичная, употреблявшиеся таким же способом, немного сушеной палтусины, немного швейцарского сыра, сыра из сыворотки (mysost), две жестянки овсяных галет, немного брусничного варенья, сушеная шинкованная капуста, немного мясного пептона, несколько банок сгущенного молока, лимонная кислота, лимонное масло и немного сахара. У нас было также несколько жестянок паштета из печени, но так как в нем много воды, то он замерз на морозе и сделался таким твердым, что мы обломали об него несколько ножей; в конце концов мы прибегли к топору, но зато нам приходилось ползать кругом, собирая осколки паштета, разлетевшегося далеко по снегу. Мы имели также экстракт кофе и чай; но кофе, приготовленное из этого экстракта, действовало так сильно, что мы не спали по ночам; поэтому мы мало его употребляли, чай был гораздо лучше. Спиртных напитков у нас с собой не было никаких, а табаку — только на трубку каждое воскресенье и на самые торжественные случаи. Наркотические средства, конечно, не годятся при столь сильном напряжении сил, как в лыжном походе. Алкоголь в любом виде, по моему опыту, должен быть исключен совершенно, он дает, может быть, на минуту немного тепла и приятное ощущение, но за это потом приходится расплачиваться. Табак, при умеренном употреблении, не так вреден, но и он уменьшает физические силы, выносливость и стойкость.

Из инструментов мы взяли с собой: небольшой теодолит на штативе, карманный секстан с искусственным

ртутным горизонтом, диск для пеленгования с тремя компасами для измерения магнитного склонения и для тригонометрических измерений, 5 карманных компасов, 3 барометра-анероида, гипсотермометр,¹ 6 ртутных термометров, 1 спиртовый термометр, 1 минимальный термометр, 4 пары анкерных часов из так называемых полухронометров, стеклянные трубки для проб воздуха и спиртовую паяльную лампу, фотографический аппарат с пленками, 2 красных фонаря и стеариновые свечи для перемены пленок (чего тогда нельзя было делать при дневном свете), 2 алюминиевых бинокля и 2 шагомера. Еще у нас было два ружья, каждое с нарезным стволом и дробовым, патроны, топор, ледовые шипы, альпийская веревка, лыжные палки, ледорубы, стальная лопата, бамбуковые шесты для мачт, различные необходимые инструменты, рисовальные принадлежности, альбомы, блокноты, логарифмическая таблица, морской альманах, спички, кремь и огниво, большая линза, 3 десятилитровых жестяных бака со спиртом, по большому заплечному брезентовому мешку у каждого, где мы держали запасную одежду и другие личные вещи, небольшая аптека с деревянными шинами и бинтами для перевязки сломанных рук и ног, хлороформ, раствор кокаина для облегчения снежной слепоты, зубные капли, желудочные пилюли, вазелин и т. д. В такой поход многое нужно брать с собой и ко многому нужно быть готовым.

¹ Прибор, с помощью которого измеряется температура кипения воды и служащий для определения давления воздуха, а следовательно и высоты места над уровнем моря. *Прим. ред.*

МЫ ПОКИДАЕМ ВОСТОЧНЫЙ БЕРЕГ

НАКОНЕЦ, 15 августа мы были готовы. Лодки были вытащены на берег, положены в ложине вверх дном и укреплены камнями, чтобы их не унесло ветром; под лодками мы положили все снаряжение, которое оставляли здесь.

. В 9 часов вечера пять саней стояли нагруженные на леднике у берега, а затем мы двинулись наверх в свое странствование, имея целью Кристиансхоб на западном берегу Гренландии. Было настолько тепло, что днем снег бывал слишком мягок, поэтому мы решили идти по ночам, а спать днем.

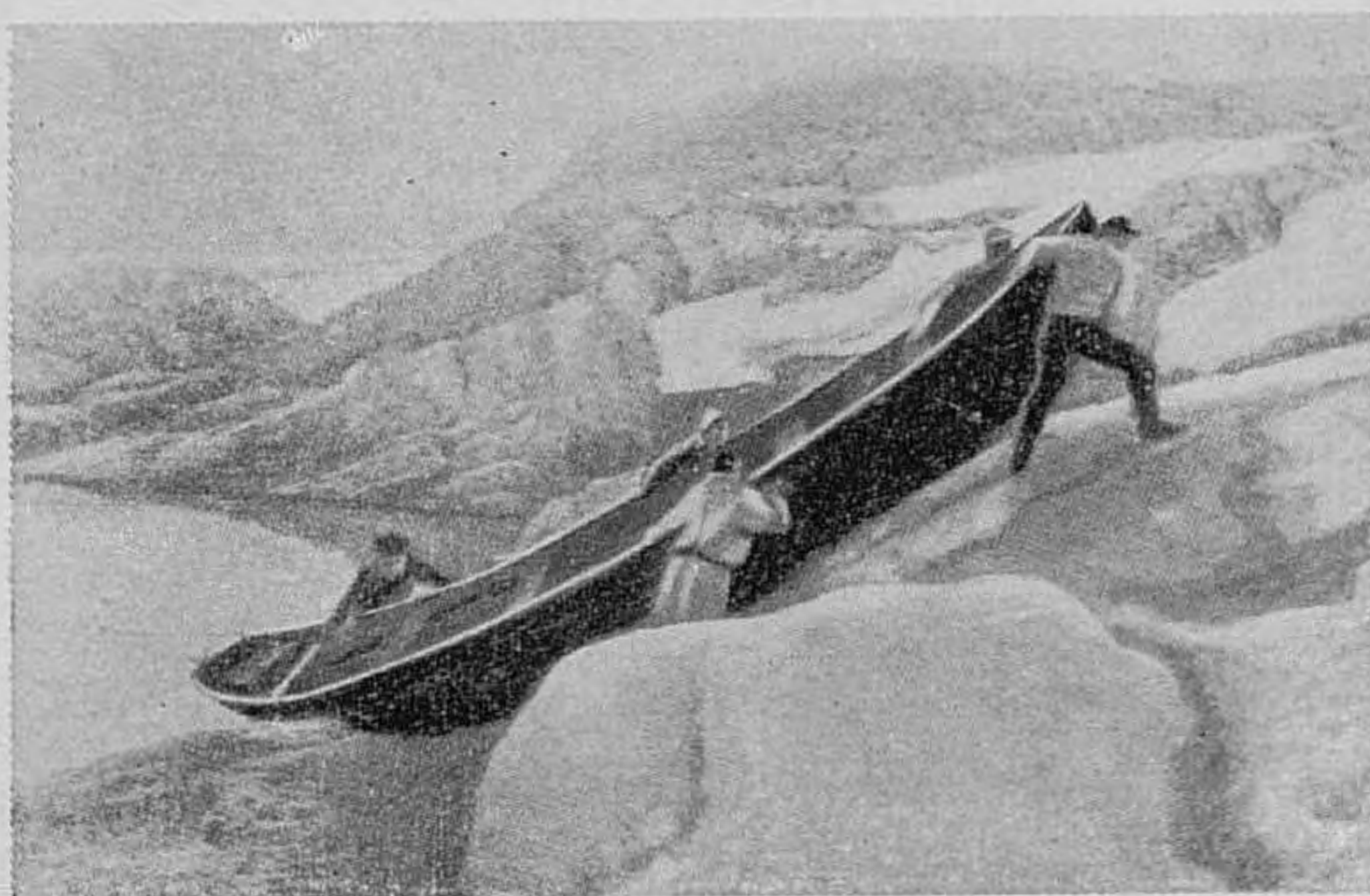
Вначале дело двигалось медленно; подъем от берега был так крут, а сани с грузом больше 120 кило-

граммов так тяжелы, что нам приходилось за каждые сани браться втроем и притом протаскивать их лишь на короткое расстояние. Только через несколько дней, когда мы поднялись выше и подъем стал менее крутым, мы смогли тащить сани в одиночку. Тогда мы их перегрузили. На четырех груз был около 100 килограммов, а на пятых, которые тянули Свердруп и я, приблизительно вдвое больше.

В первую ночь стоял небольшой мороз, так что снег сделался тверже и тянуть по нему сани было легче; но был большой подъем, а вскоре лед сделался чрезвычайно неровным. Пройдя вперед километра четыре, мы поставили палатку на высоте 180 метров. Вечером 16 августа мы пошли дальше по такому же неровному льду. К полуночи стало так темно, что ничего не было видно, поэтому мы поставили палатку, сварили шоколад, поели и принялись ждать рассвета. Мы дошли до более ровного льда, но снег стал более рыхлым, и начались трещины. К утру пошел дождь; мы надели ветронепроницаемую одежду, но так как непромокаемой она не была, то скоро на нашем теле не было ни одной сухой нитки. Хотя и был резкий ветер, мы не мерзли — работа с санями греет хорошо; но чувствовать, как к телу везде прилипает одежда и мешает движению, не так уже хорошо. Мы шли все утро. Подъем был настолько невелик, что мы легко тянули сани, когда брались за них вдвоем. Было много трещин, и потому следовало быть настороже. Так как связываться веревкой было неудобно, то мы довольствовались тем, что привязывались к саням крепкой веревкой, надежно прикрепленной к прочным лямкам, надетым на нас. Провалились мы на мосту в трещину,

Неожиданное падение в трещину через покрывающий
ее снег (по рис. Е. Нильсена)

Лодки затаскиваются наверх у нашей последней стоянки
на восточном берегу

мы повисли бы на лямке и на веревке, и — если сани не последуют за нами — мы наверняка смогли бы провисеть так, пока другие не подоспели бы на помощь. Случалось, что мы и проваливались, но, положив палку поперек, все же выбирались без посторонней помощи. Переводить наши длинные сани через трещины было довольно легко; у них была такая большая несущая поверхность, что нужно было только быстро перетаскивать их, и они переходили благополучно, хотя под ними и обламывались куски снежного моста.

В полдень мы, наконец, остановились и раскинули палатку на небольшой площадке между двумя огромными трещинами. Погода стала совершенно невозможной. Удивительно приятно было в этот день надеть на себя сухую одежду, а внутрь влить в себя горячий чай. Мы подложили под пол палатки все бывшие у нас палки и лыжи, чтобы насколько возможно предохранить себя от дождевой воды, струившейся потоками. Затем мы забрались в мешки, и нам было несказанно хорошо, между тем как за палаткой, не переставая, шел дождь и дул ветер.

Непогода с ветром и проливным дождем держала нас в палатке трое суток, от 17 до 20 августа. Мы лежали в мешках и коротали время за сном, писанием дневников, за разговорами и за чтением тех немногих книг, что у нас были. Пищевые пайки были сведены до возможного минимума, питаться один раз в день должно было быть достаточно в такое время, когда мы не могли работать. Наконец, погода улучшилась, и утром 20 августа мы смогли двинуться дальше, основательно поев горячего чечевичного супа, чтобы вознаградить себя за голодную диету последних дней.

Во льду все еще было много трещин. В одном месте они шли в двух поперечных направлениях, так что пройти здесь было совершенно невозможно, и нам пришлось пойти назад в обход. По мере нашего продвижения вперед трещин стало попадаться меньше, подъем тоже стал менее крутым, так что нам уже не нужно было постоянно тянуть каждые сани вдвоем, а время от времени мы могли тащить их в одиночку, за исключением Свердрупа и меня: мы шли впереди, чтобы выбирать путь, с самыми тяжелыми санями.

Об этой части пути Балто пишет так: «20-го материковый лед стал ужасно неровным, он был похож на большие волны в море, и втаскивать сани на эти волны было ужасно, а когда нужно было снова спускаться, то куски льда катились на нас. Веревка, на которой мы везли сани, резала плечи, так что казалось, что они обожжены».

Снег все еще был мокрый и мягкий, и мы немного вязли в нем, а так как вечером стало проясняться и мы могли ожидать небольшого мороза ночью, то мы поставили палатку. Когда на следующий день, 21 августа, мы рано утром продолжали путь, небо было ясное, а на снегу образовалась крепкая корка, которая выдерживала нас. Подъем все еще был довольно сильный, и встречалось много больших трещин. Позже утром снег от солнечных лучей становился все мягче и мягче, тянуть стало тяжело, и мы невыразимо страдали от жажды. Воды на льду больше не было, и нам не суждено было находить ее, пока мы не стали приближаться к западному берегу. Мы все время терпели неутолимую жажду. Единственной имевшейся у нас во время перехода питьевой водой

была вода в жестяных манерках у нас на груди, которую мы получали из снега, таявшего от нашей собственной теплоты. Мы постоянно наполняли эти манерки снегом и клали их на грудь прямо к телу; но у немногих из нас хватало терпения ждать, пока растает весь снег. Едва лишь он становился немного мокрым, мы тянули воду из бутылки по каплям, но напиться как следует никогда не удавалось. Перед нами была возвышенность, и прежде чем стать лагерь, мы должны были дойти до нее; пройдя километров семь, мы, наконец, достигли цели. К своей радости мы увидели здесь, что дальше подъем небольшой, а трещины кончились. Мы решили, что первые трудности на материковом льду были преодолены, — мы прошли опасную внешнюю зону с трещинами, — и потому вполне заслуживаем маленького праздничного угощения — добавки к пайку небольшого количества сыру, овсяных галет и брусничного варенья. За четыре дневных или ночных перехода мы отошли от места высадки на берег на 18 километров и были теперь на высоте около 870 метров. Прямо против нас на юго-западе находилось два нунатака, я назвал их нунатаками Ринка и Хеллана; дальше вглубь мы различали еще несколько нунатаков, а в северо-восточном направлении их был уже целый ряд.

Ночью около 2 часов (22 августа) мы пошли снова дальше. Стоял славный ночной мороз (-5°Ц), а снег был твердый, как камень, однако настолько неровный, что сани даже переворачивались. Пройдя добрых 8 километров, мы днем остановились и дальше пошли уже вечером. Поверхность льда все время была плохая, сани приходилось то втаскивать на вершины кру-

тых волн, то спускаться в долинки между ними; плечи ныли и горели, и прав был Балто, говоря, что они словно обожжены. Но все же было сказочно красиво: северное сияние и залитая лунным светом волнистая равнина с блестящими гребнями, мерцающее небо.

В полночь мы подошли к трудному подъему. За каждые сани приходилось братья по несколько человек за раз, и все же было тяжело. Когда мы, наконец, поднялись, то радость и удивление наши не знали границ: мы увидели, что лед дальше, насколько мы могли разглядеть при лунном свете, был совсем ровный и твердый, как замерзшее озеро. В два часа (23 августа) мы поставили палатку, чтобы сварить кофе. Мы были на вершине блаженства — лучшего наста не найти! — и много рассуждали о том, сколько понадобится времени, чтобы дойти до Кристиансхоба на западном берегу, если так будет продолжаться и дальше. Все это утро лед был таким хорошим; немногие видели подобный наст на материковом льду Гренландии. Когда среди дня мы поставили палатку, то солнце пекло так, что в палатке стало слишком жарко; один из нас даже лег на брезент в тени палатки, чтобы заснуть.

Вечером мы пошли дальше при таком же состоянии дороги. Но, к сожалению, счастье всегда не прочно, и скоро твердая гладкая поверхность льда покрылась мелким свежим снегом. Теперь мы почувствовали, что ночных морозов будет у нас больше, чем нам того хотелось бы; по такому мельчайшему свежему снегу стальные полозья при 7—8° мороза шли тяжело. Пройдя с трудом около 6 километров,

мы решили, что глупо продолжать путь в такое время суток, и разбили палатку; теперь лучше было тянуть сани днем, когда температура снега выше, а спать по ночам.

Чтобы облегчить сани, мы решили снять со своих спальных мешков чехлы из промасленной материи, они нам больше не были нужны, так как трудно было ожидать, что пойдет дождь или мокрый снег. Но промасленная материя горит, а потому, само собой разумеется, должна быть использована в качестве топлива. Нужно было отыскать что-нибудь вроде кастрюли, но все большие жестянки из-под хлеба, которые мы пробовали использовать, слишком сильно пострадали в пути и текли. Наконец, мы нашли одну, показавшуюся нам относительно целой; мы наполнили ее снегом и подожгли под ней промасленную материю, которую разорвали на тонкие полосы; маленькая стальная лопатка для снега служила жаровней. Огонь высоко поднялся вокруг жестянки и отбрасывал красноватый свет на нас шестерых, сидевших вокруг, смотревших в огонь и находивших жизнь чрезвычайно приятной. Но радости на сем свете быстротечны — не прошло и нескольких минут, как палатка наполнилась таким дымом, что мы почти не видели друг друга, даже если бы могли держать глаза открытыми. Открытая дверь палатки помогала мало; если и выходило немного дыма, то его снова набиралось больше, и дым становился все гуще и гуще. Большинство из нас забралось в мешки и натянуло верх на голову; однако, кто-то из нас должен же был страдать, поддерживая огонь, как ни сильно ело глаза. Приоткрывая то один глаз, то другой и

высовывая время от времени голову за двери палатки, удавалось выдерживать, и снег начал таять. Но горькая чаша переполнилась, жестянка потекла, как решето. Надо было что-то придумать. Единственной непротекающей посудиной у нас была крышка от жестянки с аптекой, но в ней могла поместиться только половина того, что нам было нужно. Пользуясь ею вместе с протекавшей жестянкой, которую мы наклонили на тот бок, где она текла меньше всего, нам удалось справиться с задачей. Так, подтапливая все время и превратив палатку в настоящий ад, нам в конце концов удалось вскипятить что-то вроде чая.

На следующее утро, 24 августа, мы кипятили тоже на промасленной материи, но теперь мы вынесли очаг из палатки, и нам удалось растопить порядочно снега, и, кроме горячего блюда в виде щей, мы смогли на этот единственный раз напиться всласть. В воду я прибавил лимонной кислоты и несколько капель лимонного масла и сахара — получилось приятное лимонное питье. До нашего выхода к западному берегу это был уже последний раз, когда нам удалось утолить жажду, так как мы должны были экономить горючее и не могли растапливать много снега. Замечательное зрелище представляли мы собой на утро, когда снова увидели друг друга при дневном свете. Что за вид! Хлопья сажи толстым слоем покрывали лица, а волосы были цвета воронова крыла. Чисты были одни только глазные яблоки, да зубы, но среди общей черноты они были жутко белы. Если к тому же прибавить, что мы, несмотря на такие неожиданные случаи, не мылись с того самого времени, как оставили «Язон», и до тех пор, пока не дошли до за-

падного берега, то многие назовут нас нечистоплотными свиньями. К этому мы должны отнестись равнодушно, ведь на то были свои причины. Во-первых, здесь, на материковом льду, у нас не было иной воды, кроме той малости, которая по утрам и вечерам таяла на спирту в нашем кипятильнике, и еще тех ничтожных капель, которые получались от таяния снега в манерках на нашем теле. Когда у тебя жгучая жажда и предстоит выбор, употребить ли эту воду на мытье или на питье, или же, вымывшись сначала, потом эту воду выпить, то я полагаю, что даже самый чистоплотнейший человек предпочтет только выпить ее. Во-вторых, не так благополучно обстоит дело с мытьем на снежной равнине, где кожа лица страдает от солнечного света, отражающегося от снега. Кожа обжигается и лупится, а это может повлечь за собой неудобства и боль. А в-третьих, не так уж соблазнительно мыться на морозе, когда вода, если постоит немного, замерзнет, а пальцы коченеют, пока несешь их от чашки к лицу. При этих условиях, пожалуй, не много найдется таких, которые захотели бы посвятить чистоплотности нечто большее, чем чисто теоретическое рассуждение. Но, если говорить правду, то хуже всего, пожалуй, то, что нам и вообще не хотелось мыться, и мы прекрасно обходились без мытья и без перемены белья.

Целый день дорога была дурная, свежий снег становился все глубже, и везти по нему было все мешкотнее. К полудню мы сварили шоколад, употребив в качестве горючего промасленную материю, и, кроме того, запасный штатив для теодолита, который был нам ненужен, и кучу деревянных шин для пере-

вязки сломанных рук и ног; мы полагали, что они нам больше не понадобятся, так как мы благополучно перешли через растрескавшийся лед у восточного берега. Мы сохранили только несколько штук на тот случай, если произойдет что-нибудь во время спуска по трещиноватому льду, который мы должны были ожидать встретить вблизи западного берега.

Как только к вечеру солнце закатилось, стало много холоднее, а по холодному снегу сани скользили еще хуже. Мы поставили палатку, продвинувшись за день вперед не больше 8—9 километров. Дело двигалось действительно медленно, и если оно не пойдет гораздо быстрее этого, то много еще пройдет времени, прежде чем мы дойдем до Кристиансхоба. Подъем был все еще порядочный, и мы надеялись, что будет легче, когда мы поднимемся, наконец, выше. На остановке мы утешались овсяными галетами и свежавыпавшим снегом, который залили раствором лимонной кислоты, лимонного масла и сахара — на вкус это походило на чудеснейшее фруктовое мороженое.

На следующий день, 25 августа, был все еще большой подъем, а дорога еще хуже — толщина рыхлого снега составляла от 15 до 20 сантиметров. К тому же ветер стал дуть в лоб. Однако, мы шли вперед, стараясь изо всех сил. Найдя, что приготовление обеда отнимает у нас слишком много времени, мы придумали варить пищу на ходу. Кипятильник был наполнен снегом и крепко привязан на одни из саней, а затем зажжен. Пока снег в сосудах мало-по-малу таял, мы шли дальше, гордые таким хитроумным изобретением. Затем мы положили в кипящую кастрюлю бобо-

вую колбасу, и когда бобовый суп вскипел, остановились, поставили палатку и осторожно внесли туда кипяtilьник. Но когда мы садились, чтобы насладиться бытием, я сделал неловкое движение и опрокинул качавшийся кипяtilьник, так что весь драгоценный суп вылился на пол палатки вместе с талой водой и комками снега из другого сосуда для таяния и еще горящим спиртом из лампы. Сразу все вскочили, из палатки все было выброшено вон, мы подняли по углам палаточный пол, и суп собрался в углубление в середине; затем вычерпали его обратно в кастрюлю и снова вскипятили, погибло не так уж много.

Пока мы уютно сидели в палатке и наслаждались своим супом и обедом, поднялась метель. Это был всего только «поземок» (т. е. снег несло у поверхности); но, когда мы снова пошли дальше, снег несло нам прямо в лицо. К вечеру ветер усилился, а мороз дошел до -9° . Стараясь изо всех сил, мы шагали вперед до самого позднего вечера, когда, наконец, поставили палатку и залезли в мешки, а месяц мирно светил на нас сквозь пургу. Поднявшись на следующее утро, 26 августа, чтобы сварить кофе, я был удивлен, обнаружив, что и я сам, и спальные мешки, и мешки с одеждой, все это погребено под снегом, проникшим сквозь щели в палатке. Когда я хотел засунуть ноги в башмаки, то и они оказались полными снега, когда же мы взглянули на свои сани, то увидели, что они были наполовину занесены и вокруг всей палатки образовались большие снежные сугробы. Тем не менее мы провели приятное воскресное утро с кофе в постели.

Пурга продолжалась целый день, и итти против нее было все тяжелее и тяжелее, так как снег становился все более рыхлым. Я начал подумывать, не связать ли нам несколько саней вместе и, поставив на них мачты, не попробовать ли при помощи паруса лавировать против ветра; ведь если мы будем продолжать тащиться попрежнему, то действительно долго еще придется ждать, когда мы дойдем до Кристиансхоба. Через несколько километров мы подошли к такому крутому подъему, что за каждые сани приходилось братья троим, и все-таки было чрезвычайно тяжело поднимать их; подъем был приблизительно один метр на четыре. Когда мы спустились за следующими санями, то обычно столь молчаливый Кристиансен сказал Дитриксону: «Как это люди могут сами себе желать подобного зла, принимаясь за такое дело!»

Мы остановились поздно вечером, достигнув высоты 1880 метров над уровнем моря; насколько выше нам придется еще подняться, чтобы достигнуть перевала, мы не знали. На эту ночь мы устроились несколько лучше, защитив себя от метели. Мы вкопали палатку так, что с наветренной стороны у нас получился снежный сугроб; кроме того прислонили к наветренной стене одни сани, покрытые брезентом, и таким образом у нас получилось удобное гнездо, где приятно кипел чай на спиртовом огне, а настроение, несмотря ни на что, было прекрасное. А когда чай был готов и загорелась свеча, мы решили, что у нас вполне уютно.

На следующее утро, 27 августа, ветер дул все с такой же силой. Было решено поставить на сани парус, что встретило однако много возражений, особенно со

стороны лопарей. Равна скорчил самое несчастное лицо, а Балто пустил в ход язык: «что за нелепый народ, хотят итти под парусом на санях! Вы можете учить нас плаванию под парусом на море и еще многому другому; но учить нас, лопарей, чему-то на земле, на снегу — нет, этого вы не можете, это чортова ерунда!» Но ему все же пришлось приняться за дело. Сани были поставлены друг возле друга и скреплены палками, положенными поперек; получились два парома, в одном было двое саней, в другом трое. На этих двух паромах мы поставили бамбуковые шесты в виде мачт. На одном пароме парусом был палаточный пол, на другом два брезента; но когда их подняли, их оторвало один от другого, и потому пришлось их сшивать. Это приходилось делать голыми руками, неприятная работа при ветре и морозе. На подготовку к путешествию под парусами нам понадобилось много часов. Если бы мы взяли курс на Кристиансхоб, мы имели бы ветер прямо в лоб; не было никакой надежды на то, что нам удастся править на санях так близко к ветру, чтобы быть в состоянии лавировать против него. Поэтому ветер был бы нам ни к чему, если бы мы хотели продолжать путь в том же направлении, но уже я начал подумывать о других планах.

Этот ветер, дувший из более холодной области материкового льда к берегу, мог продержаться еще долго, и было ясно, что против него и при тяжелой дороге будет невозможно дойти до Кристиансхоба к половине сентября, когда вероятно оттуда уйдет последнее судно в Данию; тогда нам придется зимовать в Гренландии. Я полагал, что больше надежды застать

судно, которое сможет взять нас еще этой осенью, если мы дойдем до одной из колоний на западном берегу, расположенной южнее, и Годтхоб был бы подходящим для этого местом. Расстояние до него было кроме того короче, чем до Кристиансхоба. От того места, где мы сейчас находились, расстояние до Кристиансхоба по прямой линии было около 595 километров, тогда как до Годтхоба было всего около 470 километров. Правда, большой участок этого пути занимала обнаженная ото льда земля. От края материкового льда Годтхоба, вероятно, километров 100, и, может быть, будет труднее идти по долинам и через высокие горы, огибая глубоко врезающиеся в них фьорды; между тем расстояние от края материкового льда до Кристиансхоба было невелико и, судя по имевшимся у нас сведениям, пройти там было легко. Но, вероятно, и у Годтхоба тоже можно будет так или иначе справиться. Кроме того были и другие причины, заставлявшие выбрать именно этот путь. Исследование материкового льда в этом направлении будет иметь большой интерес, так как здесь он совершенно неизвестен. Об условиях же к югу от Кристиансхоба ценные сведения были собраны обеими экспедициями Норденшельда.

Кроме всего прочего стояло уже позднее время года, а осень на материковом льду могла быть довольно суровой. Путь до верховья фьорда у Годтхоба настолько короток, что мы могли рассчитывать раньше дойти до участка с более мягкой погодой, даже если бы и не знали ничего о том, каким окажется проход у края льда в этом направлении. Этот последний мог быть значительно труднее, чем на се-

вере у Кристиансхоба, где, по нашим сведениям, он был легким. Повидимому, с высокой горной местности у Годтхоба низвергается к фиордам и долинам много ледников, и там может встретиться очень неровный и трещиноватый лед. Но в одном месте, приблизительно на $64^{\circ}10'$ северной широты, как будто бы есть, судя по карте, участок между огромными ледниками, где, вероятно, лед лежит более спокойно и где, может быть, нам удастся спуститься. Во всяком случае мы сможем найти там проход. В результате этих соображений я решил изменить курс и направиться к Годтхобу. Когда это было сообщено другим, то вызвало у всех чувство удовлетворения, все согласилось с тем, что это несомненно самое целесообразное.

Итак, вечером мы поставили паруса и двинулись в путь. Ветер хорошо помогал, но мы не могли держать круче, чем галфинд, а так как ветер был северо-западный, то мы шли следовательно на юго-запад. Это было значительно южнее Годтхоба; но ветер настолько помогал нам, что мы все-таки решили пользоваться парусами, чтобы только не тянуть сани самим. Мы устроили так, что двое шли перед каждым паромом и тянули его, а один шел сзади, направляя сани. При таком способе мы продвигались вперед совсем хорошо. Так продолжалось несколько дней при том же ветре и метели. По ночам ветер бывал очень сильный, и я несколько раз боялся, что палатку разорвет на куски. Утром приходилось отрывать сани из-под снега, развязывать их друг от друга и снимать весь груз, чтобы перевернуть сани и хорошенько очистить полозья от льда и примерзшего снега. Затем сани снова связывались, нагружались, и ставился парус.

В метель и мороз эта работа была незавидная, особенно с узлами, которые нужно было делать голыми руками, чтобы они держались. Затем мы весь день шагали вперед, среди метели. Дневные переходы были все же довольно хорошие; правда, они не были такими, как мы предполагали, но от 14 до 15 километров нам удавалось проходить. Самой неприятной работой было ставить по вечерам палатку. Прежде всего пол палатки, который мы употребляли в качестве паруса, должен был пришнуровываться к стенам, а это приходилось делать голыми руками. Бывало мы отморазивали себе за этим делом все пальцы; но, потеряв их и похлопав руками, нам удавалось кое-как сохранять их. Затем следовало ставить палатку поосновательнее, чтобы она устояла на ветру, и только тогда мы могли входить в нее и укрываться от ветра.

Пока мы шли, я непрерывно думал о том, как нам лучше дойти до Годтхоба после благополучного спуска с материкового льда к верховью какого-нибудь фиорда. Судя по карте, длинный путь по земле через горы и долины будет очень утомительным. Я полагал, что пол нашей палатки, сделанный из крепкого брезента, может служить годным материалом для постройки лодки; дерева для каркаса у нас достаточно, а на весла пойдут лыжи, палки, бамбуковые шесты и сани. Да, ясно, нам придется сделать лодку, а на ней мы легко дойдем до Годтхоба. Я поделился мыслями со Свердрупом, который после небольшого размышления быстро согласился со мной. Пробираясь вперед, мы находили достаточно времени для обсуждения того, как лучше построить лодку. Свердруп больше всего огорчился, что мы были так глупы и оставили

у лодок на восточном берегу наперсток для парусника,¹ он очень пригодился бы нам для шитья обшивки для лодки.

Однажды Кристиансен оступился на краю сугроба и вывихнул себе одно колено. Несколько дней ему было так скверно, что он с трудом ходил; однако усердным массажем Дитриксон быстро помог ему снова поправиться. Странно все же было видеть его сидящим на метели и морозе с голой ногой во время массажа. Это напомнило нам о том, что могло бы быть, если бы кто-нибудь получил более серьезное повреждение, сломав себе ногу или еще что-нибудь в этом роде.

28 августа у лопарей немного заболели глаза. Они, презиравшие наши снежные очки и вуали, как что-то смешное, как ни странно, были первыми, заболевшими снежной слепотой. Мне пришлось теперь капать в глаза Балто раствор кокаина, и лопари, с помощью очков и шелковой вуали, которые они так глубоко презирали, скоро снова поправились. Остальные избежали этой болезни, от которой страдало так много артических путешественников. На этих высотах, где воздух разрежен, а солнечные лучи действуют сильнее, отражаясь от белой снежной поверхности и от снежинок, наполняющих воздух, глаза поражаются очень легко. Они горят, в них ощущается жжение, как будто их есть дымом или в них попал песок, и в конце концов их невозможно бывает открыть. Но, надевая снежные

¹ Наперсток, состоящий из кожаной стропки, надеваемой на кисть руки до большого пальца, и из железного круга с шероховатой поверхностью, как донышко у наперстка, прикрепленного к стропке против ладони. (Морской словарь.) Прим. пер..

очки, можно легко уберечься от этого; шляпа с большими полями тоже хороша для защиты от солнца.

Этот сильный свет действует также на кожу лица. Мы сильно загорели, а кожа на носу, щеках и подбородке слезла. Особено сильно пострадало лицо у Кристиансена. Щеки у него опухли, на них образовались болезненные пузыри; казалось, будто они отморожены. С этого времени мы стали внимательно следить за тем, чтобы надевались наши красные шелковые вуали, и благодаря этому избавились от худших неприятностей. Странно было видеть, как развеваются в воздухе нежные красные и синие вуали; это будило воспоминание о весне, прогулках, элегантных дамах, сверкающих глазах, но здесь фигуры не были столь элегантны, а из-за вуалей виднелось всего лишь шесть грязных, бородатых и обветренных физиономий.

Вечером 29 августа ветер стих настолько, что мы сняли паруса, разъединили сани и принялись тянуть их прямо по курсу на Годтхоб. Снег сделался настолько рыхлым и глубоким, что Свердруп, Дитриксон и я надели канадские лыжи. Вначале не так-то легко было пользоваться этими приспособлениями, и при первых же шагах мы неизбежно падали; прежде всего мы не делали достаточно длинных шагов, чтобы выносить широкие лыжи вперед, они били нас по икрам, и мы валялись. Но, обращая свое внимание на это, мы тут же начинали ставить одну лыжу на другую и тогда при следующем шаге падали носом в снег. Мы стали делать шире шаги, и дело пошло, но тут носок лыжи заезжал в снег, и мы валялись снова. Так бились мы некоторое время и неизменно падали и зарывались носом в снег.

Лопари смотрели на эти лыжи с глубоким презрением: нечего учить их чему-нибудь на снегу, ведь они всю жизнь прожили в горах, не пользуясь таким хламом. Теперь они радовались, видя, как мы вышагиваем. Но скоро дело пошло лучше, мы научились пользоваться канадскими лыжами и стали находить их прекрасными, они удивительно хорошо держали на поверхности и давали ноге упор. Мы сожалели, что не надели их еще раньше. Теперь мы шли гораздо лучше лопарей, с трудом поспевавших за нами. Они стали задумываться. Балто через некоторое время осторожно спросил, разве на них действительно так хорошо идти, а потом повторял вопрос еще несколько раз; он был уже готов спуститься до того, чтобы надеть на ноги эти презренные приспособления. Но скоро снег стал таким, что можно было снова пользоваться обыкновенными лыжами.

Кристиансен пробовал канадские лыжи, но не мог справиться с ними и, свалившись раз двадцать, так рассердился, что швырнул их на сани и надел вместо них такие же норвежского типа; но эти больше уходили в снег и были тяжелее.

Через несколько дней мы все снова надели обыкновенные лыжи. Даже когда нужно тянуть сани, они все-таки лучше для тех, кто умеет ими пользоваться; при ходьбе они утомляют меньше, чем канадские лыжи, так как их не нужно поднимать, а только скользить ими вперед и, кроме того, не приходится делать шаги крупнее обычного. С этих пор мы пользовались во время всего перехода через материковый лед до западного берега только обыкновенными лыжами.

ОДНООБРАЗНЫЙ ТРУДНЫЙ ПУТЬ.
БУРЯ НА МАТЕРИКОВОМ ЛЬДУ.

В ПОСЛЕДОВАВШИЕ за тем три недели мы вели невероятно утомительную и однообразную жизнь. День за днем тащились мы с санями, стараясь изо всех сил, и один день походил на другой. Все было плоско и бело как снежное море. Мы видели только небо и солнце, бесконечную снежную пустыню и самих себя; как шесть черных точек, двигались мы исчезающей чертой через белую бесконечность. Кругом было все то же самое, а впереди ничего, на чем можно было бы остановить взор. Нам приходилось держать курс по компасу или по солнцу, когда оно было, и постоянно оглядываться назад на тех, кто шел позади, и на свои следы, наблюдая за

тем, чтобы идти по прямой линии, а не «вилять хвостом». Мы знали приблизительно, где находимся, и знали, что еще долгое время нам нечего ожидать каких-либо перемен. Последнюю черную горную вершину, названную нами нунатаком Гамеля, мы потеряли из виду 31 августа, и теперь не могли опять увидеть черные горы, пока не подойдем близко к западному берегу. В тот же день мы вдруг услышали чириканье птицы и увидели летящую пуночку; она несколько раз пролетела вокруг и села на снег рядом с нами. Она наклоняла головку и смотрела на нас, весело прыгала по снегу, чирикнула и улетела на север. Это был последний привет земли.

Дорога была невероятно тяжелая, и по свежевypавшему снегу и снежным наметам сани тащились как по песку. Это был бесконечный изнуряющий труд, дневные же переходы были невелики, по большей части от 8 до 15 километров; по временам они бывали немного больше. Снежная поверхность была совершенно ровная; в течение многих дней она длинными волнами поднималась все выше и выше. Мы устали от этих вечных подъемов и с нетерпением ждали, когда в конце концов поднимемся на самый верх материкового льда, где поверхность будет совсем плоской и начнет спускаться на другую сторону. Но подъем, казалось, никогда не окончится. Наконец, 5 сентября уже было похоже на то, что мы действительно достигли перевала; мы были тогда на высоте около 2720 метров над уровнем моря, но до сколько-нибудь заметного спуска не дошли. Изнурительная работа была все такой же, сегодня, как и завтра, все та же бесконечная ровная, снежная пустыня, где мы терпели такую же

неутолимую жажду, как путешественники по Сахаре. Если бы мы попали сюда ранним летом, дорога у нас, наверное, была бы много легче, так как тогда снег по большей части был бы покрыт твердой корой. Но теперь на этот смерзшийся снег выпал новый снег, мелкий и сухой как пыль, и ветер смел его в наметы; по такому снегу лыжи и сани скользят необыкновенно медленно, особенно, когда так холодно, как было у нас. А нового снега выпадало все больше.

Еще 31 августа, когда мы вечером втыкали в снег лыжные палки, чтобы поставить палатку, мы были изумлены, обнаружив, что хотя под свежавыпавшим снегом и была все-таки корка старого снега, но, проткнув ее, можно было погружать палки в снег, насколько их хватало. Очевидно, на этой высоте (2000 метров) солнце летом в состоянии растопить только самый поверхностный слой снегового покрова настолько, что на нем по ночам образуется корка, ниже же снег остается сухим и рыхлым. Значит, даже в самое теплое лето количество выпавшего снега здесь не уменьшается сколько-нибудь вследствие таяния. Подобные слои снега, как мы здесь обнаружили, находились в центральной части материкового льда повсюду. 3 сентября я, например, несколько раз пробовал втыкать в снег палку. На самом верху было около 8 сантиметров рыхлого снега, затем шла корка, толщиной сантиметра в два, затем 16 сантиметров рыхлого снега, потом опять более твердая корка, а когда и она пробивалась, то палка погружалась дальше, все в более и более твердый снег. Подобную слоистость мы находили в снегу и дальше; обычно можно было втыкать палки в снег как угодно глубоко.

Во время всего нашего перехода через материковый лед бывало довольно ясно, обычно просвечивало солнце, совсем облачных дней было только несколько. Даже когда шел снег, что бывало часто, он редко бывал настолько густым, чтобы солнца не было видно. Падавший снег всегда бывал мелким, как замерзший туман; такой снег образовывается во время мороза за счет водяных паров воздуха, которых в разреженном воздухе при низких температурах мало; водяные пары замерзают и падают без образования облаков.

Когда солнце просвечивает через эту падающую снежную пыль, то вокруг него всегда появляется широкое светящееся кольцо со световыми столбами, идущими от солнца к кольцу в обе стороны, где образуются светящиеся пятна, так называемые ложные солнца. Когда солнце приближается к горизонту настолько, что одна часть кольца заходит за край льдов, то там, где световое кольцо касается этого края, возникают яркие ложные солнца, как и там, где до этого края доходит световой столб, идущий вертикально вниз от солнца. Такие удивительные световые явления мы наблюдали ежедневно.

Дальше в глубь страны было много холоднее, чем мы предполагали. Даже днем, когда светило солнце, было много градусов мороза, а когда к вечеру солнце начинало спускаться, температура быстро падала, даже быстрее, чем садилось солнце. Очевидно, ночное излучение теплоты со снежной поверхности в разреженном воздухе этой высокой равнины необыкновенно велико. На шкале наших ртутных термометров не было нанесено делений ниже -30° Ц, так как никто из нас не

ожидал в это время года столь низкой температуры. После 8 сентября, когда солнце по вечерам исчезало, ртуть быстро опускалась гораздо ниже последнего деления шкалы. Насколько опускалась ртуть, точно определить было трудно. Когда 11 сентября мы легли спать, я положил под подушку бывший у нас спиртовой термометр. Когда я утром посмотрел на него, столбик спирта опустился гораздо ниже шкалы, имевшей деления до -37° Ц. Температура, наверняка, была ниже -40° , а это было в палатке, где спало шесть человек и где мы варили пищу. Судя по тому, как температура падала к вечеру, профессор Мон вычислил, что в самые холодные ночи у нас бывало около -45° . Днем, вскоре после полудня, температура обычно поднималась до -20° , -15° . Это происходило в середине сентября, и, по всей вероятности это самые низкие температуры, наблюдаемые в это время года на поверхности нашей земли. Чего же можно ожидать здесь среди зимы? Слоистость снегового покрова показывает, что даже в самое теплое лето здесь не бывает настолько тепло, чтобы наблюдалось таяние снега. Таким образом в это наше путешествие мы открыли новый любопытный и важный полюс холода, как его называют метеорологи.¹ Он лежит среди материкового льда Гренландии и имеет чрезвычайное влияние на климат прилегающих участков всего север-

¹ Наиболее низкая зимняя температура воздуха, при приведении ее к уровню моря, наблюдается в северном полушарии в Оймеконе в Якутии, который, следовательно, и является «полюсом холода». Метеорологические наблюдения в Оймеконе были поставлены только после революции, до этого же полюсом холода считался Верхоянск. *Прим. ред.*

ного полушария и на бури в Атлантическом океане и Норвежском море.¹

Замечательна большая разница между дневной и ночной температурами, превышающая 20° ; она зависит от сильного ночного излучения со снежной поверхности на больших высотах сквозь разреженный воздух с небольшим содержанием влаги. Тут есть некоторое сходство с Сахарой, где днем может быть мучительно жарко, а по ночам вода подергивается льдом, если остается на воздухе; с песчаной поверхности происходит сильное излучение через сухой воздух. В полдень 3 сентября спиртовой термометр, положенный на сани на солнце, показал $+31^{\circ}$ Ц, тогда как температура в тени была -11° Ц. Эта разница объясняется тоже излучением тепла в разреженном воздухе.

Дневная работа начиналась моим вставанием на час раньше всех, чтобы приготовить завтрак. Это было неприятное занятие, но я не хотел никому другому доверить его, так как необходимо было насколько возможно экономить спирт, а я считал, что у меня в этом больше опыта. Когда просыпаешься, то голова в мешке покрыта инеем, образовавшимся от замерзшего дыхания, осевшего на оленьем меху. Вылезает из мешка и попадаешь в помещение с 30 или 40 градусами мороза, где на косых стенах палатки висит длинная ба-

¹ Мнение о большом значении гренландского атмосферного «центра действия» на погоду на севере Атлантического океана было выдвинуто только в XX веке и особенно горячо поддерживалось американским ученым Хобсом. В первом оригинальном издании книги Нансена о влиянии гренландского полюса холода на прилегающие участки Атлантического океана не упоминается. *Прим. ред.*

хрома инея, за исключением того места, куда ударяет ветер; заденешь их головой, получишь ванну из инея. Затем нужно приводить в действие кипятильник. В такой мороз больно даже просто взяться за металл голыми пальцами, не лучше наливать спирт в лампу и заставлять фитили гореть. Сосуды, наполненные снегом с вечера, ставились на место; теперь нужно было следить за лампой, чтобы она не горела слишком сильно, не перегрелась и не взорвалась бы, но вместе с тем и не горела бы слишком слабо, дабы кипячение не отняло много времени. Когда, наконец, чай или шоколад бывал готов, я будил остальных, и завтрак подавался «в постели». Покончив с едой, нужно было приготовиться и выходить в путь как можно скорее. Санные полозья отскабливались от снега, груз перевязывался, затем снималась палатка, очищалась от инея и укладывалась. Обычно я производил еще некоторые наблюдения с гипсотермометром, пока другие приводили все в порядок. Точка кипения воды становится ниже по мере того, как поднимаешься выше над уровнем моря и давление воздуха уменьшается, поэтому высота над уровнем моря может быть найдена по точному определению температуры, при которой закипает вода. Такое определение высоты места более надежно, чем получаемое при помощи обыкновенного anerоида, а потому и является хорошей проверкой для последнего прибора.

А затем продолжалась все та же обычная работа — тянуть сани по белой пустыне. Через несколько часов мы останавливались ненадолго, чтобы получить по плитке мясного шоколада. Потом шли еще несколько часов до обеда, который съедался с возможной поспеш-

Неделями мы тащились через бесконечную ровную
снежную пустыню

Развешивание пайков на внутриматериковом льду

ностью, сидя на санях. На небольших почтовых весах развешивались точные порции для каждого человека. Затем мы шли снова часа два, когда опять получали по плитке мясного шоколада. Еще через такой промежуток времени часов около пяти дня, бывала «вечерняя закуска». После этого мы шли до позднего вечера, с небольшим перерывом на отдых, во время которого получали еще плитку мясного шоколада.

Когда мы вечером останавливались, большинство сейчас же принималось за устройство места для палатки, разметая рыхлый снег, ставили палатку, укрепляли ее хорошенько и закрывали брезентом стены с той стороны, откуда дул ветер. Работа Равны по вечерам — пожалуй, единственная, кроме работы с санями — заключалась в наполнении кипятильника снегом. Горный лопарь, каждую зиму употребляющий снег для варки пищи, хорошо знает, какой снег лучше всего пригоден для этого. Как только мы останавливались, он молча уходил с кипятильником и вырывал глубокую яму в старом снегу, дающем больше воды, чем свежавыпавший снег. Наполнив кастрюли как следует, Равна приносил аппарат к палатке и, когда она бывала поставлена, тщательно, как кошка, счищал с себя снег, залезал в палатку, садился в одном из углов, накрест поджав под себя ноги, и не шевелился до тех пор, пока пища не бывала готова; его призвание в этом свете, повидимому, считалось выполненным.

Вечерние часы в палатке, когда все усаживались на свои мешки, были светлыми моментами нашего тогдашнего существования. Когда мы садились вокруг кипятильника, ждали пищи и смотрели на слабые све-

товые полосы от спиртовой лампы, тогда, несмотря на усталость и холод, казалось, что

«... все забыто, и злое позади,
то был наш уголок, наш мраморный дворец...»

А когда суп, или лапскеус и еще что-нибудь бывало готово и наполняло наши кружки, а порции хлеба и прочего бывали резвешены, и зажжен крошечный огарок свечки, — тогда ощущение счастья доходило до высших пределов. Прежде чем ложиться спать, сосуды для кипячения наполнялись снегом, чтобы на следующее утро их можно было сразу поставить на лампу, шоколад наламывался кусочками для варки, и т. д. А затем мы забирались в мешки, хорошенько закрывались и засыпали сном праведников.

Еда составляла для нас основу нашего существования. Если бы мы могли пожелать себе что-нибудь действительно прекрасное, то это была, конечно, пища в достаточном количестве, особенно жир. Как раньше упоминалось, у нас по печальному недоразумению имелось мало жиров; в такой мороз мы нуждались в большом количестве и мало-по-малу начали испытывать настоящий жировой голод. Мы отпускали каждому четверть кило масла на неделю, и, пока эти порции тянулись, самым приятным для нас бывало есть масло большими кусками. У некоторых эта радость длилась довольно недолго; Кристиансен, например, съедал всю порцию масла в первый же день, что было явно неразумным ведением хозяйства. Этот жировой голод зашел так далеко, что Свердруп даже спросил меня однажды, как я думаю, не будет ли вредно, если он выпьет сапожную мазь, так как она состоит из вареного льняного масла; и очень был огорчен, когда я

сказал, что едва ли это благоразумно. В общей сложности на каждого человека в день отвешивалось около килограмма пищи. Этого, по моим расчетам, должно было быть вполне достаточно. Когда мы подошли к западному берегу, всем было позволено есть в неограниченном количестве сушеное мясо, которое у нас было в избытке, но даже и тогда мы не могли почувствовать себя сытыми. Когда мы вернулись в Норвегию, Балто как-то спросили: бывал ли он когда-нибудь сыт? «Нет, я не был сыт, — отвечал он, — помнишь, Свердруп, когда у нас был праздничный обед на материковом льду и мы получили двойную порцию и когда мы ее съели, я сказал тебе: «Ты сыт, Свердруп?», и тогда ты ответил мне: «Я голоден как волк!»

Плохо было еще и то, что в нашем кипятильнике таяло слишком мало снега и мы все время страдали от неутолимой жажды. Мучился жаждой и Равна, но получаемых нами порций пищи его небольшому телу, само собой разумеется, хватало, не то что нам, которые были значительно крупнее его. По вечерам он немало дразнил нас, и у нас текли слюнки, когда он вынимал из своего мешка пять-шесть сбереженных им мясных галет и раскладывал у себя на коленях. Если мы спрашивали, отчего он их не ест, он отвечал: «Когда мне не дают пить, я не могу есть!»

Наше ежедневное меню было следующее.

З а в т р а к: шоколад на воде, мясные галеты, кнекке-брё, немного паштета из печени, сушеное мясо.

О б е д: кнекке-брё, немного паштета из печени, сушеное мясо. На десерт: две овсяных галеты и немного раствора лимонной кислоты с сахаром, которым мы обливали снег.

Вечерняя закуска: кнекке-брё или мясные галеты, немного паштета из печени и сушеное мясо.

Ужин: гороховый суп (или бобовый, или чечевичный), мясные галеты, сушеное мясо. Вместо супа мы иногда варили лапскеус из сушеного мяса и горохового супа, часто прибавляя туда еще мясных галет — тогда получалось знатное блюдо. Иногда вместо супа мы пили вечерний чай.

Почти так же, как масло, ценился и табак. Я помню, что за затяжку из трубки предлагалась крона. Трубка, получаемая каждое воскресенье, растягивалась надолго. Сначала курился табак, потом пепел и дерево трубки; этого, однако, нехватало на целую неделю, а потому для курения в трубку засовывалась просмоленная веревка. Менее ли это вредно, чем табак, я не знаю. Жевательного табаку у нас не было, но многие жевали вместо него просмоленную веревку. Я попробовал было, но сейчас же выплюнул; зато я нашел, что во время ходьбы хорошо жевать древесные щепки, это сохраняет влажность во рту и как будто бы утоляет жажду. Лучше всего были палочки от канадских лыж норвежского типа, сделанных из дерева черемухи; особенно хороша была кора. Мы со Свердрупом сжевали свои лыжи почти целиком.

Чтобы держаться правильного курса, я должен был в полдень измерять высоту солнца над горизонтом для определения широты места, а утром или вечером — для определения долготы. Для того чтобы произвести необходимые вычисления, нам нужно было еще знать точное гриничское время, которое давали нам наши хорошие карманные часы. Высота солнца определялась при помощи небольшого секстана, измерением угла

между самым солнцем и его зеркальным изображением в небольшой чашечке с ртутью,¹ которую я ставил на снег. В метель бывало трудно увидеть изображение солнца в чашечке с ртутью, и тогда приходилось пользоваться теодолитом, навинченным на штатив и точно поставленным по уровню при помощи уравнительных винтов. Труба теодолита направлялась на солнце, затем измерялся угол между направлением трубы и горизонтальной плоскостью. Производить эти точные измерения и завинчивать винты на морозе и в метель голыми пальцами довольно неприятно; но дело все же спорилось, и мы получали довольно точные определения места, особенно широты, которая являлась наиболее важной, когда дело шло о том, чтобы по ней найти Годтхоб; мы могли определять ее с точностью одной минуты дуги или около двух километров.

Во время всего путешествия через промежутки в несколько часов производились метеорологические наблюдения. Температура воздуха определялась термометром-пращей; это маленький ртутный термометр, который вращают на веревке, отчего он приходит в соприкосновение с таким большим количеством воздуха, что показывает температуру «в тени», даже если светит солнце. Влажность воздуха определялась такими же термометрами, смоченными водой. Сила ветра измерялась анемометром, а его направление определялось при помощи компаса. Давление воздуха измерялось барометром-анероидом. Все эти наблюдения производились Дитриксоном, который вел и метеорологический журнал. Как ни изнурен он был, как ни горькой казалась

¹ Так называемый «искусственный горизонт». *Прим. ред.*

ему жизнь, он, несмотря ни на что, делал свои наблюдения регулярно много раз в течение суток, с внимательностью и тщательностью, которым можно было удивляться. Когда мы, таща свои сани, смертельно усталые, останавливались, чтобы отдохнуть, Дитриксон вынимал свои инструменты, производил различные метеорологические наблюдения и записывал их, прежде чем позволял себе отдыхать, безразлично, был ли он измучен или нет. То было сознание своего долга и стальная воля.

Тянуть сани было все время необычайно тяжело. Поэтому однажды (1 сентября) мы со Свердрупом отвинтили на своих санях стальные пластины с полозьев; мы полагали, что в такой мороз деревянные полозья будут скользить лучше, чем стальные. Однако, улучшение было мало заметно; как было тяжело, так и осталось тяжело. По мере того, как делалось холоднее, стало даже еще хуже, и по вечерам мы бывали страшно измучены. Другим было как будто бы легче, чем нам со Свердрупом. Мы стали подозревать, что, пожалуй, это происходит не только от одного того, что наши товарищи идут сзади и по нашим следам; наши сани было особенно трудно тянуть, их полозья оказались неправильной формы, они были немного вогнуты, вместо того, чтобы несколько выпячиваться книзу. Свердруп говорил, что на санях, должно быть, сидит сам чорт. Наконец, 11 сентября мы решили бросить свои сани и взяли сани Балто, переложившего свой груз на сани Равны, так что с этого дня оба лопаря тянули сани вместе. С этим изменением существование Свердрупа и мое стало радостнее; наши новые сани бежали так легко и быстро, что другим было трудно

поспевать за нами. Мы сожалели, что не произвели этого обмена уже давно. Но теперь не одни только мы считали свою работу тяжелой, лопари тоже все время жаловались. Когда Равна тянул свои сани один, он неизменно оставался далеко позади всех, и мы видели его только черной точкой на горизонте. Когда мы отдыхали, то дожидались, пока он медленно подъезжал; но ждать долго мы не могли и шли снова вперед. Я считал, что груз слишком тяжел для маленького человека, а потому постоянно снимал часть его груза и перекладывал на наши сани, так что его груз стал много легче, чем у остальных. Однако, Равна продолжал отставать. Однажды Балто остановился и сказал мне: «Когда ты спрашивал нас, обоих лопарей, в Кристиании, сколько мы сможем тянуть, то мы отвечали, что мы можем тянуть три кипы (54 килограмма) каждый, а теперь нам приходится тянуть больше шести кип каждому, и вот что я скажу тебе: если мы дотянем этот груз до западного берега, то значит мы сильнее лошади».

Обычно за эти недели у нас не бывало сколько-нибудь сильного ветра. Но вечером 4 сентября вдруг начало дуть с северо-запада; ветер крепчал и стал гнать перед собой свежавыпавший снег. Все закрутилось в вихре пурги. Небо над нами прояснилось, было 19° мороза. Мы шагали против ветра, и уберечься от обмороживаний стало трудно. Сначала у меня отмерз нос, но, заметив это, я возвратил ему жизнь растиранием. То вдруг замечаешь, что окоченели подбородок и шея; растирая и заворачивая чем-нибудь шею, спасаешься от этого. Но вот случилось самое скверное: ветер пробрался через прорешку штанов к животу,

и это причиняло сильные боли. Однако, удачным использованием нескольких варежек и фетровой шляпы удалось предохранить и эту часть тела. В этот день мне стало ясно, что в будущем штаны у меня будут спереди сплошные, без прорешки. У других тоже были свои заботы по предохранению себя от этого холодного ветра. Забираться вечером в палатку и получить с пылу горячий лапскеус было приятнее обычного.

На следующее утро, 5 сентября, поднялась юго-западная буря с метелью. Она продолжалась весь остаток дня и всю ночь, переходя все более и более на юг. Я радовался хорошему ветру для езды под парусами. Но когда утром 6 сентября мы хотели тронуться в путь, стихло настолько, что, по нашему мнению, ставить паруса не стоило. Позднее утром ветер засвежел, а к полудню подул прямо с юга. Я хотел было поставить паруса, но у остальных моих спутников было мало желания приниматься за неприятную работу по оснастке и перевязыванию саней во время метели, поэтому я, к несчастью, отказался от этой мысли. В этом нам пришлось горько раскаиваться, ибо по мере того, как мы продвигались вперед, ветер становился все более и более попутным и возрастал в силе; мы могли бы идти большим ходом. Скоро разразилась настоящая снежная буря, перешедшая к востоко-юго-востоку, а затем к востоку, нам она задувала по большей части прямо в спину и несла и нас и наши сани. А так как и поверхность материкового льда, видимо, была слегка поката, то мы быстро шли к западу. Снег мело так густо, что мы на коротком расстоянии не видели идущих сзади и часто должны были ждать, чтобы не потерять друг друга. В этот вечер нелегко было поста-

Варка пищи на внутриматериковом льду

...и так лежал я, глядя на судно и парус..
(по рис. А. Блоха)

вить палатку, но и на этот раз мы справились. Однако, варить пищу не хотелось, через все дырки и щели наметало слишком много снега. Мы были рады, взяв сухой пищи, залезть поглубже в мешки, натянуть верх на голову, поесть и потом заснуть, предоставив буре неистовствовать вокруг. Мы были очень довольны, считая, что прошли в этот день километров 30, хотя в действительности прошли немногим больше двадцати; подумать только, сколько бы мы прошли, если бы поставили паруса!

Буря с востока свирепствовала всю ночь. Лежа утром в полусне, я услышал, как что-то треснуло — это лопнула одна из оттяжек на восточной стене палатки. Ветер дул отсюда с такой силой, что я боялся, как бы не разорвалась стена. Поставив один на другой несколько мешков, мы смогли укрепить ее настолько, что она удержалась. Пока мы ждали, надеясь на улучшение погоды, я зажег кипятильник и сварил лапскеус и чай, весьма приятные нашим голодным желудкам. Затем ветер как будто бы несколько стих, и мы, снарядившись для непогоды, собрались выходить, чтобы поставить паруса, — сегодня ветер был, наконец, подходящий. Первым был готов Балто; он прокопался через снежные сугробы перед палаткой, но не прошло и нескольких мгновений, как он ввалился обратно весь запыхавшись — ветер и метель лишили его дыхания, а лицо и одежда были все в снегу. Первое, что он сказал, когда к нему вернулся дар речи, было: «Сегодня не состоится никакого похода». Я высунул голову и увидел, что он прав; была беспросветная пурга. Нам приходилось оставаться на месте. Но необходимо было укрепить палатку и достать пищу с саней, прежде чем

их заметет окончательно снегом. За это должны были приняться Балто и Кристиансен. Они хорошенько снарядились, закутавшись поплотнее в одежды. Балто был готов первым, я наблюдал за ним через дверную щелку. Не успел он сделать и нескольких шагов, как уже исчез среди вьюги. Сани были почти совсем заметены снегом; ему пришлось их отыскивать, и не так-то легко было докопаться до необходимой пищи. Когда Кристиансен вышел, чтобы привязать еще несколько оттяжек к наветренной стене палатки, ветер был такой, что ему приходилось передвигаться почти ползком. В конце концов все было в порядке и стена как следует укреплена изнутри лыжами и палками вдоль и поперек, а шест крыши тоже подперт лыжными палками. Теперь мы могли быть уверены, что дом наш устоит. Затем все отверстия были закрыты одеждой и всем, чем мы могли пожертвовать. Все же палатка не была совсем непроницаемой; мало-по-малу у нас набрались большие снежные сугробы и помещение, которое и раньше-то было довольно небольшим, становилось все меньше; этому способствовало еще и то, что снежные наметы давили на стены снаружи. — Но у нас было уютно и хорошо, снег, скоплавшийся вокруг, мало-по-малу засыпал палатку и защитил нас от ветра.

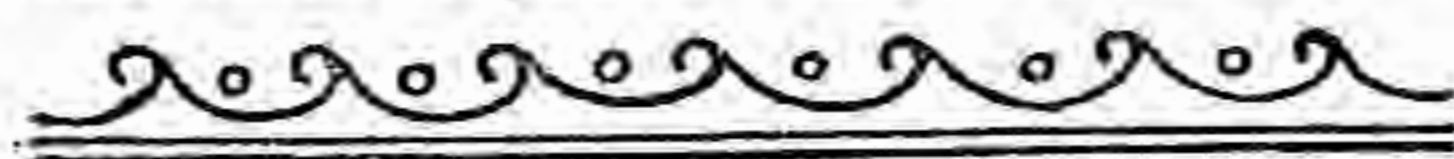
После обеда внезапно все стихло, как будто бы кто-то одним ударом обрубил ветер, — наступил штиль. Кругом воцарилась жуткая тишина, и мы поняли, что в следующую минуту с другой стороны поднимется еще более сильный ветер. Было такое же ощущение, как, должно быть, бывает на корабле, когда во время урагана вдруг наступает мертвая тишина. Мы прислушивались — ветер что-то заставляет ждать себя, неко-

торые даже подумали, что все кончилось. Но нет, вот с северо-запада пронеслось слабое дуновение, а затем стали налетать порывы ветра один сильнее другого. Разразился шторм пуще прежнего, он дул как раз в стенку, где была палаточная дверь, так что воздух внутри палатки наполнился снегом, проникавшим во все щели. Балто воспользовался моментом, чтобы наполнить снегом сосуды кипятильника; однако, ему стоило не мало труда вернуться обратно. — Теперь необходимо было укрепить ту стену, которая была самой слабой и которую мы всегда ставили за ветром. Лыжами, лыжными палками, канадскими лыжами и шерстяной одеждой мы кое-как укрепили стену и сделали дверь непроницаемой настолько, что внутри палатки стало терпимо; но зато теперь мы сидели в палатке, как мыши в мышеловке, все отверстия были закрыты и выйти мы не могли, как бы необходимо это ни было.

Мы постарались устроить себе жизнь насколько возможно приятной, варили кофе, забрались в мешки, а курильщики в утешение получили трубку табаку. Только один Равна, несмотря на кофе, оставался безнадежно несчастным. Я пытался утешить его, но он сказал: «Я старый горный лопарь, я хорошо знаю, что когда в горах случается снежная буря в сентябре месяце, то она длится долго», и продолжал стоять на своем.

Когда на следующее утро, 8 сентября, мы проснулись, ветер стих настолько, что мы смогли продолжать путь. Нелегко было выбраться из палатки. Нам пришлось прокапываться в снегу, который занес ее так, что из-под снега торчал только конек крыши. Саней не было видно, и мы потратили много труда, чтобы откопать их и привести все в порядок для дальнейшего пути.

ПОЛНЫМ ХОДОМ ПОД ПАРУСАМИ

ВРЕМЯ подошло к половине сентября, мы уже со дня на день надеялись дойти до более крутого склона, который ожидали встретить у западного берега; по счислению путь туда был уже не так далек. Но у меня появилось подозрение, что мы преувеличиваем длину своих дневных переходов и что мы зашли не так далеко, как полагали. Это могли бы выяснить наши астрономические наблюдения, но я не стал их проверять из страха перед огорчением, что нам все еще далеко идти. 11 сентября нам показалось, что мы уже на спуске; я измерил теодолитом наклон поверхности материкового льда, и он оказался равным одной трети градуса. Мы находились тогда на высоте

около 2600 метров и уже миновали перевал, лежавший на высоте около 2720 метров над уровнем моря; мы прошли его 4 и 5 сентября. 12 сентября Дитриксон и Балто рассчитывали увидеть на западе обнаженную землю; мы считали, что нам остается всего 125 километров, тогда как в действительности было около 190 километров. Мы не увидели никакой обнаженной земли. Однако, за последние дни уклон стал все более заметным, снежная поверхность длинными низкими волнами спускалась к западу. 14 сентября нам по счислению оставалось идти всего 60 километров, тогда как на самом деле нужно было сделать около 150 километров. Лопари начали порядком огорчаться и стали подозревать, что мы и сами не знаем, как далеко тянется этот бесконечный материковый лед. Лицо у Равны вытягивалось все больше и больше, и однажды вечером, усевшись в палатке, он сказал: «Старый я горный лопарь, глупая я голова, мне думается, что мы никогда не дойдем до западного берега». На это я только ответил: «Да, Равна, это правда, ты глупая голова!» Тогда он улыбнулся, видимо успокоенный. Однажды Балто вдруг разразился: «А, черт, никто не может знать как далеко здесь от берега до берега, так как здесь никогда раньше не проходили люди!» Я попытался объяснить ему, что, измеряя высоту солнца и тем определяя градусы долготы для восточного и западного берега, можно по разнице во времени вычислить расстояние между ними, и показал ему это по карте. Он был толковый, и вероятно действительно представил себе, как это можно сделать. — Встретив 16 сентября несколько склонов, мы все утешились, и когда вечером у нас было только -18° Ц, то нам показалось,

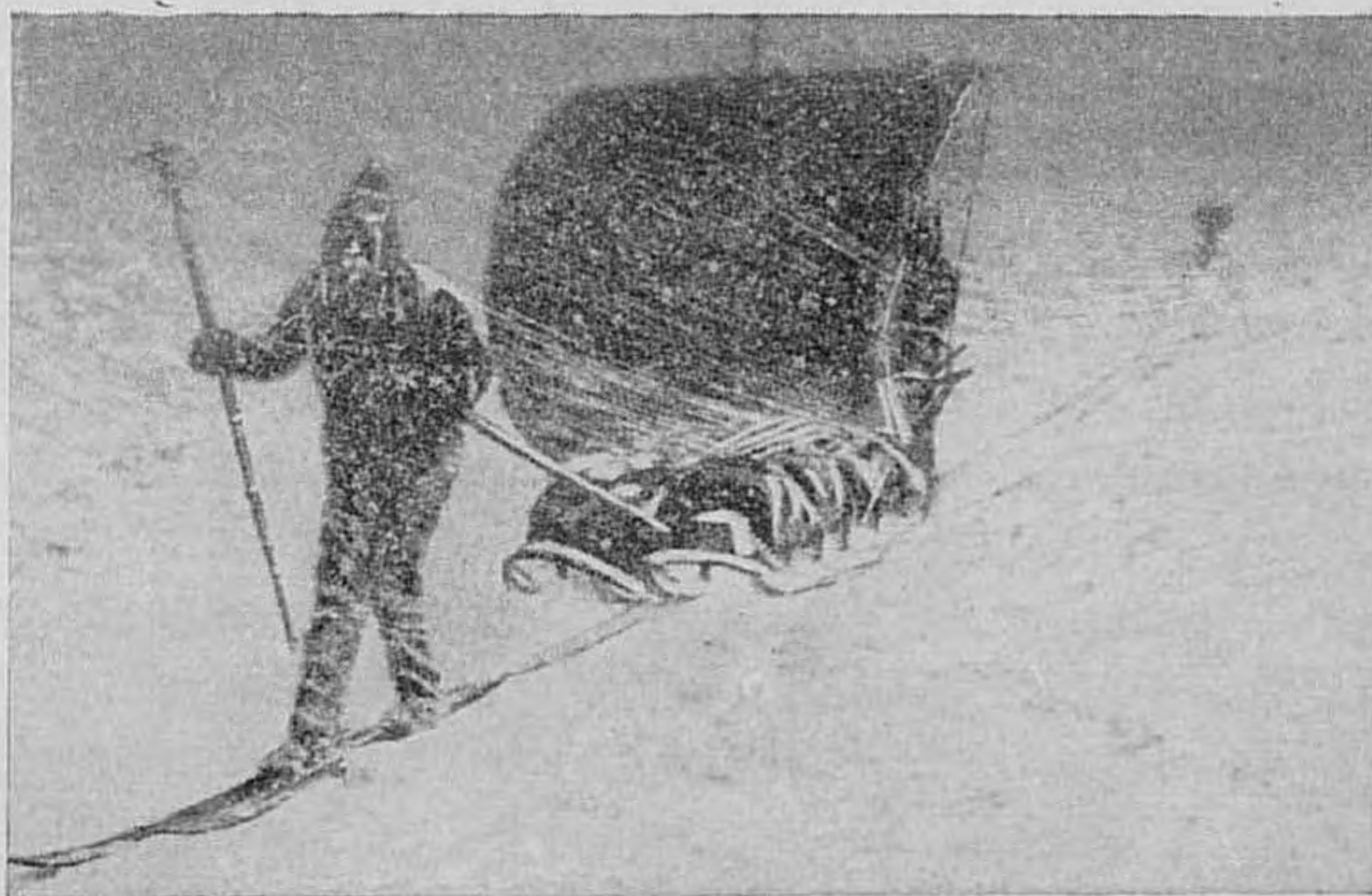
что стало совсем тепло и что мы снова шли навстречу лету. По счислению нам оставалось до западного берега всего 15 километров, тогда как в действительности было все еще больше 120 километров.

17 сентября исполнилось два месяца с тех пор, как мы покинули «Язон». Случилось так, что в это утро должно было выдаваться масло, нечто самое радостное во всей нашей жизни на материковом льду, и когда чай с сахаром был роздан всем в постели, настроение у всех сильно поднялось. К тому же это было первое утро, когда по внутренним стенам палатки не свисал густой иней. Во время завтрака мы вдруг услышали щебетанье птиц, но оно сразу прекратилось; однако сомнения в этом быть не могло. В час дня, когда мы уже шли вперед, то услышали его снова и увидели пуночку, летевшую за нами; она покружилась над нами и хотела сесть на сани, но не посмела и уселась на снег рядом, а потом снова улетела. То был дорогой привет земли, которая, как мы это уже чувствовали, была близка. Мы благословляли обеих пуночек, сначала ту, что принесла нам последний привет с восточного берега, а теперь и эту, говорившую нам: «добро пожаловать на западный берег!» Становилось все теплее, и поэтому наша жизнь начала проясняться.

Вечером 18 сентября задул ветер с юго-востока, и я уже надеялся было, что мы, наконец, получим попутный ветер. За ночь он засвежел, а к утру стал сильным. Невзирая на это, ни у кого, как обычно, не было особого настроения оснащать сани и в такую сильную метель ставить парус, но все же, вопреки уверениям Балто, что такая езда под парусом всегда будет «головотяпством», мы быстро принялись за дело: сего-

дня мы покатым во славу отечества! Кристиансен присоединился со своими санями ко мне и Свердрупу, мы связали двое саней вместе, поставили на них бамбуковую мачту и укрепили пол палатки в виде паруса, а остальные трое соединили свои двое саней. Завязывание большого количества узлов в метель было занятием неприятным. Но хуже всего было то, что, когда мы принялись за это дело, ветер несколько улегся, и мы уже подумали было, что, пожалуй, он и совсем перестал; но, к счастью, он начался опять. Наконец, оба судна были готовы к плаванию. Мне было очень интересно, как будет обстоять дело с нашим судном, достаточно ли велик парус, чтобы тащить двое саней. Когда мы его поставили и хорошо закрепили, получился сильнейший рывок; но пока мы возились с узлами, сани сильно занесло снегом, так что они не сдвинулись с места, а парус бился о мачту и о снасти, все грозило быть разорванным в клочья. Мы изо всех сил взялись за потяги, стащили сани с места, и судно наше очутилось «на плаву». Но не успело это произойти, как ветер надвинул его нам на ноги, мы полетели и были разбросаны в разные стороны. Мы поднялись и начали все сначала, но лучше от этого не стало: не успевали мы вставать, как сани сбивали нас, и мы опять валялись, раз за разом. Так не могло продолжаться долго. И вот мы крепко привязали впереди между санями длинный рулевой шест из бамбука; он далеко выдавался вперед, как дышло. Если теперь человек, стоя впереди на лыжах, будет держаться за этот шест, то сани будут его толкать, и он сможет управлять, идя на лыжах, а остальные двое могут цепляться сзади как им будет угодно.

Свердруп, который должен был идти впереди и управлять в первую смену, не успел потянуть корабль на себя, как тот сорвался с места и пошел с большой скоростью; я уцепился сзади и сбоку одних саней, стоя на лыжах, тогда как Кристиансен предпочел следовать за нами один. Мы неслись по неровным сугробам, ухабам и застругам; сани кренились и извивались по неровностям как змея. Я сзади с трудом удерживался на ногах. Но вот начался уклон, больший чем был до сих пор; быстрота все возрастала, и корабль наш прыгал по гребням заструг. Так я бежал еще долгое время, а Свердруп бежал впереди и управлял, думая, что мы оба сидим сзади. Мы неслись вниз, вокруг нас и за нами взвивался снег, а наши товарищи остались позади и становились все меньше и меньше. Но вот один ледоруб, лежавший на санях, отвязался и собирался уже свалиться; я поспешил вперед и стал его привязывать, но тут мы очутились на краю сугроба, конец лыжи, торчавший позади меня, ударил меня по ногам, и вот я уже лежал и смотрел на корабль наш и на парус: они становились все меньше и меньше, исчезая в пурге. Я встал и пустился вслед идя «в кильватер»; к счастью, благодаря ветру, я и один бежал вперед довольно быстро. Не успел я отойти далеко, как увидел упавший ледоруб. Пробежал еще немного и среди метели заметил черный четырехугольный предмет — то была жестянка с нашим драгоценным мясным шоколадом. Захватив одной рукой жестянку, а другой топор и лыжные палки, я побежал дальше, но тут увидел еще несколько темных предметов, лежавших в куче. На этот раз это была моя меховая куртка, три ящика и рассыпанное кругом

Под парусами на внутриматериковом льду 19 сентября
(по рис. А. Блоха)

Под парусом при лунном свете 19 сентября

сушеное мясо. Это было больше того, что я мог захватить с собой; оставалось только сесть и ждать спасения. Оттуда, где я сидел, мне был виден двигавшийся внизу среди метели наш гордый корабль с парусом в виде черного четырехугольного лоскута, он все еще шел в том же направлении. Но вот он повернул к ветру, жестянки заблестели на солнце и парус спустился. Затем стремительно промчался Кристиансен, а немного погодя на своем судне подлетело и трое остальных, все гудело кругом. Им пришлось взять кое-что из наших вещей. Но когда мы хотели положить их на сани, то обнаружили, что у них тоже упало три ящика с сушеным мясом, и им пришлось за ними вернуться. А пока мы с Кристиансеном побежали к Свердрупу.

Свердруп рассказывал, что он быстро продвигался вперед и считал, что все обстоит прекрасно; он думал, что мы с Кристиансеном оба сидим сзади за парусом. Промчавшись так довольно долгое время, он громко сказал: «Дело идет хорошо». Но ответа не получил. Немного спустя он закричал громче: «Дело идет совсем хорошо!» Но и теперь не услышал в ответ ничего. Проехав так еще порядочно, он закричал уже изо всей мочи: «Право же, дело идет отменно!» Но сзади все оставалось попрежнему тихо. Тут что-то неладно; Свердруп повернул к ветру и остановился. Пошел назад, заглянул за парус, и лицо его вытянулось от удивления, когда он не увидел там никого. При взгляде назад на дорогу, по которой ехал, Свердрупу показалось, что далеко среди снежной метели он видит черную точку — это был я, сидевший на жестянках. Тогда он спустил парус и принялся поджидать нас.

Нам пришлось связать сани наших кораблей еще покрепче, а затем мы надежно перевязали груз и теперь были спокойны, что больше уже ничего не потеряем. Сзади мы привязали два конца, за которые можно было ухватиться или привязаться и «итти на буксире». При таком способе дело пошло превосходно и получилось действительно веселое плавание. Через некоторое время я сменил Свердрупа и взял управление на себя. Дальше мы встретили много длинных и более крутых склонов, сила ветра увеличилась, и мы катились, как с крутой лыжной горы. Час проходил за часом. Бег впереди и управление требовали напряженного внимания, нужно было держать ухо востро. Если упадешь, то или тебя потащит, или весь корабль очутится на тебе. Крепко держись за рулевой шест, сдвинь лыжи, напряги все мышцы и зорко смотри вперед. Объезжай самые опасные сугробы, но в общем отдайся движению и прыгай на лыжах по застругам. Обед мы проглотили наскоро; нужно было пользоваться временем, да и сидеть долго в метель не очень-то привлекательно.

Продолжая себе спокойно ехать дальше, мы к вечеру вдруг услышали с задних саней радостный крик. Громче всего раздавался голос Балто: «Земля впереди!» И впрямь! Сквозь метель, которая как раз в это время несколько сдала, мы разглядели на западе над снежной поверхностью темную горную вершину и к югу от нее еще другую, поменьше. Всех нас охватила радость: наконец-то перед нами земля, ради которой мы так долго трудились! — Она лежала несколько к северу от нашего курса, но я стал держать на нее. Скоро она опять исчезла в пурге; ветер усилился, и, имея его

прямо в спину, мы пошли дальше, не видя больше горы. Склон сменялся склоном, и мы неслись с большой скоростью. Вечером поверхность стала на некоторое время довольно ровной, а ветер немного стих. Позже он однако снова усилился, склоны стали круче, и среди возрастающей метели мы бешено неслись вперед все с большей и большей быстротой.

Стало уже совсем смеркаться, когда я вдруг среди пурги увидел впереди что-то темное. Сначала я принял это за обычную неровность и направился прямо на нее; но в следующее мгновение обнаружил, что это что-то другое, сделал поворот, и в самую последнюю минуту мы остановились у края широкой трещины; чуть дальше — и мы бы исчезли в ней. Мы стали изо всех сил кричать остальным летевшим следом, и они тоже успели во-время повернуть.

То была первая трещина, и теперь нужно было ждать новых. Итти в этот вечер под парусом дальше было рискованно, но останавливаться было еще рано, следовало использовать ветер. Я пошел поэтому вперед, чтобы исследовать лед, а Свердруп взялся за управление. Паруса на обоих кораблях были уменьшены, чтобы сани держались от меня на некотором расстоянии. Подгоняемый ветром, я быстро шел вперед на лыжах, временами меня просто тащило. Если снег казался подозрительным, я ударял перед собой лыжной палкой и, слыша, что внизу пустота, делал знак остальным остановиться, пока я не найду более надежного места. Но все-таки Свердруп и Кристиансен чуть было не провалились вместе с санями: за ними обвалился весь мост, как раз в ту минуту, когда они перешли через замаскированную трещину в таком месте, кото-

рое я не обследовал; это было предупреждение о большей осторожности и необходимости идти точно по моим следам. — Мало-по-малу ветер крепчал, и приходилось все уменьшать и уменьшать паруса, чтобы корабли наши не подходили ко мне слишком близко. Дабы хоть немного утолить свой голод, мы съели по две мясных галеты, но остановки не делали; есть пришлось просто на ходу.

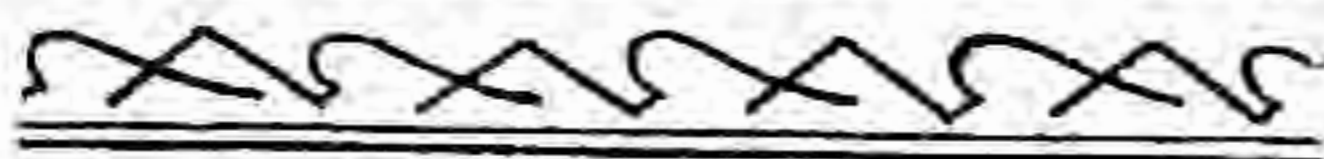
Быстро темнело. Но затем взошла полная луна, которая давала достаточно света, чтобы можно было разглядеть впереди самые скверные трещины. Удивительное зрелище представляли на этой бесконечной снежной равнине оба наши корабля, идущие под широкими парусами викингов, при ярком сиянии луны и в метель. Мы двигались вперед безостановочно; но лед стал тяжелее, и я видел, что впереди он еще хуже. В следующее мгновение я был уже там; трещин было много, но они были заполнены снегом и по большей части неопасны. Время от времени палка давала мне знать, что внизу пустота; но трещины были узкие, и сани скользили через них. Но вот появилась более широкая трещина, а дальше впереди я увидел широкую черную пасть. Я остановился, осторожно подошел к краю по гладкому льду, на котором теперь нового снега было только немного. Я посмотрел вниз в черную глубину. За ней виднелись черные полосы: трещина за трещиной. Все они шли в одном направлении, поперек нашего курса. Прохода больше не было. Приходилось остановиться.

На западе теперь была видна земля, вырисовывавшаяся на вечернем небе, еще слегка светлом. Это была та же земля, которую мы видели в первый раз. Но

сейчас она высоко поднялась над ледяной поверхностью, и от нее тянулась к югу еще длинная полоса земли.

Нелегко было поставить на сильном ветру палатку на таком твердом льду, крючья оттяжек не держались в нем; пришлось вырубать топором отверстия для лыжных палок и к ним прикреплять оттяжки. Наконец, и на этот раз палатка была поставлена, и мы смогли забраться под ее защиту. Но в этот вечер у нас не было охоты варить себе что-нибудь, и пышное праздничное угощение, обещанное на тот день, когда мы увидим обнаженную землю, должно было дожидаться следующего утра. Мы разделили весь оставшийся у нас швейцарский сыр и забрались в мешки, весьма довольные достижениями дня. Только в мешке я почувствовал, что во время пути и за работой с палаткой я отморозил себе пальцы на обеих руках; в волнении я не обратил на это внимания. Теперь было уже поздно оттирать их снегом, они начали оттаивать, и было так больно, что я долго не мог уснуть.

ВНИЗ С МАТЕРИКОВОГО ЛЬДА

РАНО УТРОМ 20 сентября я вскочил — я ведь забыл вечером завести часы, а Свердлов, к несчастью, тоже забыл завести свои. Мы сделали это теперь, но было уже поздно. Это было нехорошо для наших определений долготы в будущем; но к счастью прибрежные горы были уже так близко, что мы по ним с некоторым приближением могли судить о долготе. Когда мы выглянули из дверей палатки, перед нами простиралась земля в виде высоких горных вершин — какое чудесное зрелище! Помнишь, как ребенком ты впервые увидел сказочный мир высоких гор, поднимавшихся на горизонте? Приблизительно так же мы чувствовали себя

теперь; мы снова были детьми, и что-то сжимало нам горло, когда мы взором пробегали по долинам, напрасно стараясь увидеть полоску моря. Эта дикая страна была похожа на западный берег Норвегии. Вершины гор покрывал новый снег, а между ними темнели глубокие пропасти; мы чувствовали, что в глубине их лежат фьорды, которых пока не видно. Это должно быть земля к югу от фьорда Годтхоб; но, вероятно, не легко будет дойти по ней до Годтхоба.

В это утро мы совершили свою праздничную трапезу спокойно и не торопясь, много вскипятили чаю и ели козий сыр с овсяными галетами. Даже Равна сиял; он говорил, что чует запах обнаженной земли и мха. Мы снялись только поздним утром. Уже не было больше ветра, чтобы итти под парусом, и мы должны были сами тащить сани. Прошлым вечером мы заехали в скверную местность с большим количеством страшных огромных трещин, и теперь мы должны были держаться на юг, чтобы попасть на лучший лед. На том участке, который мы проходили в этот день, новый снег замел все неровности, а между ними торчали жуткие гребни гладкого голого льда. Через некоторое время мы подошли к большому скату, по которому нужно было спускаться. Свердруп и я быстро понеслись с санями вниз, стоя на лыжах. Однако, управлять санями было трудно, а по обеим сторонам шли огромные трещины; вскоре нам пришлось отстегнуть лыжи. Мы спускались по скату, стоя по бокам саней, и упирались и тормозили изо всех сил, чтобы избежать трещин. Лопари были более беспечны и стремительно катились вниз. Дальше мы встретили такой гладкий лед, что итти по нему было трудно, это было большое за-

мерзшее озеро. По другую его сторону нам опять встретился ненадежный лед и, провалившись несколько раз в трещины, мы снова надели лыжи — у них была большая несущая поверхность. Как-то все же случилась неприятность, сани встали вдоль закрытой снегом трещины, и один полоз врезался в сугроб над ней, который начал трескаться во всю длину саней; нам, однако, удалось втащить их на надежное место. С Балто и Равной случилось однажды еще хуже, когда они хотели сократить путь, по которому шли мы со Свердрупом. Они попали на более широкую занесенную трещину, где у них один полоз провалился совсем, а сани почти перевернулись, и им с трудом удалось справиться. Я побранил их за то, что они не пошли по нашему следу, как им было строго приказано, «разве не достаточно, чтобы этому риску подвергались идущие впереди?» Кристиансен тоже чуть-чуть не потерял свои сани таким же образом. — Под вечер с юго-юго-востока поднялась буря с градом, град бил лицо, а ветер все время ставил сани поперек, так что тянуть их было скверно. Мы надеялись, если и не дойти до земли в этот день, то по крайней мере подойти к ней близко. Но когда мы вечером остановились, то нам показалось, что мы находимся к ней не ближе, чем были утром.

На следующий день, 21 сентября, шел снег, и мы не видели земли. Продвигаться стало трудно, так как не видно было, в каком месте лед наиболее удобопроходим. К полудню солнце проглянуло настолько, что я определил его высоту, причем оказалось, что мы находимся на $64^{\circ}14'$ северной широты; это было несколько дальше к северу, чем было бы желательно. Мы забирали, следовательно, слишком много на север,

С горки вниз (рис. автора по моментальной фотографии)

Путь между ледяными стенами 23 сентября

после того, как увидели землю; это будет стоять нам нескольких дневных переходов. Если бы мы продолжали держаться своего первоначального курса, то, очевидно, смогли бы пройти под парусом до самой земли. Мы пошли дальше, взяв более южный курс, но попали на лед с огромными трещинами и должны были повернуть еще южнее. В конце концов лед сделался совсем изрытым, круто обрываясь вниз; местность казалась почти непроходимой, и при такой плохой видимости мы не могли идти дальше.

Пока Дитриксон и Равна ставили палатку, а Балто, превращенный в поваренка, готовил ужин, Свердруп, Кристиансен и я, связавшись веревкой, пошли посмотреть окружающий нас лед. Он был необычайно скверный, весь в острых гребнях и трещинах, но не особенно опасных, так как они были не очень глубоки. Пройдя немного, я увидел между ледяными гребнями небольшую темную поверхность. Она сильно походила на воду; однако, это мог быть и лед, и потому я ничего не сказал. Когда я подошел туда и сунул палку, поверхность эта оказалась жидкой. Радость наша не знала границ. Мы бросились на снег, приложились ртом к воде и принялись пить. Мы так долго томились жаждой, получая лишь небольшие количества воды, что пить сколько душе угодно было несказанным наслаждением.

Наконец, мы пошли дальше, но не успели далеко отойти, как заметили маленького Равну, бегущего из всей мочи. Мы подумали, не случилось ли чего-нибудь, и остановились, но успокоились, узнав, что дело шло о фитилях для спиртовой лампы, которые были у меня в кармане, где я их сохранял сухими. Мы заинтересо-

вались, заметил ли Равна воду,—ведь он больше всех страдал от жажды. Я спросил его, видел ли он воду. Да, конечно, видел, но ему некогда было останавливаться; теперь он доставит себе это удовольствие. И с этими словами он помчался обратно — фу ты, чорт, ну и пил же он! Когда Равна пришел в палатку и сказал, что нашел воду, Балто взял жестянку и побежал к пруду. Он кинулся на снег и пил, пил; перевел немного дух и снова пил. Наконец, удовлетворив свою жажду, он наполнил жестянку и пошел обратно к палатке. Теперь настала очередь Дитриксона, он бросился к жестянке и стал пить; жестянка была большая, но в ней осталось воды только для горохового супа. С этого дня мы находили воду повсюду.

Свердруп, Кристиансен и я, продолжая свое странствование, дошли до того непроходимого льда, который мы видели; высокие ледяные гребни, один острее и круче другого, расходились по всем направлениям, а между ними лежали глубокие узкие ущелья, часто наполненные водой, покрытой тонким льдом, сквозь который мы проваливались. Скоро мы убедились, что здесь нет прохода и путь наш должен идти в обход этой гнусной местности. Мы страшно измучились, когда поздно вечером вернулись к палатке. Но здесь у Балто был готов ужин — прекрасный кипящий гороховый суп, а потом горячая лимонная «водка», приготовленная из воды с лимонной кислотой, лимонным маслом и сахаром. Эти вечера в палатке всегда действовали на нас чрезвычайно благотворно, но этого вечера, когда мы в первый раз за весь поход по материковому льду нашли воду и напились вволю, мы не забудем никогда!

На следующий день, 22 сентября, мы со Свердрупом отправились вперед на лыжах, чтобы найти путь. Мы держались к северу от скверной местности, где были накануне вечером. Теперь мы поняли, что перед нами или огромный ледник или ледяной поток, низвергающийся с материкового льда в Кангерсунек, самый внутренний рукав фиорда Годтхоб. Ветер дул нам в спину, мы быстро катились по склонам и зашли так далеко, что увидели фиорд. Море! Да, это было действительно сно. Но фиорд оказался забитым обломками льда, так что воды видно было мало. На некоторое расстояние вниз путь был еще хороший, но затем начинались трещины. Сначала они были еще сносны, и мы прошли часть трещин, но затем они стали совершенно невозможными; синие зияющие пасти пересекали друг друга в двух направлениях, а между ними торчал лед в виде четырехугольных островов, окруженных бездонными пропастями. Не имея крыльев, пройти здесь было нельзя. Нам пришлось вернуться к саням и, чтобы избежать трещиноватого льда, держаться южнее; мы зашли на север километров на восемь дальше, чем было нужно. Несколько раз случалось, что мы по неосторожности попадали в трещины до подмышек, но трещины эти были настолько узки, что, кладя лыжную палку поперек, мы снова выбирались на их край. Кроме того трещины здесь были неопасны: их не покрывал снег.

Иногда мы находили совсем хороший лед, но часто он бывал неровный, а на другой день, 23 сентября, он был на большом участке хуже худого; за каждые сани приходилось братья несколько и перетаскивать сани через высокие крутые ледяные гребни. Когда сани спу-

скались, тот, что шел сзади, должен был держать их изо всех сил, иначе сани накатывались на ноги идущих впереди, и все катились кучей вниз. В некоторых местах нам попадались замерзшие ручьи, представлявшие удобные пути между высокими обрывистыми ледяными стенами, однако они часто бывали извилисты; случалось также, что вода в них не совсем замерзла, и мы проваливались в нее до икр. К вечеру мы вышли на лучший лед, но ветер был неблагоприятный: сдувая на твердой поверхности льда наши сани, он ставил их поперек. Мы пришли теперь на южную сторону того ледяного потока, который спускался в фиорд Годтхоб, и могли идти прямо вниз к голой земле; шли мы хорошо и все больше и больше приближались к ней.

Когда я на следующее утро, 24 сентября, пошел немного вперед, чтобы поискать дорогу, я внезапно очутился на краю крутого склона. Какой вид! Подо мной лежала обнаженная земля; лед спускался прямо вниз в небольшое покрытое льдом озеро, из которого по другую сторону выбегала в ущелье река; справа лед, покрытый множеством камней, постепенно понижался к моренам. Спуститься здесь было легко. Скоро все мы стояли на краю склона. Затем мы двинулись вниз; этот склон был круче встречавшихся нам ранее, и нам приходилось упираться изо всех сил, но это бодрило. Скоро мы были у озера. Мы прошли его до конца; лед был слабый, приходилось ехать осторожно, но мы все-таки перешли его и достигли камней. Здесь мы скинули ледовые шипы, которыми пользовались в последние дни на твердом льду вместо лыж, и с легкостью оленей побежали по земле.

Итак, мы пересекли, наконец, страшный материковый лед! Длинным холодным и серым скатом с разбросанными по нему камнями спускался он к озеру позади нас. Впереди простиралась обнаженная земля, прорезанная долинами, одна зеленая цепь холмов за другой — здесь был путь к фиорду. Нельзя выразить, что значит почувствовать под ногами землю и камни, пережить блаженство, ощущая как ноги мнут поросль, и вдыхать изумительный аромат травы. Едва только Балто и Равна отделались от саней, они побежали в горы, как и в тот раз, когда мы высадились на восточном берегу.

Ближайший к нам фиорд был Амералик, врезающийся в сушу южнее Годтхоба; нам нужно было теперь попасть к его верховью. Покончив с праздничным обедом, мы принялись укладывать каждый свою ношу для перехода к берегу. Надо было взять с собой как можно больше из самого необходимого. Остальные вещи были сложены на сани и покрыты брезентом — мы возьмем их позже. Собравшись в путь и приготовив свои ноши, мы только теперь увидели, сколько силы было у маленького Равны. Во время всего похода через материковый лед он постоянно жаловался, что ему, «старику», тяжело, и, как упоминалось, всегда далеко отставал от нас со своими санями. Но когда мы теперь разделили груз на шесть почти равных частей, таких, какие, по нашему мнению, можно было нести, то увидели, что Равна поверх этого груза положил еще свой большой мешок с одеждой и прочим. Когда я спросил, зачем ему понадобилось тащить и то и другое, он ответил только, что не хочет расставаться со своим мешком, и зашагал вперед

со своей огромной ношей, под которой его почти не было видно, так же легко и быстро, как и мы. Повидимому, был прав Балто, когда с восхищением говорил: «Он, Равна-то, провалился я на месте, он парень сильный!» Теперь он считал, что дошел до твердой земли и беречь силы ему больше не нужно.

Дорога шла по камням и болотам и часто круто вниз, ноши были тяжелы, и дело двигалось не так уже быстро. Часто Равна взволнованно говорил мне: «Здесь чудно пахнет, совсем как в финмаркенских горах, здесь есть хорошие оленьи пастбища!» Мы видели также и следы диких оленей: во многих местах ими были протоптаны дорожки. Глаз наш, не переставая, искал их вдоль горных склонов, но самих животных мы не обнаружили. К вечеру мы подошли к длинному озеру, мы так и назвали его «Длинное озеро». С запада в него ниспадал большой ледник; это был, вероятно, рукав материкового льда, простиравшегося за горой к западу от нас. Мы пошли напрямик через озеро; лед на нем был такой слабый, что мы обрадовались, дойдя до противоположного берега. Здесь мы остановились на ночь. В первый раз за все путешествие мы лежали на высокой мягкой траве. Мы растянулись на ней с блаженством, вдыхая нежный горный воздух, пропитанный дивным запахом, похожим на запах хвойных деревьев; его распространяло особое растение, встречавшееся здесь во множестве. Перед дверью палатки мы развели большой костер из мелкой поросли, после ужина курильщики набили себе трубки мхом или травой и растянулись вокруг горящего костра с дымящимися трубками, чтобы как следует почувствовать, что все мучения, перенесенные

нами на материковом льду, позади. Дивная ночь, воздух так изумительно мягок. Скоро из-за края зеленой горы вышел и месяц. Я лежал на спине и любовался сияющим лицом Равны. Я спросил его, нравится ли ему эта страна. Да, здесь он хотел бы жить и охотно перебрался бы сюда со своими оленями, если бы только это не было так дорого. Я сказал, что, может быть, датское правительство перевезет его сюда даром. Да, тогда и раздумывать нечего. Здесь хорошие ластбища, есть также и дикие олени, и он скоро разбогатеет; трудно будет запастись горючим на зиму, но он стал бы собирать торф. Старый Равна заключил свою хвалебную речь, сказав: «Мне понравился западный берег, здесь старому лопарю хорошо, здесь много оленей, здесь совсем как в финмаркенских горах». Позднее Свердруп говорил, что никогда за всю свою жизнь он не переживал такого чудесного вечера, как в тот день, когда он лежал у первого костра из кустарника и курил мох.

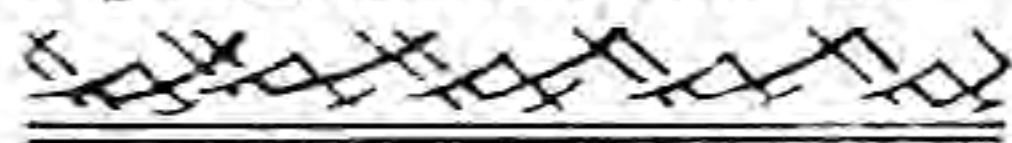
На следующий день, 25 сентября, у нас во время перехода произошло событие: мы увидели проскакавшего мимо белого зайца, который остановился далеко внизу под скалой. Мне посчастливилось застрелить его пулей на расстоянии больше 100 метров, и к ужину у нас был свежий заяц. Мы подошли к большому озеру, в которое с востока спускался ледник с материкового льда. Немного дальше мы подошли к другому озеру с низкими глинистыми берегами, где были следы множества гусей; их были здесь, вероятно, большие стаи, поэтому мы называли это озеро Гусиным прудом. Мы заметили также много следов оленей, местность здесь, значит, богата дичью.

Только после третьего дневного перехода по долине (26 сентября) мы подошли к самому фиорду. Вдоль берегов реки во многих местах росли ивовые и ольховые кусты в человеческий рост. Когда мы поднялись на вершину одного из холмов, перед нами открылся фиорд. Общее ликование! Река извивалась по низкой песчаной отмели, выполнявшей самую внутреннюю часть фиорда, но дальше, под высокой горой на другой стороне его, расстилалась синяя гладь; это было море! Мы поспешили спуститься вниз. Снова нас охватила радость, когда на прибрежном песке реки мы увидели старые следы эскимосских камиков, наверное какого-нибудь охотника за оленями. Это были первые человеческие следы, если не считать найденных Балто нескольких «памяток», которые могли быть оставлены здесь или человеком или медведем.

И вот мы стояли внизу у берега на песчаной отмели. Здесь была высокая поросль и ивовые кусты. Мы сбросили с себя ноши, повалились на землю и предались отдыху. Снова мы были у моря, здесь был конец большей части наших напряженных усилий, тех трудностей, которые, по мнению многих сведущих людей, были непреодолимыми и которые все же были преодолены. Нет ничего удивительного в том, что это наполнило нас блаженным чувством; теперь оставалось только одно — найти путь к людям. Отдохнув и поев, некоторые из нас пошли на гору на востоке, чтобы оттуда обозреть местность. Берег к северу от фиорда Амералик был высок и неудобен, всюду горные вершины и глубокие долины, и казалось, что этим путем добраться до Годтхоба будет нелегко. Берег по южную сторону фиорда был более низким; поэтому каза-

лось, что здесь будет легче дойти до селения Нарссак; но было еще неизвестно, найдем ли мы там людей, понимающих европейскую речь. Путь по воде оставался поэтому самым верным. Решив попытаться прибегнуть к искусству кораблестроения, насколько это было возможно с нашими средствами, мы вернулись обратно к палатке. Было решено, что мы со Свердрупом поедem в лодке, которую сами построим.

В „ЛОДКЕ-ПОЛОВИНКЕ“

НА СЛЕДУЮЩИЙ день, 27 сентября, мы встали рано утром, заварили последнюю щепотку чая и скромно позавтракали небольшим количеством хлеба и сушеного мяса. Нам приходилось экономить пищу, ибо мы не знали, как долго продлится наше путешествие в лодке; для остальных было оставлено много пищи у края материкового льда. Наши товарищи отправились обратно наверх за остатком вещей, а Балто остался на один день здесь, чтобы помогать Свердрупу и мне делать лодку. Мы сейчас же приступили к работе под просвещенным руководством Свердрупа. Он и Балто принялись перешивать пол палатки в лодку и латать его там, где он был худой. К несчастью, как

уже было сказано, мы забыли на восточном берегу наперсток, с ним шитье пошло бы куда быстрее; теперь приходилось голыми пальцами протыкать иголку через жесткую парусину. Еще худшим злом было множество маленьких, черных мух, облепивших нас и садившихся всюду — на лицо, шею и руки, притом совершенно отвратительно кусавших. Избавиться от них было невозможно, в пору было свихнуться! Эти мухи так же зловредны, как и комары на восточном берегу.

Для каркаса лодки мы принесли с собой сюда два длинных бамбуковых шеста и бамбуковую лыжную палку; их, между прочим, предполагалось употребить в качестве продольных ребер. Для шпангоутов нам следовало бы взять согнутые ясеновые брусья с саней, оставленные наверху, но, чтобы принести их сюда, потребовалось бы несколько дней. Поэтому мы попробовали воспользоваться ивовыми ветвями. Взяв несколько высот солнца для определения места и поправки часов и отправив в путь всех остальных товарищей, снабженных самым насущным пропитанием на один день, я тоже некоторое время трудился с иголкой в руках, но скоро увидел, что не гожусь для этой работы. Поэтому я предоставил ее двум другим мастерам и в этом деле, как и во многом другом, а сам пошел с топором в кусты, чтобы выбрать подходящие для шпангоутов ветви. Некоторые кусты были так высоки, что я едва доставал верхушки их рукой. Толстых веток было порядочно; но они были такие изогнутые и кривые, что найти пригодные было нелегко. В конце концов я набрал их столько, что нам хватило. Правда, они не были ни прямы, ни ровны; но, как говорится, когда нет ничего лучшего, то годится все. Мы подре-

зали ветви, выровняли их, согнули и связали как можно лучше с продольными бамбуковыми ребрами; затем натянули парусиновую обтяжку, и к вечеру лодка была готова. Она была короткая и широкая, имела форму щитка черепахи и на вид была не очень уж элегантная. Мы испытали ее на пруду и, увидев, что она хорошо держит нас обоих, остались ею необычайно довольны. Она была 2,65 метра длины, 1,42 метра ширины и имела осадку в 61 сантиметр; сзади она была тупо срезана, и нельзя было ожидать, что грести на ней будет легко.

На следующее утро, 28 сентября, Балто должен был покинуть нас. Перед его уходом мы съели небольшой завтрак, который Балто описывает следующим образом: «Нансен рассчитал для себя пропитание, которое должно будет хватить до Годтхоба. Однако, нам пришлось немного съесть из этого запаса. Оба рассчитали, что когда они будут в море, то застрелят там каких-нибудь птиц. Когда мы кончили есть, я спросил: «Довольно с тебя, Свердруп?» А он отвечал: «Нет, совсем не доволен, я так же голоден теперь, как и тогда, когда начинал есть!» Нансен отвечал: «Вздор, не думай об этом, Свердруп. Когда мы дойдем до Годтхоба, то там-то брюхо твое наверняка будет полно!»

Балто ушел. Как хороший ходок, он еще до вечера присоединился к остальным у материкового льда. Мы же со Свердрупом принялись делать четыре весла. В качестве лопастей весел мы употребили вилообразные ивовые ветви, натянув между их развилинами брезент; эти лопасти мы крепко привязали к концам четырех бамбуковых палок, служившим веретеном

весла. Хуже всего было делать у лодки банки; для одной у нас был круглый узкий ясеновый штатив от теодолита, а для другой две тонких бамбуковых палки. Это были самые узкие сиденья, какими мы когда-либо пользовались, и по прошествии нескольких часов известная часть тела болела у нас жестоко.

К полудню мы были готовы и, поев столько же, что и за завтраком, уложили спальные мешки и все что не брали с собой, завернули это в палатку и придавили камнями, чтобы защитить вещи от непогоды. В лодку мы взяли с собой два наших мешка с самой необходимой одеждой; рубашку, чулки, башмаки, штаны, рукавицы, варежки, непромокаемую одежду и т. п. Чтобы спать ночью, мы заняли у лопарей два оленьих балахона и захватили по паре своих финских башмаков с сухой осокой. Кроме того у нас был фотографический аппарат с принадлежностями, жестянка, в которой были патроны и 12 плиток гороховой колбасы, еще одна жестянка с 3,5 килограмма мясного порошка, шоколад, брезентовый мешок с кнекке-брё, банка ливерного паштета, 1,5 килограмма масла и 5 плиток сушеного мяса. У нас были еще брезентовые штаны, в которые были завернуты 33 мясных галеты, две кружки, употреблявшиеся также в качестве ковшей для вычерпывания воды из лодки, и, наконец, ружье. Таким образом мы погрузили в свой гордый корабль не так уж мало.

Мы надеялись, что нам удастся пройти по реке через отмель на веслах. Но река оказалась слишком мелкой, и нам стоило невероятных усилий частью протаскать по реке, частью пронести на руках лодку, на каждом шагу глубоко увязая в мягкую глину. Только

поздно вечером мы добрались до отдаленного мыса, где предполагали выйти уже в самое море, но обнаружили, что отмель тянется еще на порядочное расстояние. Тяжелый труд измотал нас, и мы остановились на ночлег. Снова был чудесный вечер. Вечерняя заря погасла за горами на западе, высоко в небесной сини заблестели звезды, а северное сияние начало свой огненный танец. Тихо вышла луна над гребнями гор и улыбалась нам, сидевшим у гаснущего костра и говорившим о материковом льде Гренландии, как о давно прошедшем сновидении. Наконец, каждый отыскал себе собственный ивовый куст, где мы улеглись, забравшись в меховые балахоны, и уснули.

На следующее утро, 29 сентября, мы перетащили лодку через последнюю часть отмели. Продвигаться здесь было невероятно трудно; ноги уходили глубоко в вязкую глину, как поршни в насосе. Наконец мы выбрались и, оставив лодку на воде, пошли за остальными своими вещами. Вернувшись снова к лодке, мы увидели, что она стоит далеко в море. Вода прибыла за это время и покрыла большую часть отмели, и если бы всегда предусмотрительный Свердруп не привязал лодку крепко к палке, воткнутой в глину, то ее унесло бы. Теперь мы подвели ее к самому берегу, положили в нее свои вещи и пустились в морское путешествие.

Сначала нужно было пересечь фиорд к его северному берегу, чтобы затем идти вдоль него. К своей радости мы обнаружили, что грести на лодке нашей не так уж трудно, как мы предполагали, и нам показалось, что мы перешли фиорд в удивительно короткий срок. Но нельзя сказать, чтобы лодка не протекала,

течь была такая, что нам почти каждые 10 минут приходилось вычерпывать воду кружками.

Внутренняя часть фиорда, по которой мы плыли сейчас, показалась нам очень красивой. От берега, поднимаясь, шла спокойная долина, окаймленная длинными коричневыми склонами и круглыми, низкими зелеными холмами — хорошее место для оленей. Затем мы пошли дальше, держась вдоль северного отвесного берега фиорда. Вечером мы пристали к одному из редко попадавшихся участков, где можно было вытащить лодку и найти место для ночлега. Сварили праздничное угощение и в первый раз за долгое время наелись досыта. Плывя в лодке, я застрелил шесть больших голубых чаек, и теперь каждый из нас съел по две штуки; мы их ощипали и поварили немного, кладя в кастрюлю по две. Свердруп однажды спросил, хорошо ли мы их тогда вычистили. «Право не знаю, — сказал он, — я видел, как Нансен что-то тащил из них, это была, верно, часть кишок, ну а все остальное пошло в суп; но лучшего я никогда не ел!» Мы работали над птицами зубами и ногтями, и скоро первые две были съедены с головами, ногами и всем прочим. Затем мы принялись за следующих двух, но уже с большим спокойствием, подобрали и суп. И так мы сидели, наслаждаясь бытием, а северное сияние необычайной силы затмевало свет нашего костра. Пылало сияние и на севере и на юге. Вдруг все понеслось в стремительном вихре через небо, а затем в вершине небесного свода образовался крутящийся огненный сноп. Глаза слепило от сильного света. Но вот пламя уменьшилось, свет мало-по-малу угас и только отдельные матовые световые туманности пла-

вали по усыпанному звездами небу. Мы сидели пораженные — такого северного сияния я никогда не видел ни раньше, ни позже. Внизу под нами темнел спокойный фиорд.

В последующие два дня часто дул сильный противный ветер; мы ожесточенно боролись с ним, стараясь изо всех сил, хотя задувало иногда так сильно, что нас относило назад, а наша крошечная скорлупа ныряла по крутым волнам. Но это была прекрасная лодка, она легко подпрыгивала на волнах, и ни одна капля воды не попадала в нее, кроме той, что обильно протекала через дно. Все же мы двигались вперед медленно. Около полудня 1 октября мы вышли на берег по ту сторону устья фиорда Итивдлек, самого северного рукава фиорда Амералик. Мы съели по две чайки на человека и суп из их навара, куда прибавили еще гороховой колбасы и хлеба; теперь уже не нужно было экономить, раз мы скоро доедем. Суп был несравненный, он был такой крепкий, что нам казалось, будто мы чувствовали, как силы наши росли, когда мы вливали его в себя целыми литрами. Здесь было множество водяники, которую мы ели на десерт. И как мы ее ели! Ведь мы давно уже не видели овощей, а ягода была неописуемо вкусна. Сперва мы ели ее стоя, потом сидя и под конец лежа. Пока мы занимались этим, на фиорде поднялся такой ветер, что грести против него было невозможно. Пришлось оставаться на месте и продолжать есть ягоды, пока, наконец, мы не заснули и не проспали до самого вечера. Открыв глаза, мы опять увидели водянику — большую, сочную, черносизую — и с новыми силами принялись за нее, пока снова не уснули. Если, как говорят, обжорство тяжкий

Вид Годтхоба зимой около 1890-х годов

Годтхоб в 1931 г. (фото К. Лунге)

грех, то оба мы, евшие в тот день водянику у фиорда Амералик, должны были подвергнуться страшному наказанию. Однако, удивительно, что оно сразу не постигло нас, наши желудки оказались на редкость растяжимыми!

К полуночи ветер улегся. Мы поспешно приготовили завтрак и в час утра (2 октября) уже сидели в лодке. Со свежими силами мы налегли на весла и среди ночи быстро пошли вперед под отвесными стенами гор. Вода фосфоресцировала, лопасти весел были как из расплавленного серебра, а когда они погружались в воду, то там в глубине все блестело и искрилось. В тот день нам, наконец, посчастливилось: была хорошая погода без ветра. В сером сумраке где-то с берега до нас донеслось кудахтанье куропаток; их легко стрелять, но мы решили, что нам некогда останавливаться, и, проявив всю силу воли, гребли дальше, удаляясь от этой чудесной пищи. Мы гребли все утро и прошли вперед изумительно много. К полудню мы были уже около устья фиорда. Подойдя к одному мысу с манящим ровным пляжем, мы остановились. Наша гордость не знала границ; до Годтхоба теперь уже недалеко, и мы пообедали так, что даже превзошли вчерашний день. К нашему удивлению подул попутный ветер, и после полудня мы быстро пошли дальше. Но жизнь скупа на счастье, темным пятном в нашем существовании теперь были чрезмерно узкие палочки, на которых мы сидели. Так много часов, проведенных на них, возымели свое действие на заднюю часть тела, так что та совсем онемела. Мы вышли из фиорда. Ах, это зрелище! Среди островов и островков перед нами колыбалось море в лучах заходящего солнца. Мы остано-

вились. Ведь это была настоящая Норвегия, где в море лежат такие же острова; не удивительно, что норманны почувствовали себя в этой стране как дома.¹

Мы налегли на весла и гребли на север до вечера, теперь было уже недалеко. Но началось противное течение, и мы должны были пристать к одному из островков. Было часов девять. Если исключить наспех съеденный завтрак и обед, то значит, мы сидели на своих узких палочках уже двадцать часов; понятно, что было приятно поместить свое тело на более широком основании. Если обед был обильным, то от него не отстал и ужин. В первый раз с тех пор, как мы покинули «Язон», мы брали из своих самых лакомых вещей сколько душе угодно — хлеб, масло, ливерный паштет. Особенно налегли мы на масло, ведь все время нас мучил жировой голод. Успехом пользовался и шоколад с мясным порошком — плитки его с большими комками масла чрезвычайно вкусны. Мы пили воду с сахаром и лимонной кислотой и вообще старались изо всех сил, чтобы ничего из драгоценных вещей, которые мы так долго берегли, не было донесено до людей, где все это обесценится. Ведь на следующее утро мы уже доедем! Но нет, справиться со всем было невозможно.

Нам предстояло снова очутиться среди людей и роскоши. Это был последний чудесный вечер под открытым небом. Сидя на берегу под звездами, мы, казалось, прощались с этой природой и этой жизнью,

¹ Гренландия была открыта вскоре после заселения Исландии (т. е. около 900 года) норвежцем Гуннбьерном. В конце X века норвежец Эрик Рыжий основал в Гренландии колонию. *Прим. ред.*

с которыми так сжились. Наше путешествие скоро окончится. Нам часто не везло, встречались непредвиденные препятствия, но мы благополучно прошли через все. Мы прошли через дрейфующий лед, поднялись вдоль берега на север, пересекли материковый лед до западного берега и, наконец, совершили плавание по фиорду на такой лодке. Часто нам приходилось тяжело; но скоро дело наше будет закончено. Странно, но нам казалось, что теперь уж не к спеху дойти до места. Да и верно, пожалуй, что наибольшую ценность жизни придает борьба за достижение цели, а не само ее достижение. Завернувшись в балахоны, мы залезли каждый в свою заросль в выемке скалы под высокой горой Ертетаккен и за все путешествие не спали таким сладким сном, как в эту последнюю ночь под открытым небом на островке.

ГОДТХОБ

УЖЕ ДАВНО настал день (3 октября), когда мы наконец поднялись. Ветер дул по проливу по направлению к Годтхобу и манил нас; но теперь нам было не к спеху. Мы с охотой позавтракали, стараясь покончить со всей пищей, но должны были отказаться от этого намерения. Затем мы вышли в море.

Около полудня мы увидели впереди на мысу много эскимосских домов и большой европейский дом, а так как вдруг поднялся сильный противный ветер, то мы и решили пристать здесь и дойти до Годтхоба, который лежал, вероятно, дальше к северу по берегу. Мы стали грести к берегу. Из домов сейчас же высыпало много эскимосов, по большей части женщины. Они собрались

на самом берегу с шумом и болтовней, знакомыми нам по восточному берегу, указывали пальцами, жестикулировали, и на их круглых лоснящихся лицах было то же выражение мягкой ласковости. Они были потрясены, заметив поллодки и в ней двух людей; не может быть, чтобы настоящие люди могли приехать в такой посудине! Но когда мы подошли к берегу, эскимосы без страха окружили нас, помогли нам вынести вещи и вытащить лодку на берег. Мы, бедняги, с таким жалким снаряжением, вызывали у них безостановочную болтовню, прерывавшуюся смехом и возгласами изумления. Пока мы стояли так, охраняя свое ружье и прочие сравнительно драгоценные вещи и не обращая внимания на всех этих людей, которых мы не понимали, к нам подошел молодой человек, одетый в платье вроде эскимосского, но красивый и белокурый, с лицом, которое не могло быть лицом эскимоса. Он поздоровался с нами и спросил: «Do you speak english?» Акцент выдавал в нем датчанина; неужели стоит отвечать ему «yes»? Он, видимо, принял нас за потерпевших крушение английских матросов. Он спросил опять: «Are you englishmen?» Теперь уж я спокойно ответил ему по-норвежски: «Нет, мы норвежцы». «Могу ли узнать ваше имя?» — последовал вопрос на чистом копенгагенском диалекте. Узнав, кто мы и откуда мы пришли, он оказал нам сердечный прием.

Этот любезный человек назвался Густавом Бауманом, он был чиновником при датском торговом поселке в Годтхобе. С ним нам суждено было стать лучшими друзьями. Я сейчас же спросил о судне, идущем в Данию. Ответ был, что из Годтхоба последний пароход ушел уже несколько месяцев тому назад и в Грен-

ландии теперь нет ни одного судна, на которое можно было бы попасть. По слухам, на юге, в Ивигтуте, может быть еще стоит «Фокс», но он должен уйти в половине октября, а до Ивигтута 400 километров. Так сгинули все наши надежды. Мысль застать пароход, идущий в Европу, гнала нас по льду и никогда не давала нам покоя, не позволяя остановиться и отдохнуть. Нашим утешением во всех трудах была мысль о том, что мы скоро отдохнем на пароходе по дороге домой, а теперь мы узнали, что судно ушло еще задолго до того, как мы начали свое странствование по льду. Нам придется пробыть здесь всю долгую зиму, а оставшиеся дома не получают никаких известий о нас и подумают, что мы погибли. Этого не должно быть, нужно поскорее послать извещение на «Фокс», нашу последнюю надежду.

Поселок, к которому мы пристали, назывался Новый Херрихут. Он расположен несколько южнее Годтхоба, и является последним остатком немецкой херренхутовской миссии в Гренландии, основанной в XVIII столетии, вскоре после миссии Ханса Эгеде.¹ Во время нашей беседы с Бауманом подошел немецкий миссионер Фогель и пригласил нас к себе в большой дом, прежде всего замеченный нами и оказавшийся церковью и жилищем миссионера. Странно было войти в дом! Простые комнаты показались нам великолепными, можно было сесть на стул, есть за столом на белой скатерти на чистой тарелке и пользоваться ножом и вилкой.

¹ Ханс Эгеде — известный исследователь Гренландии, переселившийся туда в 1721 году и проживший в Гренландии много лет. *Прим. ред.*

Вскоре пришли представители интеллигенции Годтхоба — доктор Бинцер и Балле, поздравившие нас со счастливым возвращением; новость о нашем прибытии уже дошла до колонии. Затем мы собрались уходить, но когда мы вышли из дома, то к нашему великому изумлению оказалось, что идет дождь. Мы были ба-ловнями судьбы и дошли до людей как раз во-время: дождь был бы помехой при плавании в нашем крошечном корыте. Итти было недалеко, и когда мы под-нялись на скалистую вершину, то внизу под нами уже лежала колония. Домов было не так много: четыре, пять низких европейских, несколько эскимосских хи-жин и высоко наверху церковь. Датский государствен-ный флаг развевался на высоком флагштоке внизу у пристани. Везде пестрел народ, всем нужно было по-смотреть на загадочных людей с материкового льда, приплывших к ним в половине лодки. Когда мы подо-шли к домам, над морем раздался пушечный выстрел, затем еще один, еще — настоящий грохочущий салют. Под пушечные выстрелы мы простились с европей-ской цивилизацией, под пушечные же выстрелы мы снова встретились с ней. Или гром пушек есть символ нашей культуры? Повидимому, так. Сколько было вы-стрелов, не знаю, но их было много, и у человечков там, у флагштока, было достаточно работы с про-чисткой и заряджением пушек, пока мы проходили ме-жду домами, где эскимосы, мужчины и женщины, в своих цветистых нарядах выстроились с сияющими улыбками по обеим сторонам дороги. А вот вышли и четыре датских дамы: жена управляющего колонией, жена священника, жена доктора и учительница. Странно было снова увидеть длинные европейские юбки среди

всех этих красавиц в меховых одеждах и штанах. В доме управляющего колонией, жена которого приветствовала нас со счастливым прибытием от своего собственного имени и своего отсутствующего мужа, были осушены бокалы за здоровье путешественников, а в дом доктора мы были приглашены к обеду в четыре часа. Оставалось еще много времени, поэтому мы могли заняться своим туалетом, что было весьма необходимо, и мы поднялись в уютную комнату Баумана в мансарде дома управляющего, где музыкальный ящик наигрывал нам «Die letzte Rose» и где мы впервые увидели в зеркале свои грязные обветренные лица. Неописуемо приятно было окунуться с головой в умывальный таз с водой и вообще произвести генеральную мойку. Затем мы надели на себя чистое нижнее белье, пронесенное нами через материковый лед. Мы почувствовали себя новыми людьми, вполне готовыми насладиться пышным обедом у доктора.

Итак, мы были у тихой пристани. Но нужно было еще доставить сюда с берегов фиорда Амералик наших товарищей; они ведь не знали еще ничего о том, что мы благополучно добрались до места. Кроме того нужно было сейчас же послать нарочного в Ивигтут на «Фокс». Уладить эти дела в тот же вечер нам не удалось, ибо сразу же после нашего прихода начался такой сильный южный ветер, что эскимосы — плохие мореплаватели, когда они не в своих каяках, — не решались выходить в море на лодке. Известия на «Фокс» нужно было послать с человеком в каяке, но в колонии не нашлось ни одного, кто взялся бы за это в такую погоду. На следующее утро вызвался один эскимос, Давид из Нового Херрнхута; он должен был

Теркель

Кетора

пройти в каяке на веслах 140 километров до местечка Фискернес и нанять там двух человек, которые поплывут с почтовым мешком в каяках до Ивигтута. Я обещал им особое вознаграждение в том случае, если они еще застанут «Фокс». В отправленном письме, я просил, не может ли судно прийти и взять нас в Годтхобе; на тот случай, если это окажется невозможным, я послал домой письмо с сообщением, что мы дошли до западного берега Гренландии. Давид обещал отправиться в тот же вечер. Он и попытался это сделать, но, как я потом узнал, вернулся обратно, и прошло несколько дней, прежде чем он, наконец, уехал.

Вечером все еще стояла такая скверная погода, что лодка не могла идти в фиорд Амералик. Поэтому я сговорился с двумя смелыми эскимосами-кайчниками, братьями Теркелем и Хосеасом из поселка Сардлок, которые как раз были в Годтхобе, чтобы они пошли в Амералик в каяках и доставили туда письмо и небольшое количество провианта. Дамы колонии захлопотали, чтобы приготовить и послать с нарочными изысканные лакомства. Все это было уложено в два каяка вместе с запасом посылавшихся мною более солидных продуктов питания: масла, свиного сала, хлеба. Ко всему этому были еще прибавлены трубки и табак; я послал большую датскую фарфоровую трубку с длинным чубуком и фунт табаку специально для Балто, так как обещал ему это однажды на материковом льду, когда он проявил особенное усердие. На следующее утро, 5 октября, нарочные отправились, а на другое утро (6 октября) были уже на месте. Но с лодкой, которая должна была идти туда, дело шло медленнее. После тщетной попытки утром 5 ок-

тября она вышла, наконец, к вечеру, но не дошла дальше одного из островков немного южнее Годтхоба; там люди провели в палатке несколько дней и поплыли дальше только тогда, когда съели всю пищу.

6 октября управляющий колонией Биструп и немецкий миссионер Хейнке прибыли в Годтхоб из Уманака (приблизительно в 65 километрах, в глубине фиорда Годтхоб), где первый был по делам службы и получил с каячной почтой известие о нашем прибытии. С трогательной предусмотрительностью они сейчас же послали оттуда двух людей в каяках с письмами и пищей для четырех человек, оставшихся, как они слышали, в Амераликфиорде. 7 октября вернулись Теркель и Хосеас с письмом от Дитриксона, который писал, что теперь им хорошо: у них пища в избытке, и они знают, что Свердруп и я благополучно добрались до места. 9 октября погода настолько улучшилась, что я смог послать в фиорд Амералик женскую лодку, которую занял у миссионера Фогеля в Новом Херрnhуте; команда ее состояла по большей части из эскимосских девушек. В тот же день и раньше отправленная лодка — это был китобойный шлюп — покинула свою стоянку у острова, где команда провела четыре дня, и пошла дальше. Эскимосы колонии были чрезвычайно заинтересованы нашими четверьмя товарищами, а в особенности двумя лопарями; ибо таких людей они еще никогда не видели. Два эскимоса, посланные нами в каяках и уже вернувшиеся, так описывали встречу с ними в фиорде: «Там было два человека из людей, носящих длинную бороду (так называли эскимосы нас, норвежцев), но еще там были двое совсем как мы, и на них была удивительная одежда».

ЧЕТВЕРО ПОКИНУТЫХ

Т

РОЕ НАШИХ — Дитриксон, Кристиансен и Равна, покинувшие нас у фиорда Амералик 27 сентября и пошедшие за нашими вещами, нашли этот обратный путь уже менее легким, чем путь вперед: вода в реках прибывала, на озерах лед больше не держал и, чтобы обходить их, приходилось карабкаться на крутые склоны и по каменистым моренам. К вечеру они все же дошли до наших вещей у самого верхнего озера, которое мы называли «Эустманна-Хьерн». На другой вечер пришел к ним и Балто. Он обошел кругом всех озер, за исключением Лангванна; обход этот был очень длинен, и он попробовал пойти по льду, однако, посредине лед стал таким слабым, что ему

пришлось ползти, и он с трудом перешел его. В течение многих дней они имели большие хлопоты с переправкой вещей. Когда они подошли к озеру Лангванн, Дитриксон отстал немного от других, чтобы произвести съемку долины, и хотел пройти по льду через озерный заливчик. Дитриксон надел на ноги лыжи, чтобы лучше держаться на слабом льду, а вещи потащил на санях. По мере его продвижения вперед лед становился все хуже, и под конец оставались только отдельные тонкие льдины. Но и на них нельзя было больше держаться, Дитриксон проваливался и должен был плыть последнюю часть пути до берега, а сани остались на одной из льдин. Подоспел Балто. В своем описании он рассказывает, что неукротимый Дитриксон хотел плыть снова за санями, чтобы доставить их на берег; напрасно Балто хотел остановить его, говоря ему, что он «замерзнет до полусмерти». Дитриксон стал на лед, но сейчас же «исчез в озере с головой и поплыл обратно к берегу», рассказывал Балто, — этот парень не из мерзляков. Затем подошел Кристиансен с длинным бамбуковым шестом и веревкой, и им удалось переправить сани на берег. Реки страшно вздулись за эти дни, и через них приходилось переходить вброд по нескольку раз, ледяная вода доходила до живота, а течение было быстрое. Если бы наши товарищи потеряли упор на неровном каменистом дне, то им было бы трудно выбраться с тяжелой ношей на плечах, которая, вероятно, заставила бы идущих перевернуться вверх ногами.

После шести дней тяжелого труда им удалось, наконец, переправить все вещи к верховью фиорда. Это

Повар и работницы из Годтхоба

Типы Годтхоба (фото Ф. Нансена)

было 3 октября, в тот самый день, когда мы с Свердрупом дошли до Годтхоба. Теперь, когда дело было сделано, наши товарищи могли все остальные дни отдыхать, ожидая помощи от нас; возвращаясь, они смутно помышляли о том, что эта помощь может быть уже там. Конечно, еще не было никаких оснований опасаться за нашу судьбу, но если пройдет неделя без всяких известий, то, по мнению Дитриксона, следовало самим постараться дойти до Годтхоба по суше. Но для этого у них было бы слишком мало пищи; кроме сушеного мяса, у них было на пять или шесть дней хлеба и гороховой колбасы, если есть как можно меньше.

Утром 6 октября Дитриксон пошел на охоту на мыс на фиорде. Вдруг он услышал выстрел. Взбежав на холм, он скоро заметил двух человек, шедших к мысу с пакетами и мешками на спинах. Когда Дитриксон закричал, те остановились, а потом подошли к нему. Это были два эскимоса, передавших ему письмо от меня, где я сообщал, что мы благополучно дошли и что эти два человека привезли им в каяках снаряжение и пищу на некоторое время, а лодки придут за ними, как только улучшится погода. Дитриксон сейчас же вернулся и привел посланных к палатке. Но прежде всего он вынул свой дневной паек: кусок мясной галеты и немного сушеного мяса, которые хранил прозапас, хотя и был голоден, как волк (так рассказывал он потом), и проглотил эти жалкие кусочки, потому что уже не было больше необходимости экономить.

У палатки они были встречены радостными возгласами всех остальных. Письмо было прочтено вслух, и

тут «мы принялись за пакеты», говорит Дитриксон в своем описании этих дней. «С любопытством детей у рождественского стола с подарками мы стали открывать их один за другим. Мы наслаждались видом всех этих прекрасных вещей: хлеба, мяса, кофе, табака и т. п., но особенно мы радовались, что у нас было так много масла и сала. Были даже настоящие деликатессы, так как датские дамы в Годтхобе позаботились о присылке пирожных и прочих сладостей. Не теряя времени, мы принялись за еду. Никогда еще никто из нас не вгрызался так в жирное, как мы в тот день; мы истомились без жиров».

Балто тоже описал эту встречу: «Увидев с одной вершины Дитриксона с двумя людьми, я сейчас же побежал к палатке, — говорит он, — и рассказал двоим остававшимся товарищам, что видел идущих сюда людей. Оба не поверили мне; но я собрал сухого топлива и развел огонь, принес воды и налил ее в кастрюлю для кофе. Сейчас же, как они подошли к палатке, Дитриксон выяснил, какую еду они прислали нам из Годтхоба. Я увидел, что Нансен послал мне трубку и табак. Немедленно я взял трубку и табак и начал с силой затягиваться, другие же начали есть. Куски хлеба были нарезаны толщиной в дюйм, полдюйма масла было положено на хлеб, а поверх масла еще свиное сало, а после этого кофе...»

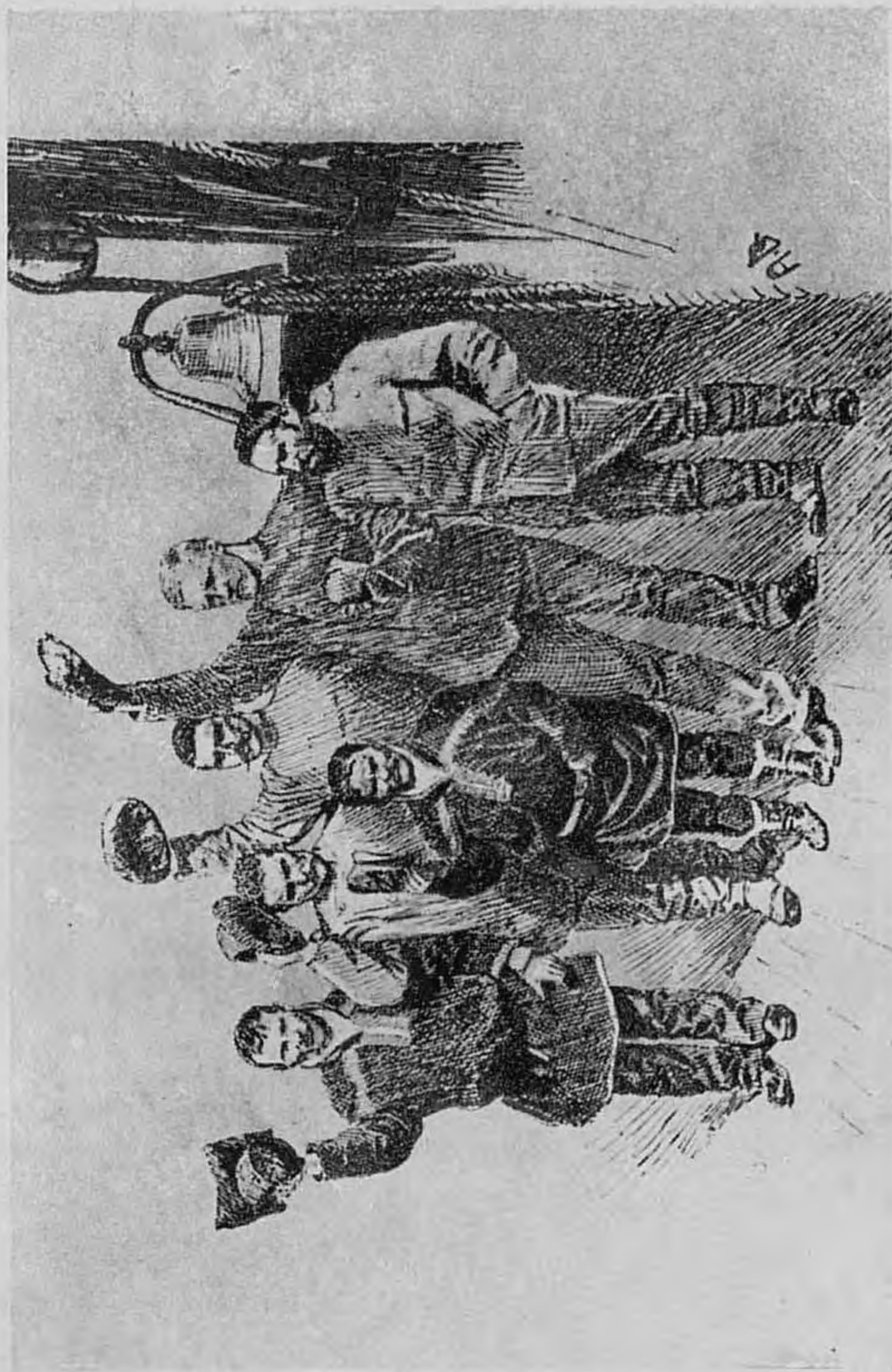
«Мы еще не покончили с едой, — говорит Дитриксон, — как с мыса, где я встретил двух гренландцев, слышалось еще несколько выстрелов, и вскоре на возвышенности между мысом и нами появилось два человека. Они подошли к нашему лагерю и передали нам письма из Уманака, одно от управляющего

колонией Биструпа, другое от гренландца типографика Мёллера из Годтхоба и третье от местного немецкого миссионера Хейнке. Кроме того они привезли от Биструпа и Хейнке подкрепление, оставленное в каяках. Это страшно обрадовало нас, и нам было необычайно приятно получить эти письма; теплые и сердечные выражения, в которых они были написаны, показывали нам, что скоро мы будем с людьми, искренне радующимися нашему прибытию и ожидающими нас с распростертыми объятиями».

Двое посланных мною в каяках, Теркель и Хосеас, сейчас же вернулись обратно в Годтхоб, другие же двое, Силас и Педер, остались помогать. Вещи из каяков были принесены, и снова началось разворачивание пакетов. А затем опять состоялось праздничное пиршество — ели и блаженствовали до глубокой ночи. В описании Дитриксона говорится: «Нансен писал, что они со Свердрупом живут как принцы у управляющего колонией в Годтхобе. А мы в эту минуту чувствовали себя не менее удовлетворенными, и все пришли к тому заключению, что это был самый приятнейший вечер, проведенный нами в палатке. Сознание, что наши товарищи благополучно прибыли на место и что со дня на день можно ожидать лодок, положило конец всем заботам».

На следующий день, 7 октября, Силас пошел на охоту на оленя. Дитриксону страстно хотелось пойти с ним, но из чувства долга, которому он всегда все приносил в жертву, он не захотел изменять своим товарищам в работе по переноске вещей дальше к мысу. В своем описании Дитриксон рассказывает об этом дне так: «Во время наших скудных трапез на матери-

ковом льду мы заговорили как-то о том, какого кушанья нам больше всего хотелось бы в данную минуту. Мы чувствовали большую потребность в жирном, и потому все остановились на масляной похлебке. Нансен пообещал, что, когда мы дойдем до Годтхоба, то получим это кушанье. Среди всяких хороших вещей он послал нам также и масла и пшеничной муки. Наша первая горячая пища после того, как мы получили провиант, состояла поэтому из этой, так часто вспоминавшейся нами каши, а за аппетитом дело не стало. Вначале мы сомневались, нужно ли удовлетворять его полностью, но потом подумали: «Пустяки, мы выдерживали уже так много всякой всячины, выдержим и это», и принялись за кашу во-всю. Мы еще лежали, растянувшись на траве после еды, и дымили трубками, когда кто-то из нас заметил на склоне нашего приятеля Силаса; тот спускался к нам, неся на спине что-то большое и тяжелое. Неужели вправду это олень? Одни думали — да, другие — нет. Но вот мы увидели рога, торчащие у Силаса за плечами, и все обрадовались, а лопари — те совсем одичали. Вот когда они, наконец-то, поедят своего национального кушанья. Балто побежал к Силасу навстречу и скакал и танцевал вокруг, не зная, чем бы еще выразить свою радость». Котелок снова был поставлен на огонь, и хотя не прошло и часа после масляной похлебки, но все, как ни в чем не бывало, принялись за оленину, мозговые кости и сало, и притом с таким упорством, что к вечеру все принесенное Силасом было уничтожено. «Из этого следует, — говорит Дитриксон, — что желудки наши довольно растяжимы и что мысли наши в эти дни вращались главным образом около пищи.

Балто, Кристиансен, Дитриксон, Нансен, Свердруп, Равна (рис. А. Блоха по моментальной фотографии)

Но это простительно, если вспомнить, что мы так изголодались, что никогда не ощущали чувства сытости, даже если ели столько, что уж больше в нас не помещалось». «С этого дня, — говорит Балто, — наступили хорошие дни, мы начали забывать тяжелое путешествие и то, что мы перенесли во льдах, а именно: голод, жажду и печаль».

На следующий день была принесена оставшаяся часть оленя. Педер принес еще и куропатку, но не выпускал ее из рук. «Он вынул из нее внутренности, — говорит Дитриксон, — чтобы вычистить ее для нас, подумали мы; но, к нашему ужасу, он съел их, и, по видимому, они пришлись ему весьма по вкусу». Внутренности с кишками — это единственное в куропатке, что интересует эскимоса, вероятно, потому, что в них содержится зелень; мясо куропатки эскимосы находят слишком тощим и сухим.

«Наконец, в семь часов утра 11 октября, — рассказывает Дитриксон, — мы были разбужены от сладкого сна звуками нескольких выстрелов. Мы выскочили из спальных мешков, схватили ружье и патроны, вынули головы из двери палатки и в ответ на призыв выстрелили в воздух. Быстро накинув на себя одежду, мы вышли из палатки и стали искать глазами пришельцев. «Это они!», и из-за возвышенности перед нами стали показываться одна за другой головы гренландцев; нам казалось, что все пестрит ими. Мужчины и женщины, числом четырнадцать человек, приближались к нам, оживленно болтая и продолжая стрелять. Когда они подошли к нам, вперед вышел один, по имени Теркель, и объяснил на полудатском, полугренландском языке, что они пришли за нами на двух

лодках. «Мы часто снимались с лагеря, но никогда еще не делали это так быстро. Раз, два, три — и все было уложено. Каждый из пришедших взял тюк, целым караваном мы пошли к лодкам».

Затем все было уложено в китобойную и женскую лодки, и они отчалили. На северной стороне фиорда была сделана небольшая остановка, чтобы сварить кофе и закусить; пищу мы поделили между всеми гренландцами, которые давно уже съели свою. «Теперь наш приятель охотник, — говорит Дитриксон, — стал угощать своих земляков наиболее вкусной, по их мнению, частью оленя. Был вынут олений желудок, и при виде его у гренландцев потекли слюнки. Желудок осторожно вскрыли, и его содержимое поделили между лакомками, которые, съев полученную порцию, тщательно облизали пальцы, чтобы не потерять ни капельки из этого на редкость изысканного кушанья». После этого путешествие продолжалось, и лодки пошли к выходу из фиорда.

«Чем дальше, — говорит Дитриксон, — тем погода становилась все лучше, и к полудню над нами засияло солнце. Фиорд блестел, окрестные горы, высокие и крутые, отражались в воде. Мы удобно лежали на корме покрашенной в белый цвет лодки и могли спокойно предаваться созерцанию окружающей нас величественной природы. Когда солнце спустилось ниже, а горы стали отбрасывать по зеркальной глади вод свои длинные тени, то природа настроила торжественно даже и этих, раньше таких радостных и веселых гренландцев. Оживленная болтовня и веселый смех мало-по-малу прекратились. Так плыли мы долго, и только однообразные всплески весел нарушали тишину;

не видно было ни одной живой души, вся природа мирно покоилась.

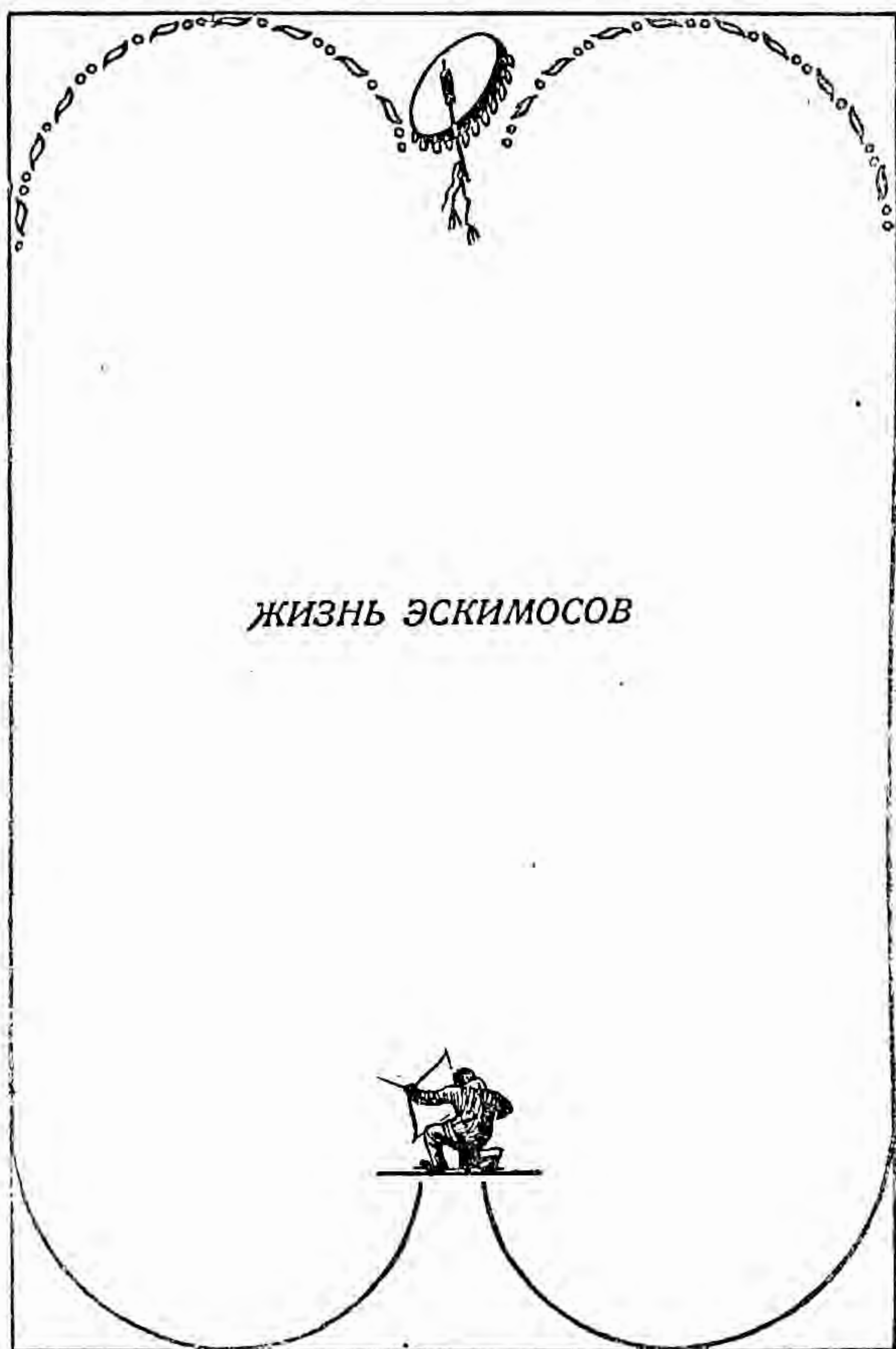
На следующий день, 12 октября, «около полудня мы могли уже рассчитывать дойти до колонии, — говорит Дитриксон. — Что подумают люди, увидев нас? Кости да кожа, с длинными волосами, небритые, с трехмесячной грязью на теле, мы имели вид страшилищ. Во время пребывания в глубине фиорда мы пытались удалить с себя часть грязи горячей водой и песком, но необходимо было мыло, а его у нас не было. Мы остались такими же грязными...» «Когда мы пристали к берегу у колонии, мы были сердечно встречены своими, впоследствии столь любезными хозяевами, управляющим колонией Биструпом и его женой и всеми прочими датскими семействами, вышедшими поздравить нас со счастливым возвращением. 12 октября, после шестнадцати дней разлуки, все члены экспедиции опять собрались вместе. Цель была достигнута, все в добром здоровье дошли до датской колонии на западном берегу, прошагав по ледяным просторам Гренландии с востока на запад».

В Годтхобе мы проводили время чудесно; все жители колонии всячески старались, чтобы нам было хорошо. Однажды, когда мы сидели за обеденным столом, нам сообщили, что на юге виден приближающийся человек в каяке. Оказалось, что он привез из Ивигтута письмо, сообщавшее, что посланный мною в каяке нарочный захватил «Фокс» в последнюю минуту перед поднятием якоря. Капитан не принял на себя ответственности за рейс на север, в Годтхоб, такой поздней осенью; у него на судне было сорок пассажиров, горнорабочих с креолитовых ломов, возвращавшихся домой,

к тому же он не знал фарватера, а ночи были теперь темные. Итак, «Фокс» ушел без нас. Все же было утешительно знать, что судно доставит домой известие о нашем прибытии к западному берегу.

В Гренландии мы прожили зиму. В обществе датчан Годтхоба и местных и окрестных эскимосов мы провели время интересно и во многих отношениях поучительно. Мы наблюдали жизнь эскимосов и пытались научиться у них искусству плавать на каяках и охоте. Эскимосы на редкость неиспорченный и привлекательный народ с простым бытом и простыми общественными отношениями, где подозрительность, стяжание и классовая рознь не сделали людей алчными и завистливыми.

По прошествии шести счастливых месяцев, проведенных нами на земле эскимосов, 15 апреля в Годтхоб пришло судно «Видбьёрн». С грустью распростились мы со своими многочисленными датскими и эскимосскими друзьями, а затем уехали. Сначала мы посетили Копенгаген, где нас ожидала парадная встреча, а 30 мая 1889 года прибыли в Кристианию. Здесь, на фиорде, нас встретили сотни яхт и целая флотилия пароходов. Когда мы подошли к порту и увидели крепостные валы и пристани черневшими от массы народа, Дитриксон сказал: «Посмотри, Равна, разве не красиво — вся эта толпа людей?» — «Да, красиво, очень красиво, если бы только все это были олени!» — отвечал Равна.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

НА ЦЕЛУЮ зиму мы были отрезаны от мира и находились как бы в плену среди гренландцев. Я жил в их хижинах, принимал участие в охоте и старался, насколько мог, жить их жизнью и изучить их язык. Но одна зима, к несчастью, слишком коротка для полного ознакомления с таким своеобразным народом, его культурой и образом мышления — для этого требовались бы года терпеливого изучения. Тем не менее я старался в этой книге изложить те впечатления, которые на меня произвели эскимос и его социальное положение, по возможности подкрепив эти впечатления ссылками на предшествующих авторов. Я думаю, что иногда новичок видит более ясно, чем многолетний наблюдатель.

Во многих случаях, возможно, читатель будет думать иначе, чем я. Что говорить, я не согласен с тем, что все существующее очень хорошо. Я достаточно слаб, чтобы чувствовать сострадание к вымирающему народу, которому, возможно, трудно помочь, так как он уже затронут ядом нашей цивилизации. Но я утешаю себя той мыслью, что по крайней мере ни одно из моих слов не может сделать судьбу этого народа хуже, чем она есть, и я надеюсь, что читатель примет мои наблюдения в том духе, в котором они написаны. *Amicus Plato, Amicus Socrates, magis amica veritas*¹ — правда прежде всего. Если в некоторых случаях я могу показаться несправедливым, я должен сказать в свое оправдание, что вряд ли можно прожить некоторое время среди этих людей, не сохранив к ним расположения — для этого одна зима более чем достаточна.

В продолжение длинных, темных вечеров, когда я сидел в низких землянках и смотрел на огонь наполненных ворванью ламп, у меня было много времени для размышлений. Мне часто казалось, что я могу видеть этих отважных детей природы, путешествующих на своих собачьих упряжках или плывущих на своих удивительных кожаных лодках вдоль пустынных ледяных берегов. Я видел, как они боролись за свою дорогу вперед, постепенно совершенствовали свои остроумные приспособления и достигали удивительной ловкости в охоте. Сотни, даже тысячи лет прошли, поколения за поколениями гибли; но наиболее сильные племена выживали, и я был полон восхищения

¹ Платон — друг, Сократ — друг, лучший друг — правда.

Ане и Ларс Хейльман

перед народом, который вышел победителем из борьбы со столь негостеприимной природой.

Однако в печальном контрасте с этой картиной прошедшего, настоящее и будущее представляются моим взорам в грустном и безнадежном тумане.

В Гренландии эскимосы встретились с европейцами. Сначала это были наши норвежские предки из далеких времен; их они постепенно победили. Но мы вернулись к атаке, на этот раз принося с собою христианство и продукты цивилизации; тогда эскимосы стали гибнуть, и сейчас они опускаются все ниже и ниже. Мир проходит мимо, с сожалением пожимая плечами.

У эскимосов тоже есть чувства, как и у других; они тоже наслаждаются жизнью и природой, но истекают кровью под нашей железной пятой. Если кто-нибудь в этом сомневается, то пусть он понаблюдает за их отношениями друг к другу и их любовью к своим детям, или пусть прочтет их легенды.

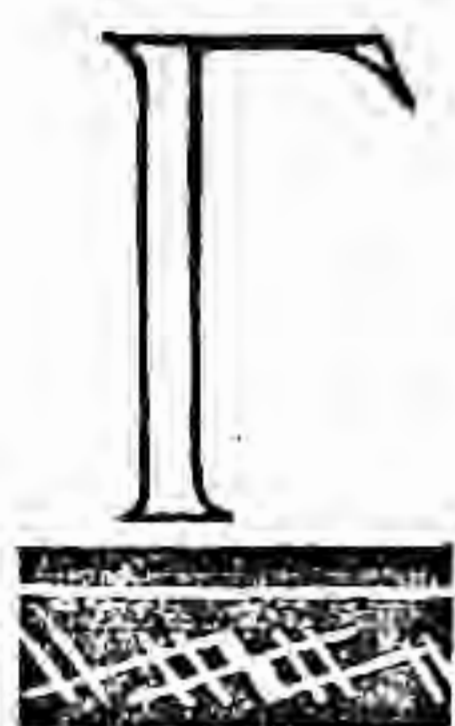
Каждый раз, когда я видел доказательства их страданий и бедствий, которые мы принесли им, остаток справедливости, все же находящейся в большинстве из нас, будил во мне чувство негодования, и я был полон жгучего желания рассказать правду всему миру. Я думал, что, когда истина дойдет до людей, они не могут не проснуться от своего безразличия и сразу захотят исправить причиненное ими зло.

Бедный мечтатель! Тебе нечего сказать такого, что не было бы еще лучше сказано раньше. Злосчастная судьба гренландцев, также как и других туземных племен, обсуждалась на разные лады, но всегда без всякой пользы.

Тем не менее я чувствовал, что должен облегчить свою совесть; мне казалось священным долгом присоединить свой протест к остальным. Мое перо, к несчастью, слишком слабо: я не сумел выразить того, что чувствую наиболее глубоко; никогда я не желал так сильно иметь талант писателя. Я знаю очень хорошо, что мой голос будет как крик вопиющего в пустыне, даже без гор, которые могли бы эхом повторить его. Моя единственная надежда — это пробудить в некоторых чувство симпатии к эскимосам и печали об их судьбе.

Фритъоф Хансен

ГРЕНЛАНДИЯ И ЭСКИМОС

ГРЕНЛАНДИЯ своеобразно связана с нашей страной и нашим народом. Наши предки первыми из европейцев нашли ее; на открытых судах древние викинги дерзко проложили путь в непогоду, сквозь дрейфующие льды, к этой далекой снежной стране, жили там в течение многих столетий, и страна составляла часть норвежских владений. Затем связь между этой страной и Норвегией прервалась на продолжительное время, но снова наш же соотечественник основал европейское поселение в Гренландии для одной норвежской компании.¹

¹ Норвежские колонии в Гренландии, основанные Эриком Рыжим, погибли в XV веке. Вторичная колонизация норвежцами Гренландии произошла в 1721 году. *Прим. ред.*

Она бедна, эта страна эскимоса, голая и уединенная, она непохожа на другие страны, населенные людьми, — но как она красива; и воспоминание о ней дорого тому, кто хоть раз видел ее и жил там. Не знаю, как для других, но для меня она воплощает всю мечтательную красоту детской сказочной страны, как будто бы там я еще раз увидел нашу природу в более возвышенных и чистых формах.

Могущественна и дика эта природа, как древняя сага, высеченная из льда и камня, — но по временам полна настроений мягких и нежных, как поэзия.

Вижу я ледники и вулканы — и мысли мои обращаются туда, где эти ледники гораздо больше, где вулканы обрываются в море, забитое пловучими ледяными горами и дрейфующим льдом. Слышу громкие оды о прогрессе общества, о великих людях и великих деяниях — и мысли обращаются к бесконечным снежным полям, спокойным и белым, непрерывной пеленой расстилающимся от моря до моря, покрывая и горы и когда-то плодоносные долины.

Там все просто и величественно — белый снег, голубой лед, черные голые горы и пики, и море, часто темное и бурное. Но когда я вижу раскаленное солнце, погружающееся в море, мысли уходят туда, где островки и шхеры как бы плывут по алеющей водной поверхности к гладкому колышащемуся морю, где горные пики под вечер стоят светящимися рядами.

А иной раз, когда я наблюдаю жизнь на пастбищах в наших горах, смотрю на девушек и на пасущиеся стада, я думаю о жизни в палатках, о стадах оленей вдоль гренландских фиордов и на горах, о кудахтающих куропатках, ивовых зарослях, плоскогорьях, по-

росших мхом, озерах и долинах меж гор, где коротким летом эскимос проводит свою жизнь.

А гренландская зимняя ночь с пылающим северным сиянием: какая полная тайн волшебная игра природы!

Властно захватывает страна эта душу человека, а народ, живущий там, не менее своеобразен, чем сама страна.

Эскимос больше всякого другого принадлежит морю и побережью. У моря он живет, здесь он добывает себе пропитание; море удовлетворяет все его жизненные потребности, по нему он передвигается и перемещается летом в кожаных лодках, зимой на собачьих упряжках, там, где оно покрылось льдом. Море, таким образом, сильнее всего иного влияет на жизнь эскимоса; нет ничего удивительного, что все существо эскимоса носит на себе его отпечаток. С ним меняется и его настроение, в бурю — серьезность, при тихой погоде и ясном солнце — необузданная веселость. Эскимос — дитя моря, легкомысленно веселый, как ласковые морские волны, но иногда мрачный, как грозная непогода. В его детской душе все меняется так же быстро, как успокаиваются волны, когда шторм затихает над морем.

Жизненные блага на свете распределяются неравно. Есть люди, которым стоит посадить хлебное дерево в своей юности, чтобы весь остаток жизни быть обеспеченными, а есть и иные, которым нужно шаг за шагом бороться, чтобы вырывать у враждебной природы каждый кусок для продления своего существования. Эскимосы один из тех народов, которые высланы на аванпосты; они образуют фланги великого войска человечества в его постоянной борьбе с природой.

Эскимос стоит на крайнем посту лицом к лицу с бесконечной тишиной снежных пространств. Он принял в свое владение те области, которыми все пренебрегли. В постоянной борьбе, медленно совершенствуясь, эскимосы научились тому, чего никто не знает лучше их. Там, где для других кончаются возможные для жизни условия, для эскимоса начинается жизнь. Он полюбил эти места, они для него мир, в котором он один человек.¹

Насколько резко эскимос по своему внешнему виду, строению своего тела, своему характеру и орудиям и всему своему образу жизни отличается от всех прочих народностей, настолько отдельные эскимосские племена сходны между собой. Чистокровный эскимос с Берингова пролива так похож на гренландца, что ни на минуту нельзя усомниться в их принадлежности к одному народу. Их язык также сходен, и эскимос с Аляски и гренландец, наверное, без особых затруднений будут говорить между собой, хотя родом они из мест столь же далеких одно от другого, как Норвегия и Китай.

Пространства, населенные теперь эскимосами, тянутся от западного берега Берингова пролива через Аляску, северный берег Северной Америки, североамериканский арктический архипелаг до западного берега Гренландии и в некоторых местах вдоль ее восточного берега.

Мы можем предположить, что эскимосы давным-давно, с тех самых пор, как они начали свою жизнь

¹ Эскимосские народы называют себя «инуит», что значит «люди»; все другие, по их мнению, принадлежат к иному виду существ.

вдоль ледяных берегов, жили сами по себе далеко от всех, может быть, долго как небольшое племя. Мы не знаем наверняка, когда они пришли в Гренландию. Из сделанных там находок можно заключить, что эскимосы давно, еще в доисторические времена, держались около фиорда Уманак и южнее, между Эгедес Минде и Холстенсборгом; только уже много позднее они поселились в южной части Гренландии. Но здесь они были раньше, чем северяне пришли сюда. Когда Эрик Рыжий и его товарищи пришли к гренландскому берегу, они не встретили никаких людей ни в Эстербюгде, ни в Вестербюгде¹ (оба в юго-западной Гренландии), но нашли старые места поселений, куски лодок и каменные орудия, которые по их мнению принадлежали народу, названному ими «скрелингами». В те времена эскимосы жили только дальше на север.

В настоящее время эскимосы населяют западный берег Гренландии, начиная от пролива Смита до мыса Фарвель. Их численность в датской части западного берега была около 10 000 в конце 1880-х годов.² На восточном берегу эскимосы жили до района Ангмагс-саликка; их число осенью 1884 года равнялось 548.³

¹ Около 985 года. *Прим. ред.*

² Число их возросло до 15 000 в 1931 году. *Прим. Б. Хелланд-Хансена.*

³ Эскимосы и теперь не живут оседло вдоль восточного берега южнее Ангмагс-саликка. В 1931 году было несколько больше 700 эскимосов в районе Ангмассаликка и около 100 человек у пролива Скоресби; дальше на север на восточном берегу и теперь нет эскимосов. *Прим. Б. Хелланд-Хансена.*

ВНЕШНИЙ ВИД И ОДЕЖДА

ВМОЕЙ памяти так живо стоит первая наша встреча с эскимосами на восточном берегу Гренландии. Среди льдов — два коричневых смеющихся лица, обрамленных длинными волосами цвета воронова крыла, сияющие довольством самими собой и всем светом, полные добродушной приветливости, смешанной с нескрываемым удивлением перед странными пришельцами.

Чистокровный эскимос на первый взгляд каждому европейцу покажется далеко не красивым. У него круглое, широкое лицо с крупными, грубыми чертами лица; маленькие темные, иногда несколько вкось поставленные глаза, плоский нос, узкий между глаз и широкий книзу; круглые лоснящиеся щеки, большой рот; благодаря крупным, широким нижним челюстям и

круглым щекам нижняя часть лица играет выдающуюся роль во всей физиономии. Когда рот растягивается в лоснящуюся улыбку, обнажаются два ряда крепких белых зубов. Получается впечатление превосходного жевательного аппарата, что будит мысль о большом количестве хорошей пищи. Но сквозь эти черты, особенно у женщин, одновременно просвечивает какая-то вкрадчивая милая нежность. По нашим привычным понятиям мы не можем назвать это красотой; но мы в этом отношении предубеждены, и, чтобы изжить наши традиции, нужно время. Удивительно, однако, как все же вкус человека может быть груб; право, я часто находил красивыми эти коричневые, лоснящиеся от жира и здоровья лица детей природы! Однако они скоро старятся, а морщинистые, угрюмые, лысые старые женщины некрасивы. Все же и у них есть какой-то особый стиль, их лица несут отпечаток тяжелого труда наряду с добродушным, безнадежным непротивлением. В них нет ничего похожего на ту стеклянную жесткость или сухую благопристойность, которые так часто налагает школа жизни на старые лица в других местах.

Смешанная раса, получившаяся на западном берегу от европейцев и эскимосов, на европейский вкус гораздо красивее чистых эскимосов; обычно у них вид южан — темные волосы, темные брови и глаза и смуглый цвет лица. Иногда по виду они изумительно напоминают европейский тип. Между ними не так редко встречаются настоящие красавцы как среди сильного, так и среди слабого пола.

Обычное заблуждение народов Европы, что эскимосы малы ростом. Хотя они и меньше скандинавских

народов, но все же их можно считать народностью со средним ростом; среди самых чистокровных я встречал мужчин высотой около 190 сантиметров. Их тело в общем производит впечатление сильного, особенно верхняя часть. У мужчин широкие плечи, сильные мускулистые руки и хорошо развитая грудь; наоборот, бедра относительно узки, а ноги не так сильно. Поэтому в преклонном возрасте у них неуверенная походка и несколько подогнутые колени. Это более слабое развитие нижней части тела зависит, главным образом, от постоянного пребывания в узком каяке.

Наиболее бросающейся в глаза особенностью женского тела мне показались узкие бедра, что происходит оттого, что у эскимосской женщины так называемый круглый таз, тогда как у европейских он широкий и плоский. Руки и ноги необычайно малы и красивой формы. Вообще их тело изящно и привлекательно.

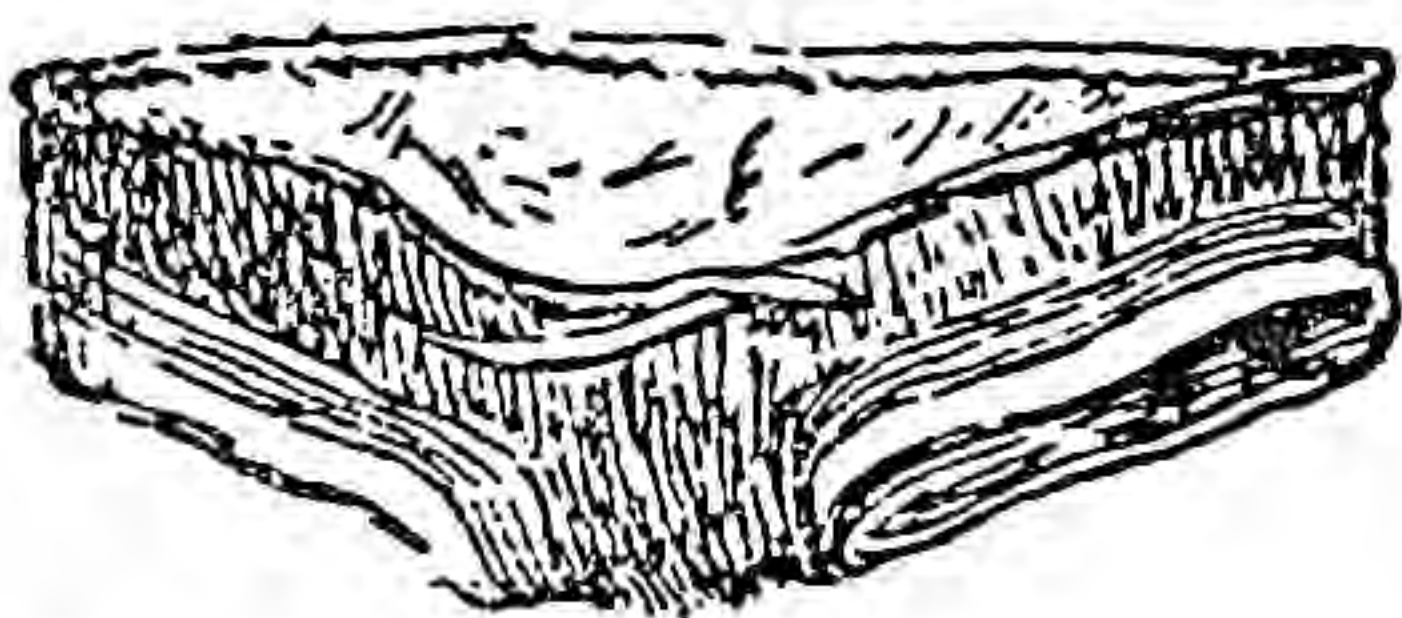
Цвет кожи у прирожденных гренландцев коричневатый или серовато-желтый, и даже у метисов коричневатая окраска сразу бросается в глаза. Этот природный цвет кожи, однако, со временем — во всяком случае у мужчин и у пожилых женщин — обычно еще усиливается от недостатка чистоплотности. Чтобы указать на их привычки в этом отношении, будет достаточно, если я сошлюсь на данное нашим глубокоуважаемым соотечественником Хансом Эгеде краткое описание метода мытья, практикуемого особенно мужчинами: «Они соскабливают пот со своих лиц ножом». У новорожденных младенцев кожа светлая, и не только потому, что они не успели еще загрязниться. На пояснице у них имеется, как утверждают некоторые

путешественники, синевато-черное пятно, от которого потом расходится темный цвет кожи.

Мужчины, главным образом в южной Гренландии, на верхней части тела носят так называемый «тингмиак». Эта одежда сделана из птичьих шкурок, пухом или перьями внутрь, по форме вроде наших шерстяных фуфаяк и тоже натягивается через голову. Сверху к ней пришит капюшон, для того чтобы на открытом воздухе надевать его на голову, но обычно он откинут, и его торчащий край, отороченный собачьим мехом, образует вокруг шеи нечто вроде воротника. Концы рукавов этой одежды тоже оторочены собачьим мехом. Для оторочки по возможности употребляют черный мех. Поверх тингмиака надевается верхняя одежда, «анорак», который сейчас делается, главным образом, из бумажной материи. На ногах у них штаны из тюленьей шкуры, заменяемой теперь по большей части европейской материей. Ноги обуты в особые сапоги «камики» из тюленьей шкуры; они двойные: липты из меха волосом внутрь и наружный сапог из непромокаемой кожи, с которой снят волос. На подошву между липтами и сапогом кладется солома или осока. В камики ноги засовываются босыми.

Женская одежда очень похожа на мужскую. В южной Гренландии на верхней части тела женщины по большей части носят одежду из птичьих шкурок без капюшона, с высоким стоячим воротником, обшитым поверх черным собачьим мехом; чем он больше блестит, тем считается лучше. Кроме воротника, они часто носят широкий воротник-пелерину из бисера, сверкающего всеми цветами радуги. Вокруг запястья также имеется оторочка из черного собачьего меха. Бумаж-

ная верхняя одежда, конечно, по возможности самых ярких цветов — красного, синего, зеленого, желтого, — а внизу она часто отделывается пестрой широкой лентой, бумажной или, предпочтительнее, шелковой. На

Гренландская домашняя одежда в прежнее время (сверху мужская, внизу женская)

ногах эскимоски носят штаны, чаще всего из пестрого тюленьего меха. Они значительно короче мужских, немного выше колен, а спереди богато разукрашены цветной мозаикой из кожи и белыми полосами из оленьего или собачьего меха. Камки длиннее мужских и закрывают колено; чаще всего они красные, но бывают синие, лиловые и белые. Спереди, сверху донизу вшита пестрая полоса.

Женщины с грудными младенцами иногда еще носят одежду, называемую «амаут». Она похожа на обыкновенный анорак, но сзади у нее имеется большой мешок, в котором они носят ребенка. Так как амаут и снаружи и изнутри сделан из тюленьего или оленьего меха, то в этом мешке ребенку и хорошо и тепло.

Так как в Гренландии не издается никаких модных журналов, то фасоны у эскимосов не так легко меняются, как у нас. Однако даже в этом отношении они не являются чистыми варварами, как покажет следующий пример.

Раньше женские анораки или шубы были такой же длины, что и мужские, но после того, как европейцы научили женщин роскоши носить белые сорочки, эскимоски нашли, что эти удивительные вещи слишком красивы и нарядны, чтобы их прятать. И вместо того, чтобы носить декольте сверху, как наши дамы, они начали устраивать его снизу и стали шить анораки такими короткими, что между ними и поясом штанов, спущенных на самые бедра, остается пространство в ладонь или больше, где виднеется сорочка. Для нас это несколько необычный способ носить декольте!

Эскимосы на восточном берегу носят одежду, в основном похожую на описанную; только для куртки употребляются не птичьи шкурки, а чаще всего тюленьи шкуры. В северной части западной Гренландии для курток тоже употребляются по большей части оленьи и тюленьи шкуры; раньше это было в обычае по всему западному берегу.¹

Когда мы были у эскимосов на восточном берегу, то обратили внимание на их удивительный обычай —

¹ Как мужская, так и женская одежда за последние годы подверглась значительным изменениям, особенно в южной Гренландии. Теперь там не промышляют так много тюленя, и недостаток в шкурах дает себя чувствовать, особенно вблизи колоний; поэтому европейские ткани для одежды становятся для обоих полов все более и более обычными. *Прим. Б. Хелланд-Хансена.*

в домах и в палатках и мужчины, и женщины, и дети ходили совсем голыми, только на бедрах у них была узкая повязка, называемая гренландцами «натит» (nâtit), (т. е. «короткие»). Раньше они носили такой несложный домашний наряд по всей Гренландии, вплоть до самых северных поселений у пролива Смита.

Этот легкий домашний наряд очень хорош и здоров. Громоздкие меховые одежды чрезвычайно затрудняют кожное испарение, а потому и явилась естественная потребность сбрасывать меховые одежды в теплом помещении, где носить их очень нездорово. Когда в стране появились европейцы, этот обычай шокировал их, и миссионеры стали проповедывать против него. Таким образом, эта домашняя одежда была упразднена на западном берегу. Привело ли это к улучшению их морали, сказать трудно, — я сомневаюсь. А что это не способствовало улучшению здоровья народа, я могу заявить, не задумываясь.

Эскимосы, тем не менее, до сих пор еще не стыдятся выставлять свое тело. Многие женщины, правда, делают попытки скрыть свою наготу, когда европеец входит в их дом, но я опасаясь, что это скорее притворство, которое, по их мнению, должно нам понравиться, чем результат действительной скромности; когда они обнаруживают, что их попытки на нас не производят особого впечатления, то они очень скоро их бросают. По отношению к своим соотечественникам они выказывают очень мало стыдливости.

Эскимосы в западной Гренландии все еще совершенно не стесняются раздеваться. Особенно перед своими земляками они не проявляют того, что мы назы-

ваем стыдливостью. Ханс Эгедэ пишет следующее, и я, посетив эскимосов, по собственному опыту убедился, что это верно: «они не стесняются в присутствии других и на виду у них ходить за нуждой и т. д. У каждого семейства есть сосуд, стоящий перед их помещением, куда они мочатся, и таковой, если осмелюсь сообщить, стоит до тех пор, пока не начнет вонять, а затем употребляется для укладки туда шкуры для выделки и т. д.».

Волосы у эскимосов на голове цвета воронова крыла и жестки, как конская грива. На восточном берегу волос не стригли даже мужчины; чтобы они не падали на лицо, эскимосы пользовались тесемкой. Чаще всего у мужчин не бывает бороды; у некоторых растет жидкая щетина; на теле же как у мужчин, так и у женщин волос нет.

Эскимоски завязывают волосы на макушке различного цвета лентой. У незамужних она красного цвета, а если у женщины были дети, она повязывает зеленую; у замужней женщины лента — синяя, у вдовы — черная. Если вдова хочет снова выйти замуж, она к черному цвету прибавляет немного красного; пожилые вдовы, оставившие на это надежду, часто повязывают белую ленту. Если у вдовы родился ребенок, то и она должна надеть зеленый цвет. Гордостью гренландки является ее прическа, она должна быть туго закручена и торчать кверху, насколько возможно. Это делается, главным образом, молодыми невестами, а так как те не менее кокетливы, чем их европейские сестры, то они и стягивают себе волосы так, что последние мало-по-малу редеют; поэтому эскимоски еще в молодом возрасте в большей или меньшей степени лысеют,

что не прибавляет им привлекательности, но зато является выразительным доказательством тщеславия человеческой природы. Чтобы волосы хорошенько связать, а кроме того и придать им красивый блеск, у них существует обычай мыть их перед причесыванием своей собственной мочей.¹

Матери, вместо того чтобы мыть своих детей, лижут их, или, по крайней мере, делали так в прежнее время. Что касается насекомых, то по отношению к ним принцип эскимосов таков: «вши кусают, а потому и их нужно кусать».

Если кого-нибудь оскорбляют эти особенности в привычках и манерах гренландцев, то им следовало бы подумать о том, что их собственные предки, не так уже много поколений тому назад, вели себя не многим лучше. Пусть они прочтут описание домашней жизни тевтонских народов несколько столетий тому назад, и им придется узнать много вещей, которые удивят их.

¹ Описываемый здесь обычай носить волосы, равно как и другие обычаи, в позднейшее время частично или совершенно вывелись. *Прим. ред.*

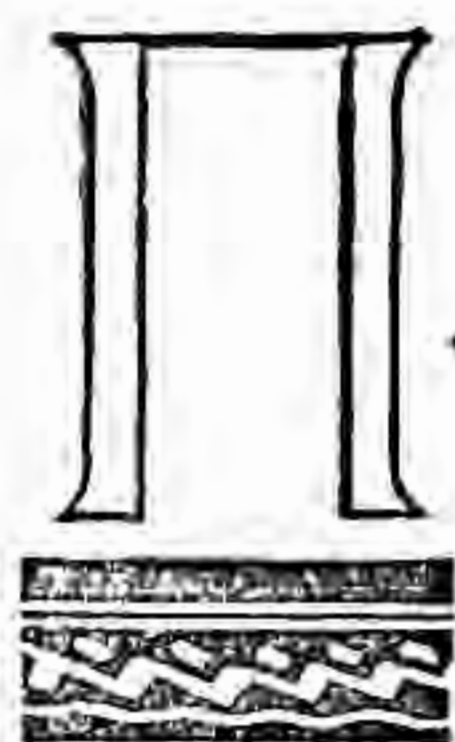
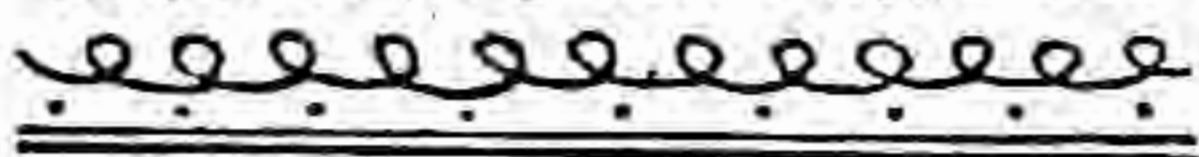

Молодой охотник со своим каяком

Семейство в Суккертоппе в 1889 г. (фото Ф. Нансена)

КАЯК И ЕГО СНАРЯЖЕНИЕ

РИ ПОВЕРХНОСТНОМ обозрении отдельных мелочей эскимосского быта можно притти к заключению, что эскимос стоит на низкой ступени культуры. Но если присмотреться к нему поближе, мы сейчас же увидим его совсем в ином свете!

На многих людей в настоящее время производит громадное впечатление величие нашего века со всеми его изобретениями и прогрессом, о которых мы слышим ежедневно и которые якобы неоспоримо доказывают превосходство богато одаренной белой расы над всеми остальными. Для этих людей было бы весьма поучительным обратить особое внимание на развитие эскимосов и на орудия и изобре-

ния, при помощи которых они получают все необходимое для жизни, притом в условиях, когда природа дает в их распоряжение невыразимо мало средств.

Представьте себе народ, очутившийся на берегу, столь пустынном и суровом, каким является гренландский, без всякого сообщения с внешним миром, без железа, без огнестрельного оружия, без всяких других вспомогательных средств, кроме тех, которые можно найти на месте. Единственные имеющиеся у них там материалы — это камень, плавник, шкура и кость. Чтобы добыть последние, нужно сначала поймать зверя, доставляющего их. Будь мы на их месте, то, не получая помощи с родины, мы погибли бы; однако, эскимос не только справился, но и живет довольный и счастливый, тогда как связь с остальным миром приносила ему один вред.

Для того чтобы читатель мог представить себе более живо, на каком накоплении опыта основывается цивилизация эскимосов, я постараюсь дать набросок того пути, по которому, как мы должны предполагать, шло его развитие.

Допустим, что предки эскимосов, согласно мнению д-ра Ринка, жили в давно прошедшие времена где-то внутри Аляски. Во всяком случае они когда-то должны были жить внутри страны, будь то в Америке или Азии. Помимо охоты на суше, эти эскимосы должны были заниматься рыбным промыслом и уходить на озера и реки в лодках из березовой коры, как это и в настоящее время делают эскимосы, живущие внутри Аляски, и индейцы северо-западной области. С течением времени, однако, некоторые из этих материковых эскимосов были увлечены богатствами моря или

были вытеснены враждебными и более воинственными индейскими племенами, так что им пришлось эмигрировать в своих лодках вниз по течению рек к западным и северным берегам. Чем ближе они подходили к морю, тем все более скудными становились запасы леса, и им пришлось вместо березовой коры искать другого материала для обшивки своих лодок. Не является неправдоподобным предположение, что раньше, чем оставить реки, они сделали эксперименты с кожами некоторых животных, так как мы и сейчас еще видим такие примеры среди некоторых индейских племен.

Тем не менее только тогда, когда эскимос добрался до устьев рек и сурового моря, он стал думать о том, чтобы дать своей лодке палубу и, наконец, о том, чтобы сделать ее совсем закрытой и присоединить свою собственную кожаную одежду так, чтобы все вместе составляло одно целое непроницаемое для воды. Теперь каяк стал совершенным. Но даже эти изобретения, которые кажутся нам такими простыми и несложными теперь, когда мы их видим усовершенствованными, — какой они в те дни должны были означать огромный шаг вперед, скольких они должны были стоить усилий!

Добравшись до берега моря, эскимосы скоро обнаружили, что их существование почти целиком зависит от добычи тюленя.

Вследствие этого вся их сметка и все силы вкладывались в этот промысел, а каяк повел за собой изобретение разнообразных, замечательных и достойных удивления орудий для тюленьего промысла, которые постепенно доводились до всё большего совершенства.

Неудобное положение в каяке мешало стрелять из лука, которым пользовались на берегу; необходимо было метательное орудие. Мысль об этом эскимосы заимствовали из Америки, воспользовавшись индейскими стрелами с направляющим оперением, употреблявшимися там для охоты на земле. Во всяком случае, не так еще давно такие небольшие гарпуны или метательные стрелы были в употреблении у эскимосов в южной части западного берега Аляски. Дальше на севере Аляски перья птиц исчезли, и место их занял небольшой пузырь, прикрепленный к рукоятке стрелы.

Такое приспособление оказалось необходимым, чтобы помешать исчезновению раненых тюленей. Также оказалось необходимым делать острие стрелы таким, чтобы оно не ломалось от сильных движений тюленя, старавшегося от нее освободиться, а отделялось и оставалось висеть на ремне, прикрепленном по середине рукоятки стрелы; она становится поперек, когда тюлень хочет уйти, и способствует уменьшению скорости. Пузырь делается из горла чайки или горной куропатки, которое надувается и высушивается. Он прикрепляется к рукоятке стрелы куском кости, в котором проделано отверстие, чтобы пузырь можно было надувать; отверстие закрывается деревянной пробочкой.

Эта стрела с пузырем известна всем племенам эскимосов, живущих у моря. Возможно, что из нее развилось самое важное орудие охоты эскимоса — остроумный гарпун с линем и пузырем. Чтобы ловить крупного морского зверя, стали постепенно делать пузырь у стрелы все больше и больше. Но неудобство от того,

что он оказывал слишком большое сопротивление для метания стрелы на далекое расстояние и с силой, сейчас же дало себя знать. Тогда пузырь отделили от стрелы и оставили его соединенным с концом стрелы при помощи длинного и крепкого линя, гарпунного ремня. Гарпун, который стали делать больше и тяжелее первоначальной стрелы, начали теперь метать отдельно, а ремень тянулся за ним. Пузырь, приделанный к другому концу ремня, выбрасывался из каяка после того, как зверь был поражен гарпуном.

Рукоятка гарпуна в Гренландии делается из принесенного полярным течением красного плавника — род сосны из Сибири, он тяжелее белого плавника, из которого делаются меньшие и более легкие метательные орудия. На своем переднем конце рукоятка снабжена толстой и крепкой костяной пластинкой; перед ней находится длинный костяной стержень, обычно сделанный из моржового клыка и привязанный к рукоятке ремennыми связками таким образом, что стержень при сильном давлении или ударе со стороны движется в суставе, а не ломается. Этот стержень точно пригнан к отверстию в самом острие гарпуна, сделанном из кости (чаще всего из клыка моржа или нарвала) и которое теперь на переднем конце всегда снабжается острием или, скорее, острым лезвием из железа; в прежние времена эскимосы употребляли камень или одну только кость. Линь проходит в отверстие в острие гарпуна; последнее снабжено зубцами или зарубинами, благодаря которым оно остается там, куда раз попало; кроме того оно устроено так, что встает поперек в теле тюленя, когда тот бросается вперед. Итак, острие гарпуна надевается на вышена-

званный костяной стержень; к линю на определенном расстоянии от острия приделан кусок кости с дыркой, которая надевается на костяную пуговицу наверху рукоятки гарпуна. Все устраивается так, что рукоятка гарпуна и острие соединяются друг с другом надежно и крепко.

Когда гарпун попадает, а тюлень начинает биться, костяной стержень сейчас же сгибается в суставе (см. рис. передней части гарпуна), и острие гарпуна с линем освобождается от рукоятки, которая всплывает на поверхность и подбирается охотником. Тем временем тюлень уходит на ремне с пузырем. Трудно представить себе более остроумное орудие для этой цели, сделанное из кости, тюленьей шкуры и плавника! Чтобы достичь такого результата, потребовалась работа многих поколений!

В Гренландии существует два вида такого гарпуна. Один называется «унак», у него всего только одна костяная пуговица на заднем конце. Он длиннее и изящнее другого вида, называемого «эрнангнак», который на заднем конце снабжен двумя костяными обкладками или крыльями, теперь часто делающимися из китового ребра и служащими для увеличения веса гарпуна и направления его в воздухе.¹ В Годтхобе, когда мы были там, больше всего применялся эрнангнак, но я слышал, как старые, опытные охотники жаловались, что его в ветер бросать труд-

¹ В северной Гренландии есть еще третий и более крупный вид гарпуна, употребляющийся для охоты на моржа; его кидают без метателя; у него вместо этого имеется два колпака из кости («тикагут»): один для большого пальца и другой для указательного.

нее, чем унак. Ветер, ударяя в крылья, заставляет гарпун отклоняться.

Линь делается из шкуры или морского зайца (*phoca barbata*) или молодого моржа и достигает 14—16 метров длины при ширине около 7 миллиметров.

Для пузыря употребляется шкура молодой нерпы (*phoca foetida*). С нерпы снимают шкуру, не разрезая брюха, удаляют со шкуры волос, завязывают у головы и у передних и задних конечностей и сушат. Линь наматывается на каячную стойку, устраиваемую на каяке впереди сиденья. Здесь линь хорошо укрепляется, так как морская вода постоянно переливается через каяк; в таком положении его всегда легко распустить, когда гарпун будет брошен.

Чтобы убить пойманного гарпуном зверя, применяется копье («ангувигак», см. рис.). У него деревянная рукоятка, которая часто делается из легкого белого плавника, чтобы можно было метнуть копье на далекое расстояние; впереди длинное костяное острие с железным лезвием на самом конце. В прежние времена вместо железа употреблялся камень. Костяное острие чаще всего делается из оленьего рога или зуба нарвала или какой-нибудь другой кости. Чтобы тюлень не отломил острия, его прикрепляют к рукоятке таким же суставом, как и острие на гарпуне.

Кроме того у эскимосов есть еще так называемая стрела для птиц «нувфит». У нее рукоятка тоже из белого плавника. На переднем ее конце длинное тонкое острие, теперь оно делается из железа, а в прежние времена делалось из кости; кроме того у стрелы на середине рукоятки три острия, обращенные

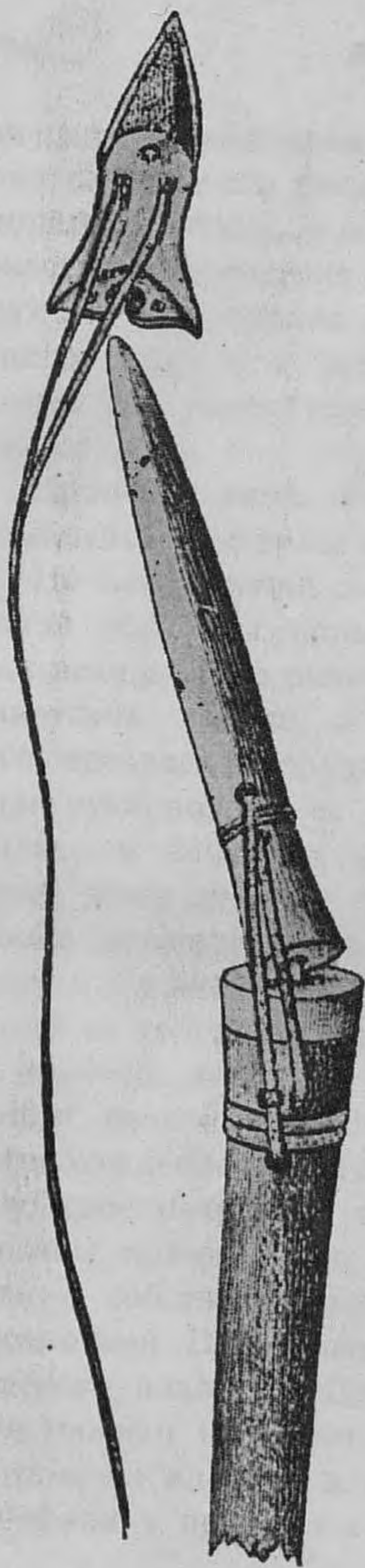
вперед и снабженные большими зазубринами; сделаны они из оленьего рога. Если передняя часть стрелы не попадет в птицу, а рукоятка скользнет дальше, то назначение их состоит в том, чтобы какое-нибудь из них все-таки попало в птицу и проткнуло ее; обычно так в птицу и попадают. Орудие это настолько хорошо, что изобретением его можно было бы прославиться!

Происхождение всех этих орудий можно отнести к индейской стреле с оперением.

Но для метания своих орудий дальше и с большей силой эскимосы применили собственное изобретение, не имеющее себе равного у соседних американских или азиатских племен, а именно — деревянный метатель. Это прекрасное орудие, в котором используется вся сила руки во всю ее длину, как ни странно, известно только в немногих местах земного шара — повидимому, всего лишь в трех. Эти места — Австралия, где такой метатель очень примитивен; страна конибо и пуру в верхнем течении Амазонки, где он находится почти на той же ступени развития, что и в Австралии, и, наконец, в местах, населенных эскимосами, где он достиг своего высшего развития. Невероятно, чтобы происхождение метателя в столь различных местах вело свое начало из одного источника, и потому мы должны принять, что эскимосский деревянный метатель — собственное их изобретение, сделанное самими эскимосами. В Гренландии он чаще всего делается из красного плавника. Длиной он около $\frac{1}{2}$ метра, в самом нижнем широком конце ширина его 7—8 сантиметров; он плоский и около 1,5 сантиметра толщины. По краям у нижнего конца есть отметка для руки, на

Стрела
с пузырем

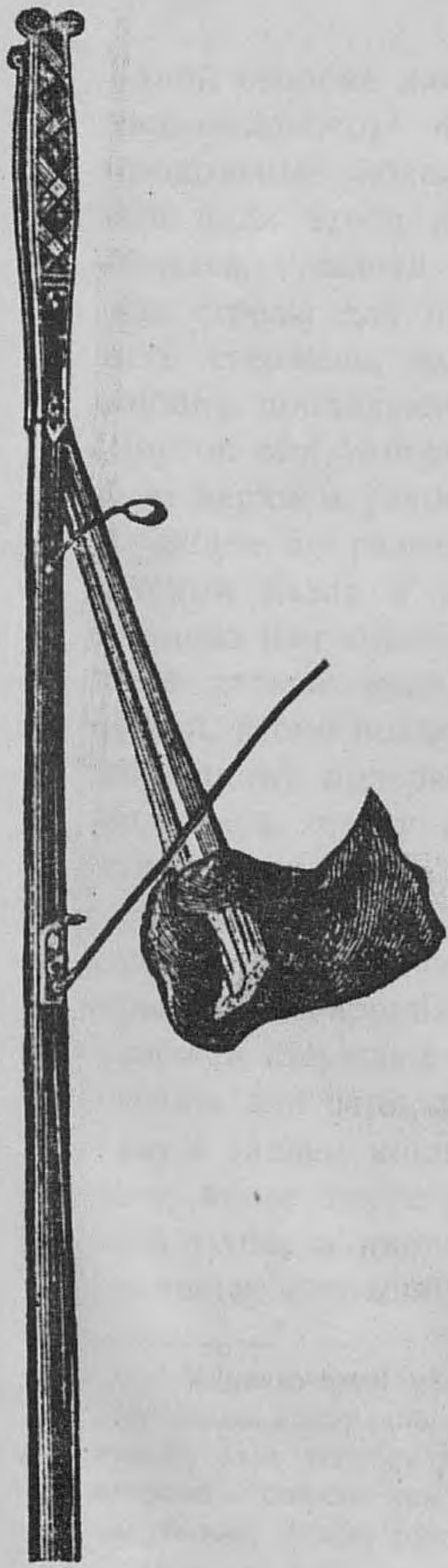
Передний конец
гарпуна

Гарпун с линем
и пузырем

Копье

Метание гарпуна

1 — каяк со снаряжением (вид сверху), 2 — каркас

Весло

одной стороне для большого пальца, на другой — для указательного;¹ на верхней плоской стороне сделан продольный жолоб для стрелы или гарпуна. Существует два вида этого деревянного метателя. Один употребляется, главным образом, для стрелы с пузырем и для стрелы для птиц; у него в верхнем узком конце есть стержень, входящий в углубление на костяной шишке, приделанной на заднем конце стрелы (см. рис.). Другой вид употребляется для гарпуна и копья) в самом верхнем узком конце у него есть отверстие, подходящее по размеру к стержню, поставленному с наклоном назад и расположенному сбоку на рукоятке гарпуна или копья; кроме того у него есть еще отверстие дальше книзу возле того места, где хватаются рукой, и оно подходит по размеру к другому стержню, торчащему поперек. Подобным метателем пользуются дальше к северу (например, в Суккертоппене) и для стрелы для птиц.

Существует третий вид метателя, которым пользуются в самой южной Гренландии для эрнангнака или крылатого гарпуна. Этот вид в верхнем узком конце снабжен стержнем такого же типа, что и метатель для стрелы для птиц, и этот стержень пригнан к углублению в заднем конце гарпуна между костяными крыльями; возле места для руки в нижней части метателя есть одно, а иногда два отверстия, соответствующие костяным стержням сбоку на рукоятке гарпуна.

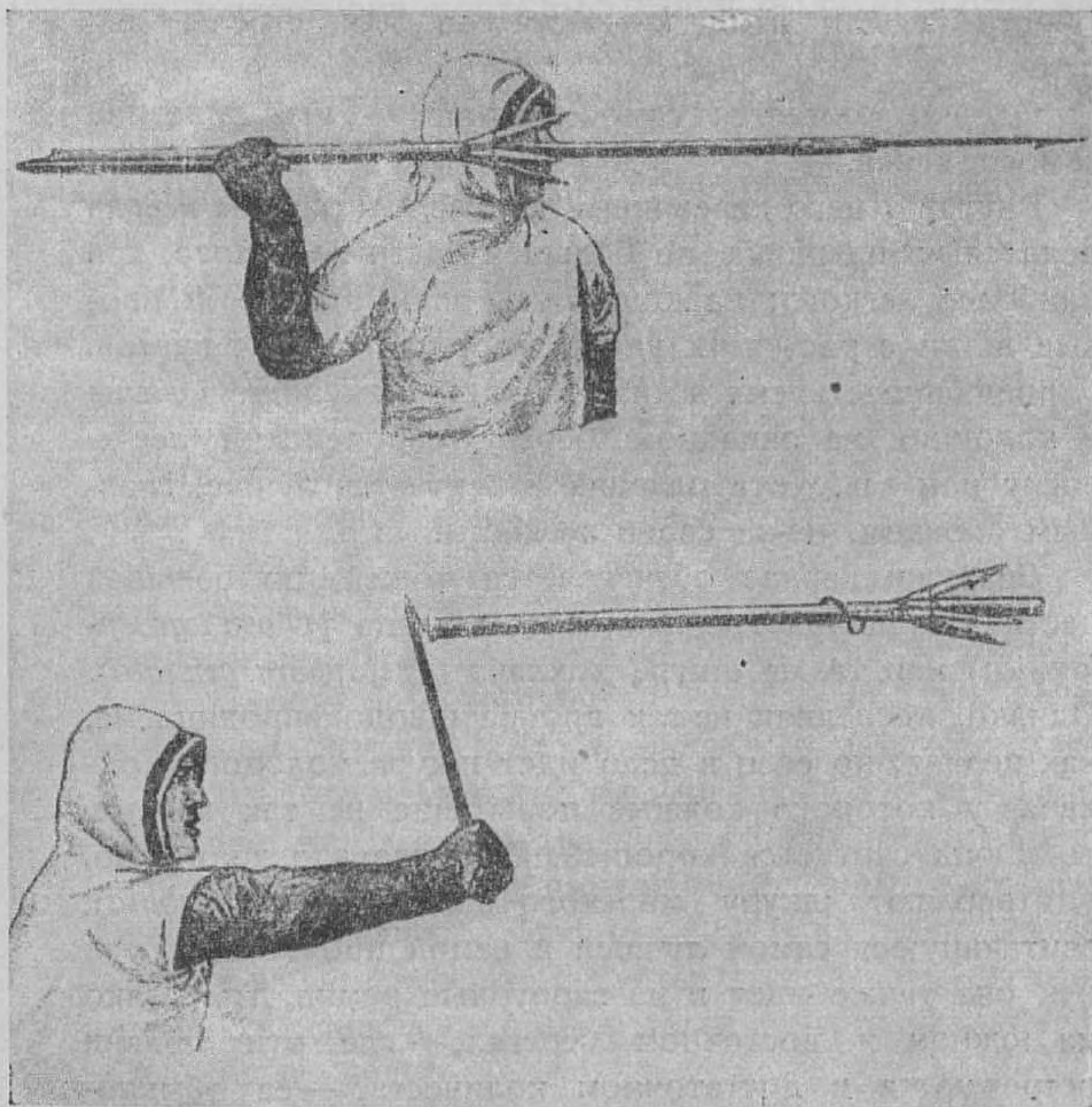
¹ В некоторых местах, например, в самой южной Гренландии среди эскимосов, живущих на восточном берегу, делается только одно углубление для большого пальца, тогда как другая сторона — ровная или окантована куском кости с небольшими зарубками, чтобы рука не скользила.

Когда нужно пустить гарпун или стрелу метателем, берутся рукой за предназначенное для этого место и заносят метатель вместе с оружием горизонтально назад; при быстром выдвигании его снова вперед нижний конец метателя отделяется от стрелы или гарпуна, тогда как верхним его концом — который все еще остается пригнанным к соответствующему стержню или пуговице — можно далеко и с большой уверенностью метнуть оружие вперед. Это необычайно простое и эффективное изобретение!

Кроме названных орудий у эскимоса, когда он отправляется на охоту, сзади на каяке лежит нож с рукояткой длиной около 1,2 метра, длинное острое лезвие его около 20 сантиметров. Этот нож употребляется для нанесения тюленю, или другому пойманному морскому зверю, последнего смертельного удара. Кроме того перед охотником лежит в каяке другой меньший нож; он употребляется, между прочим, для протыкания дыр в тюленьей шкуре, куда продеваются куски кости для ремня, который охотник всегда берет с собой, чтобы тащить тюленя к берегу. Для этого у него с собой еще один или несколько пузырей, которые надуваются и прикрепляются к тюленю, чтобы держать его на поверхности воды.

Для полноты описания нужно упомянуть еще костяной нож, относящийся тоже к снаряжению каяка, особенно зимой, и употребляемый, главным образом, для того, чтобы соскребать с каяка лед.

По рисунку каяка сверху можно составить себе представление о том, как все орудия располагаются в каяке, когда он приготовлен для охоты. Буквы на рисунке означают следующее: *a* — отверстие в каяке,

Метание стрелы для птиц

b — пузырь, *c* — стойка в каяке с закрученным вокруг нее линем (*e*), *d* — гарпун, висящий на своем месте, *f* — копье, *g* — каячный нож, *h* — стрела с пузырем, *i* — стрела для птиц, *k* — метатель для стрелы для птиц.

Однако, остается самое важное — это описание самого каяка.

Внутри у него деревянный каркас. Он раньше всегда делался из плавника, по большей части из белого, как наиболее легкого; на шпангоуты шли отчасти и ивовые ветви с растущих вдоль фиордов ивовых кустов. В позднейшее время эскимосы часто покупают в лавке в колониях на западном берегу европейский лес — сосну или ель, хотя плавник и считается лучше, главным образом, из-за своей легкости.

Снаружи каркас обтягивается кожей, по большей части это шкура гренландского тюленя (*phoca groenlandica*) или также шкура хохлача (*cystophora cristata*). Однако, последняя не так прочна и водонепроницаема, как первая; но если в дело идет шкура молодого хохлача, у которого кожные поры еще не так велики, то и она считается хорошей. Там, где это возможно, употребляют шкуру морского зайца (*phoca barbata*), считающуюся самой лучшей и самой прочной; но так как она также идет и на гарпунные ремни, то только на южном и восточном берегах, — где эти тюлени встречаются в достаточном количестве — ее обыкновенно употребляют и для каяков. Реже употребляется шкура большой нерпы. О приготовлении шкур для каяков будет сказано ниже. Кожи натягиваются на каяк сразу же, еще в сыром виде. Если они уже высохли, их приходится тщательно размягчать в течение не-

скольких дней, прежде чем натягивать; необходимо, чтобы они были по возможности настолько влажны и упруги, чтобы их можно было хорошенько натягивать и чтобы они после высыхания были натянуты как кожа на барабане. Приготовить шкуры, натянуть их на каяк и сшить их — все это работа женщины; не так легко избежать того, чтобы кожа не сидела плохо и не была слишком свободна. Это считается позором.

Когда обтягивается каяк, в этом участвуют если не все, то большая часть женщин стойбища. У них это считается интересным занятием, особенно, если владелец каяка угощает приглашенных для работы кофе. Стоимость угощения, смотря по благосостоянию охотника, колеблется между 25 ёре и 1 кроной и больше.

Посреди палубы каяка есть отверстие — ровно такое, чтобы мужчина, просунув ноги, мог там сидеть; бедрами он заполняет почти все отверстие. Нужна привычка, чтобы сколько-нибудь свободно залезать в каяк и вылезать из него. Это отверстие ограничено каячным кольцом, сделанным из деревянного обруча. Оно выступает на 3 сантиметра над палубой каяка; на него натягивается край непромокаемой одежды, о которой будет сказано ниже. Там, где сидят, на ребра на дне каяка кладется несколько кусков старой каячной кожи и еще кусок медвежьей шкуры или другого меха, чтобы было мягче сидеть.

Каждый охотник сам делает себе каяк, сообразуясь со своим ростом, как пригоняется всякая одежда. Каяк для гренландца обычного роста в окрестностях Годтхоба около 5,5 метра длины, ширина палубы перед кольцом каяка (где она шире всего) около 45 санти-

метров или несколько больше, тогда как у дна каяк значительно уже. Ширина каяка, зависящая, конечно, от ширины бедер, бывает не больше, чем сколько нужно, чтобы поместиться. Каяки в поселениях фиорда Годтхоб, как, например, у Сардлока и Корнока, были длиннее и уже каяков у морского побережья, как, например, в Кангеке, очевидно, по той причине, что там волнение на море больше и поэтому нужно, чтобы каяки были крепче и легче управлялись: более широкие и короткие каяки устойчивее на воде и меньше заливаются водой.

Высота каяка от дна до палубы 12—15 сантиметров, но у каячного кольца она на несколько сантиметров больше, чтобы оставить место для бедер и чтобы человеку было легче залезать в него. Дно каяка довольно плоско и скошено к середине с обеих сторон под очень тупым углом (обычно, приблизительно около 140°), к носу и к корме каяк суживается постепенно, и оба конца его острые. У него нет киля, но по низу с обоих концов имеются костяные пластинки, сделанные по большей части из китовых ребер; их назначение — защищать обшивку, чтобы не разрезать ее об лед на воде или об камни, когда подходишь к берегу. На обоих острых концах каяка есть костяной шарик, от части для красоты, а отчасти и для защиты.

На палубе обычно прикрепляются 6 поперечных ремней до каячного кольца и 3 или 5 позади него. Они служат для того, чтобы засовывать под них все снаряжение; там оно крепко держится и его удобно доставать, когда нужно им пользоваться. В ремень продеты кусочки кости, отчасти для соединения ремней,

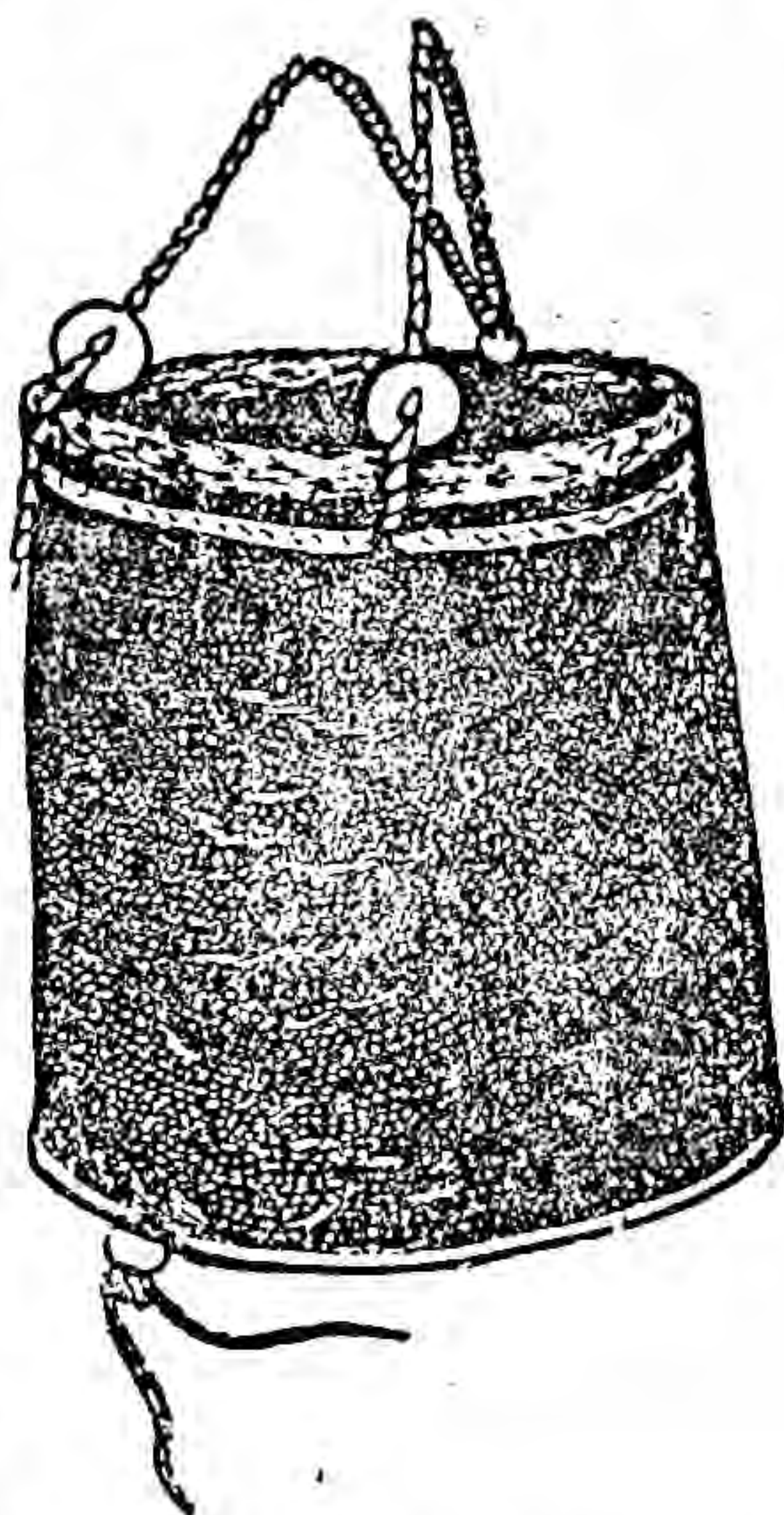
отчасти для того, чтобы ремень не лежал на палубе вплотную и во время спешки легче было бы затыкать под него орудия, и, наконец, для украшения каяка.

К некоторым ремням укрепляется пойманная добыча. Если это птица, она засовывается под ремень головой; если тюлень, кит или палтус, их привязывают сбоку каяка при помощи буксирного ремня; если это мелкая рыба, ее совсем не привязывают, а просто кладут на палубу каяка сзади или засовывают в заднее помещение.

Каяк так легок, что его свободно можно пронести на голове несколько миль, со всем снаряжением.

Для гребли употребляется двулопастное весло, которое держат посередине и погружают в воду поочередно, то на одну сторону, то на другую, совсем как у нас на байдарках.

В хорошую погоду каячник надевает так называемый «акуилисак». Он делается из непромокаемой кожи, с которой снят волос, и сшивается сухожи-

«Акуилисак» — часть непромокаемой одежды для каяка

лиями; внизу он стягивается на тесемку или, вернее, на ремень, с таким расчетом, чтобы как раз обхватывать каячное кольцо и с некоторым усилием надеваться на него и стягиваться; таким образом вместе с каяком эта непромокаемая одежда образует одно непромокаемое целое. Верхним краем эта одежда (половина куртки) доходит до подмышек сидящего в каяке и держится на плечах подтяжками или ремнями, которые перекинуты через плечи; их можно увеличивать или уменьшать при помощи удобного механизма — застежки или костяной пряжки — столь простой, но столь остроумной, что мы со всеми нашими металлическими пряжками и прочими штуками не могли бы сделать лучше. На руки отдельно надеваются кожаные нарукавники, завязывающиеся за локтями и внизу у кисти и препятствующие воде намочить рукава во время гребли. На руках гребца непромокаемые рукавицы.

Эта половина куртки достаточна для того, чтобы предохранить в каяке от небольших волн. В большую волну употребляется цельная одежда («тувилик»); она сшита так же, как и предыдущая, и обхватывает каячное кольцо таким же образом, но идет дальше кверху, с рукавами и с капюшоном, надевающимся на голову. Она плотно затягивается вокруг лица и у кистей рук, и, когда она надета, гребец в каяке может пробивать прибой, переворачиваться и снова выправлять лодку, не намокая, причем в каяк не попадает ни капли воды.

Понятно, что в лодке такой формы, как каяк, сидеть, не перевернувшись, не легко и нужен навык, чтобы пользоваться им. Один из моих друзей перевернулся в течение двух минут четыре раза, когда уже:

«Тувилик» — цельная непромокаемая одежда для каяка

у нас дома, хотел попробовать мой каяк. Не успевали мы поставить его как следует, и гребец уже снова стоял на голове, а дно каяка торчало кверху!

Приобретя надлежащий навык, можно при помощи двухлопастного весла плыть по воде с изумительной быстротой во всякую погоду, и каяк, конечно, без всякого сравнения самая лучшая из существующих одиночных лодок.

Чтобы стать хорошим гребцом в каяке, нужно начинать как можно раньше. Гренландские мальчики начинают пробовать управлять отцовским каяком с 6—8 лет, и гренландские охотники дают своим сыновьям собственные каяки, когда мальчики достигают 10—12-летнего возраста. С этих пор юные гренландцы постоянно отправляются на промысел. Вначале они охотятся за рыбой, а позднее принимаются и за более трудную охоту на тюленя.

Важным условием, чтобы стать законченным гребцом в каяке, является умение перевернувшись снова выправить каяк. Это делается таким образом: гребец хватается одной рукой за один конец весла, а другой рукой как можно дальше за середину весла и кладет весло вдоль одной стороны каяка, так что свободный конец весла направлен к острию каяка; быстро, отведя этот конец весла в сторону, как можно ближе к поверхности воды и пригнув туловище к палубе, гребец выправляется быстрым вращательным движением вокруг весла; если он при этом не совсем выходит на поверхность, то приходится повторить движение.

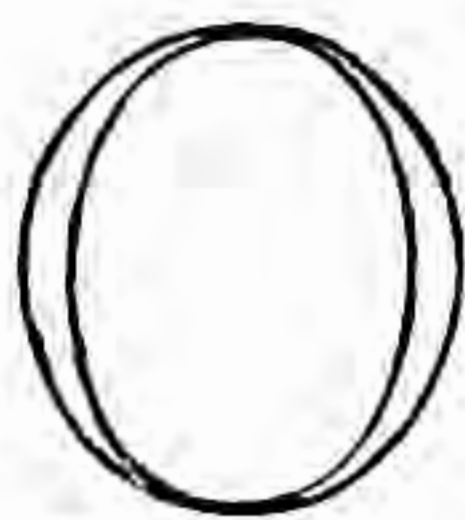
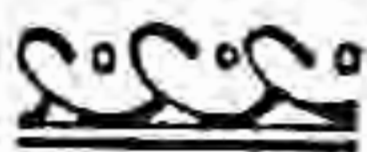
Опытный гребец может выправлять каяк и без весла при помощи метателя или даже просто руки. Высшим

достижением считается, если гребец может выправиться, не разжимая кулака; в доказательство он берет в кулак камень, прежде чем перевернуться, и выправляет каяк, продолжая держать камень.

Гребец в каяке, в совершенстве научившийся выправлять каяк, может отваживаться выходить в море во всякую погоду. Если его перевернет, он выправится снова и, как морская птица, может играть с волнами и прорезать их. Если волна очень большая, он подставляет бок каяка, держит весло плоско по палубе, наклоняется вперед и дает волне перекатиться через себя или же ложится на бок и снова поднимается, когда волна прокатилась. Самый красивый морской маневр применяют, как мне рассказывали, некоторые охотники в необычайно высокий прибой: в то время как волна обрушивается на него, гребец переворачивается, подставляя ей дно каяка, и выправляет каяк снова, когда волна прокатилась. Мне думается, трудно назвать более совершенный способ бороться с волной!

Если гребец в каяке, перевернувшись, не умеет выправить каяка, жизнь его в опасности. Много эскимосов погибло, утонув таким образом.

В МОРЕ

ХОТА с помощью каяка таит в себе много опасностей.

Отец погиб в море, брат и друг часто тоже, а все-таки эскимос ежедневно берется за свое дело как в бурю, так и в тихую погоду. Если буря уж чересчур велика, то возможно, что он выходит неохотно; опыт научил его, что в такую погоду многие погибают. Но, очутившись в море, он спокойно плывет вперед, как будто все это ему вполне безразлично.

Охота в каяке — чудесный спорт, это заманчивая игра с морем и со смертью. Человек в каяке бросается навстречу огромным морским волнам, готовым поглотить его — более величавого зрелища нельзя себе во-

образить! Или вот эскимосы застигнуты непогодой в море и им нужно выбраться на берег — как черные буревестники несутся они со страшной быстротой сквозь непогоду и волны, обрушивающиеся на них; весла мелькают то в воде, то в воздухе, тело наклонено немного вперед, голова часто поворачивается назад, чтобы следить за волнами; всё — жизнь и отвага. А кругом бушует море. Может случиться, что среди этой безумной потехи вынырнет тюлень. С быстротой молнии выхватывается гарпун, и вот он уже уверенно летит сквозь пену волн. Тюлень уходит с пузырем, но скоро он настигнут и убит; снова гребец устремляется вперед, таща за собой тюленя — и все с той же неподражаемой ловкостью, все с таким же спокойным лицом и без единой мысли о том, что совершается геройский подвиг.

Здесь он велик. Мы жалки в этих условиях.

Последуем за эскимосом на охоту.

За несколько часов до зари он уже стоит на наблюдательной горе над своим поселком и смотрит в море, не предвидится ли благоприятной погоды. Выяснив это, он не спеша спускается к дому и вынимает каячную одежду. В добрые старые времена глоток воды заменял ему завтрак; теперь, когда европейская избалованность коснулась и эскимоса, завтрак часто состоит из одной-двух чашек крепкого кофе. Утром он не ест; он считает, что в каяке удобнее плавать натощак и без пищи лучше себя чувствуешь. С собой он тоже не берет ничего съестного, только немного жевательного табаку. Когда каяк поставлен у берега и снаряжение уложено в него, эскимос залезает в отверстие каяка, укрепляет одежду вокруг кольца и выходит

в море. В то же время из других хижин поселка выходят еще несколько человек. Сегодня предстоит охота на хохлача, и место охоты расположено в двух милях, на банках в открытом море.

Погода тихая, по гладкой поверхности моря проходят длинные волны, набегающие на островки; над проливами, по которым идут каяки, лежит еще легкая дымка, а морские птицы на водной поверхности кажутся вдвое больше. Каяки, идя бок о бок, с плеском рассекают воду; весла мерно движутся, а люди беседуют друг с другом и время от времени раздражаются веселым смехом. Играючи, то один, то другой мечет стрелу для птиц; это для упражнения глаза и руки. Вот к одному подлетает гагарка, по воздуху проносится стрела, и пронзенная птица бьется, стараясь нырнуть, но уже в следующее мгновение она на острие стрелы; ее срывают, переламывают птице шею, крепко схватив зубами за клюв, и затыкают добычу сзади за ремень каяка.

Скоро эскимосы проходят проливы и островки и устремляются в открытое море. Гребя так несколько часов, они, наконец, на месте охоты. В разных направлениях над водою виднеются большие головы тюленей, и охотники рассеиваются в поисках добычи.

Боас, один из самых лучших местных охотников, увидал вдали большого хохлача и направляется к нему; но тот нырнул, охотник остановился и ждет, когда тюлень снова покажется. Вот! Немного поодаль показывается его темная круглая голова. Охотник пригибается в каяке и беззвучными, осторожными движениями весла приближает каяк к тюленю, который спокойно и беззаботно лежит, вытягивая голову, и ка-

чается на волнах. Но вдруг тюлень настораживается, он заметил блеск движущегося весла и рассматривает его своими большими круглыми глазами. Он притаился, лежит, не двигаясь, а каяк продолжает беззвучно скользить вперед от полученного толчка. Тюлень не видит больше ничего подозрительного и обретает прежнее спокойствие. Он закидывает голову назад, подняв морду кверху, он купается в утреннем солнце, от которого блестит его темная мокрая шкура. Между тем каяк быстро приближается; каждый раз, как тюлень смотрит в его сторону, Боас замирает, не двигая ни одним мускулом, но стоит тюленю отвернуть голову, и охотник несется вперед стрелой. Вот он приблизился, готовит гарпун, проверяет, лежит ли линь на стойке как следует; еще немного и наступит момент — но тюлень спокойно исчезает под водой. Он не был напуган, а потому вынырнет, конечно, где-нибудь поблизости. Охотник остается на месте и ждет. Но времени проходит много, такой тюлень может находиться под водой невероятно долго, а еще дольше это кажется тому, кто ждет своей добычи. Впрочем, у эскимоса завидное терпение; двигая только головой, поворачивая ее в разные стороны в поисках тюленя, он остается совершенно неподвижным. Наконец, неподалеку с одной стороны каяка голова тюленя снова показывается над водой. Осторожно охотник поворачивает каяк, чтобы тюлень его не заметил, и снова идет к нему по зеркальной глади. Но вот тюлень увидел охотника, пристально посмотрел на него и нырнул. Однако, охотник знает привычки тюленя; он стрелой несется к тому месту, где тот исчез. И, правда, не проходит и нескольких мгновений, как тюлень высовывает

голову, чтобы взглянуть. Но теперь он в поле досягаемости охотника; выхватывается гарпун, заводится назад, еще одно сильное движение, и, как выпущенный стальной пружиной, летит он с метателя, увлекая за собой извивающийся ремень. Тюлень делает сильный прыжок, но в ту самую минуту, когда он изворачивает спину, чтобы исчезнуть, сбоку его настигает гарпун и вонзается в нее по самую рукоятку. Несколькими ужасными ударами задней частью туловища тюлень вспенивает воду и уходит вниз, таща за собой в глубину ремень. Тем временем Боас, держа в зубах метатель, с молниеносной быстротой выбрасывает из каяка пузырь; пузырь пляшет по поверхности воды, время от времени грозя уйти под воду — да скоро и уходит в нее. Но сейчас же показывается снова; теперь за ним приходится нестись с такой быстротой, на какую только способны увлекающие за собой каяк весла. По пути Боас подбирает всплывшую рукоятку от гарпуна. Копье приготовлено для удара. В следующее мгновение хохлач всплывает; он в бешенстве, что не может уйти и обращается против своего преследователя, бросается сначала на пузырь, рвет его и терзает. Но вот тюлень прямоком идет на каяк. Боас весь внимание; зверь сгибает спину, бросается вперед с открытой пастью, поднимая каскады брызг. Промах теперь может стоить жизни, но охотник уверенно поднимает копье и с силой вгоняет его в пасть животного, пробивая ему затылок. Зверь сражен, голова его опускается, но в то же мгновение он стоймя поднимается в воде; изо рта потоками хлещет кровь, он грозно разевает пасть, издавая заглушенный рев, над носом раздувается мешок. Хохлач трясет голо-

Ловля палтуса (по рис. О. Синдинга)

Два знаменитых охотника из Канчека: Боас и Тобиас

вой, рукоятка копья бьется и болтается, но зверю не удастся ни сломать ее, ни избавиться от нее. В следующее мгновение Боас забивает другое копьё за передними лапами через легкое и сердце, тюлень безжизненно опускается — бой окончен. Охотник подплывает к тюленю, и, так как тот все еще движется, то ножом с длинной рукояткой ему наносится последний удар. Теперь охотник спокойно вытаскивает свои копья, кладет их на каяк, вынимает буксирный ремень и буксирный пузырь и, надув его, прикрепляет к тюленю; острие гарпуна вырезается и снова укрепляется на рукоятке, лить сворачивается вокруг каячной стойки, пузырь кладется на место за спиной охотника. Предназначенным для этого ремнем он обвязывает передние лапы тюленя так, чтобы они крепко прилепали к телу, а буксирным ремнем привязывает зверя к боку каяка, чтобы легче было тащить; голова привязывается к передней паре ремней на палубе каяка, а задняя часть туши к последней за спиною охотника. Теперь Боас готов и может оглядеться вокруг, ища новой добычи. Ему везет, и немного спустя он замечает другого хохлача. Сразу же он освобождает себя от первой добычи, оставляя ее плавать на поверхности воды на буксирном пузыре, а сам снова начинает охоту. Потратив некоторое время на преследование зверя, на напряженное выжидание, он убивает и этого хохлача, берет его на буксир и возвращается к первому. Оба больших зверя привязаны по обеим сторонам каяка. Конечно, добыча хорошая, и охотник плывет не торопясь, но ничто не мешает ему поймать еще нескольких тюленей. Как только что-нибудь попадается ему на пути, он сейчас же отвязывает прежнюю

добычу, а поймав еще, привязывает и эту. Таким образом один охотник может буксировать до 4 хохлачей, а в случае необходимости даже и больше.

Между тем Тобиас, другой ловкий охотник поселения, не был так счастлив, как Боас. Сперва он начал охоту за одним тюленем, но тот нырнул и не показался снова в поле зрения. Позднее охотник увидел другого, но пока эскимос подходил к нему, рассекая водную поверхность, вдруг прямо перед каяком вынырнула огромная голова тюленя,¹ и в то же мгновение в него вонзился гарпун. Со страшным всплеском тюлень уходит вниз, гарпунный линь разматывается, но при этом застревает под метателем стрелы для птиц. С непреодолимой силой передний конец каяка втягивается в воду. Не успевает Тобиас опомниться, как он уже с руками в воде, виднеется лишь его голова да задний конец каяка, торчащий прямо из воды. Похоже на то, что тут дело конченное. Находящиеся поблизости эскимосы гребут изо всех сил к товарищу, однако, мало надежды² подоспеть во-время и спасти его. Но Тобиас превосходный гребец. Несмотря на всю трудность положения, он удерживает лодку прямо, пока тюлень тащит его по воде, стремясь затянуть совсем, а каяк поднимает вокруг фонтаны брызг. Но вот тюлень показывается снова; тут охотник хватает свое копье и поражает тюленя стремительным ударом, пронзив ему голову насквозь, еще одно слабое движение, и зверь мертв. Другие подплывают уже тогда, когда Тобиас привязывает добычу, как раз во-время, чтобы

¹ Это был взрослый самец-хохлач, с мешком над носом, который может раздуваться до поразительных размеров.

получить свой кусок сала.¹ Они никак не могут скрыть своего восхищения такой спокойной находчивостью и долго еще говорят об этом. Тобиас и Боас вообще лучшие охотники поселка. Мне о них рассказывали, что в своей юности они были столь ловки, что даже пренебрегали пузырями; они только обвязывали гарпунный линь вокруг пояса или вокруг каячного кольца и, когда попадали гарпуном в тюленя, а тот не бывал убит на месте, давали тюленю уходить, таща их и каяк за собой вместо пузыря. Гренландцы считают это самой высшей формой охоты, и это дается только немногим.

До сих пор была прекрасная погода. Колышавшаяся морская гладь блестела в лучах восходящего солнца, но за последние часы на юге по краю неба постепенно стали собираться грозные тучи. Только Тобиас закрепил пойманного тюленя, как послышался шум волн, и в южном направлении над морем показалось нечто похожее на дым. Это приближается шторм, дымок этот — морские брызги, которые ветер гонит перед собой. Из всех ветров гренландцы больше всего боятся южного шторма («нигек»), он всегда бывает чрезвычайной силы и поднимает огромные волны.

Нужно как можно скорей добираться до земли. Тем, кто не тащит с собой тюленя, легче быстро двигаться вперед, но эскимосы стараются держаться все вместе. Товарищ освобождает Боаса от одного из хохлачей. Не пришлось долго грести, как шторм уже разразился. Он вспенил воду, и каячники чувствовали

¹ Когда тюлень пойман, все каячники, находящиеся поблизости, получают свой кусок сала, который в таком случае тут же обычно и съедают.

его за собой как великана, подымавшего их и кидавшего вперед. Начинается серьезная игра, еще немного — и волны вздымаются, как водяные горы, обрываются и обрушиваются под каяками. Эскимосы плывут к земле; ветер дует почти поперек их пути, а до берега еще далеко, из-за брызг ничего не видно вокруг; только несколько голов, руки и концы весел показываются над пенистыми гребнями.

Приближается огромный вал; видно уже на далеком расстоянии, как мелькает что-то черное и белое. Все вздыбилось, неба почти не видно: в одно мгновение гребцы засунули весла за ремень с наветренной стороны, пригнулись, и вал обрушился на их спины. На секунду все исчезло. Те, кого еще не настигла волна, ждут с волнением: сейчас придет их черед — вал прокатывается, и каяки снова режут воду, стремясь вперед, как и раньше. Но такой вал не приходит один; следующий будет еще хуже. Гребцы кладут весла вдоль каяков с наветренной стороны, снова пригибаются вперед, и в то мгновение, когда белый каскад с грохотом обрушивается на них, сами переворачиваются под него — это несколько уменьшает силу волны. На мгновение все исчезает опять — но вот, выправившись, выныривает один каяк, немного спустя появляется другой дном вверх — это перевернулся Петерссуак (т. е. большой Петер). Товарищ спешит на помощь, но в эту минуту на них обрушивается третий вал: приходится заботиться о самом себе. Но поздно, и оба каяка бьются, плавая вверх дном! Второму эскимосу удается, однако, выправиться самому; его первая мысль о товарище, и он снова спешит ему на помощь. Он ставит свой каяк вдоль его каяка, кладет весло поперек обоих,

нагибается, находит под водой руку товарища и рывком тащит его вбок. Теперь и тот хватается за весло и тотчас же выпрямляет каяк. Куртка слегка соскочила с кольца с одной стороны, и в каяк набралось воды, но ее не так много, и эскимос может вполне справиться. Между тем подоспели и другие, им удастся поймать упущенное весло, и можно продолжать путь.

Тем, кто буксирует добычу, становится все труднее и труднее, они сильно отстают, а большие тюлени бьются и ударяются о края каяка. Охотники подумывают уже о том, чтобы отказаться от добычи, но самые тяжелые волны уже прокатились, и потому эскимосы решают подождать еще немного. Самый счастливый момент в жизни охотника, когда он гордо возвращается домой с добычей, а жена его и дети стоят на берегу, встречая его, и на лицах их светится радость. Мысленно он видит это еще в море и радуется как ребенок. Неудивительно, что эскимос неохотно расстаётся с пойманной добычей.

Много огромных валов обрушилось на гребцов, но вот, наконец, они подходят ближе к земле. Здесь они немного защищены группой островов, лежащих далеко к югу, волны здесь не так громадны; постепенно, по мере того, как каяки плывут вперед, становится все легче и легче, и им удастся плыть домой быстрее.

А дома женщины в страшной тревоге! Когда налетел шторм, они кинулись на наблюдательную гору, на мысы, толпясь здесь и с тревогой вглядываясь в бушующее море, ища сыновей, мужей, отцов и братьев. Тут стояли они и мерзли. Глаза расширились от страха; но вдруг женщины заметили гребцов в каяках, казавшихся на горизонте черными точками. По всему по-

селку проносится радостный крик: «Они едут! Они едут!» Начинают считать, сколько их; нехватает двоих — нет, вот один — нет, нет, все здесь! Все здесь!

Вот женщины начинают узнавать отдельных гребцов, отчасти по способу гребли, отчасти по каякам, хоть и различают их только в виде маленьких точек. Вдруг раздается дикий радостный крик: «Боарсе калигпок!» (Боас буксирует), его узнали по росту. Эта радостная весть несется из дома в дом, дети прыгают и кричат об этом в окна, а толпа на горе пляшет от радости. Раздается еще новый возглас: «Ама Тобиарсе калигпок!» (Тобиас буксирует тоже). И эта новость тоже передается из дома в дом. Но вот раздается: «Ама Симо калигпок!!», «Ама Даве калигпок!!» Теперь женщины снова высыпали из домов на гору; они всматриваются в море, где белеют разбивающиеся у островков и шхер белые волны и где время от времени далеко в море, среди катящихся масс воды, показываются одиннадцать темных точек, подходящих все ближе и ближе...

Наконец, первые каяки входят в бухту перед поселком, это те, у которых нет тюленей; легко и уверенно один каяк за другим направляется на плоский берег, вздымаясь высоко на хребте волн. Их принимают женщины, вытаскивая каяки подальше на берег. Затем прибывают и те, что везут с собой добычу. Им приходится приступать к делу осторожнее; сначала они отцепляют свою добычу и следят за тем, вытащили ли женщины туши на берег, только тогда уже они сами идут к берегу. Охотники благополучно выбираются из каяков, но, как и те, что прибыли раньше, занимаются только собой и своим снаряжением, кото-

рое относится наверх на место выше линии прилива. Охотники даже и не смотрят в ту сторону, где лежит добыча — с этой минуты женщине надлежит взять на себя всю работу с ней.

Тем временем мужчины идут домой, снимают с себя мокрую одежду и надевают домашнюю, которая, как мы видели, когда-то была очень легкой, а теперь стала более заметной.

Но вот начинается первый прием пищи; однако как следует охотники принимаются за еду тогда, когда новая добыча сварена и поставлена на большом блюде на пол — тут вареное мясо и сырое сало исчезают в невероятном количестве!

Когда голод таким образом утолен, женщины, как всегда, садятся за какую-нибудь работу, шитье или что-нибудь в таком же роде, а мужчины предаются вполне заслуженной лени, разве лишь займутся немного своим оружием, повесят просушивать гарпунный линь и т. п.

Охотники начинают рассказывать о событиях дня, а семья с интересом слушает их, в особенности мальчики. Рассказы сдержанны, без прикрас или попыток дать слушателям преувеличенное представление о трудностях, которые приходилось преодолеть, к чему мы, европейцы, в аналогичных случаях часто весьма склонны. Но такой рассказ очень ярок и красочен; он сопровождается жестикуляцией, отчего описание оживает еще больше.

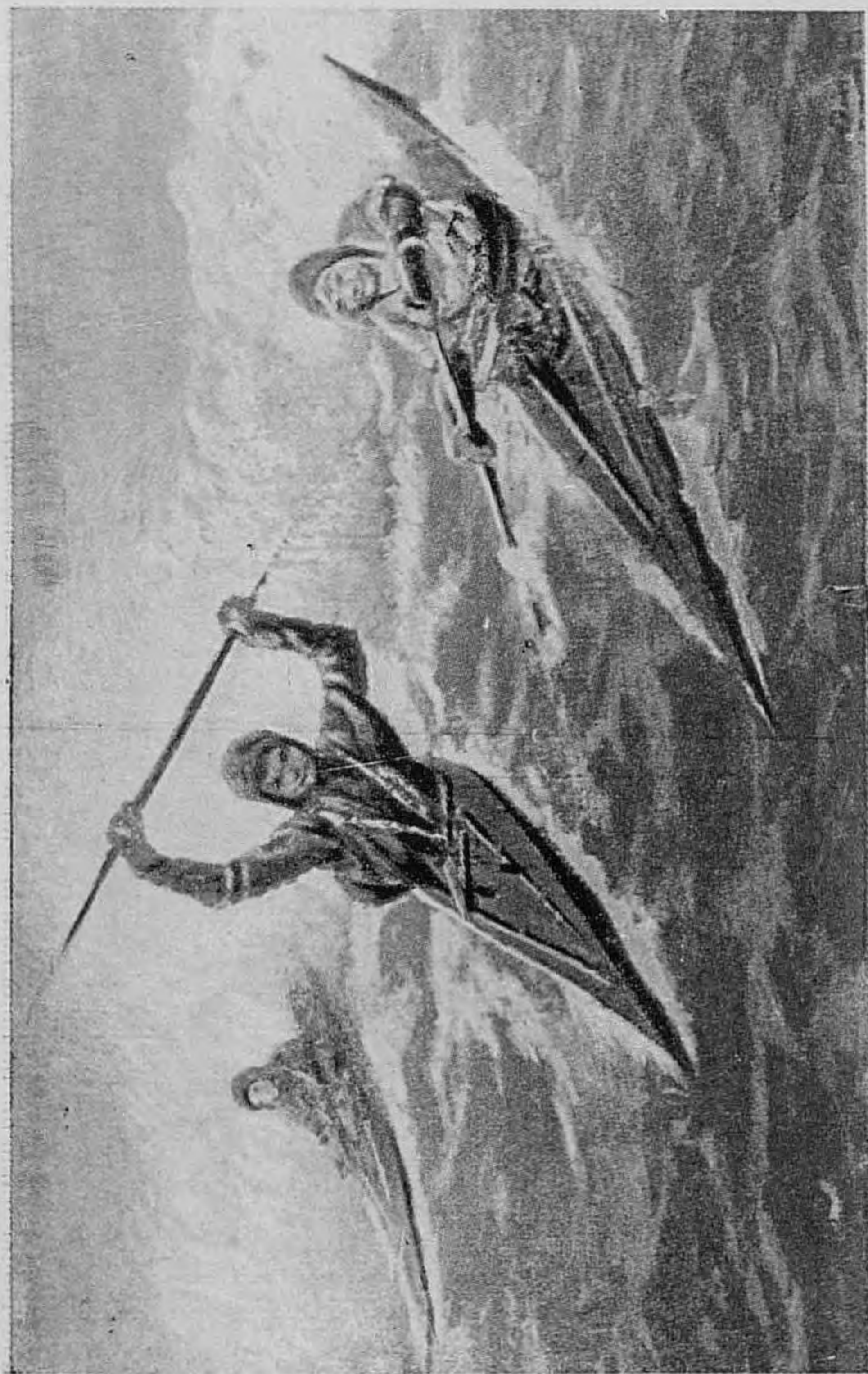
Иногда об удивительнейших событиях говорится всего несколько слов. Но часто, если представится к тому случай, свойственный эскимосам большой юмор вступает в свои права; рассказ неизменно встре-

чается раскатистым хохотом заинтересованных слушателей. Это образец счастливой жизни семьи.

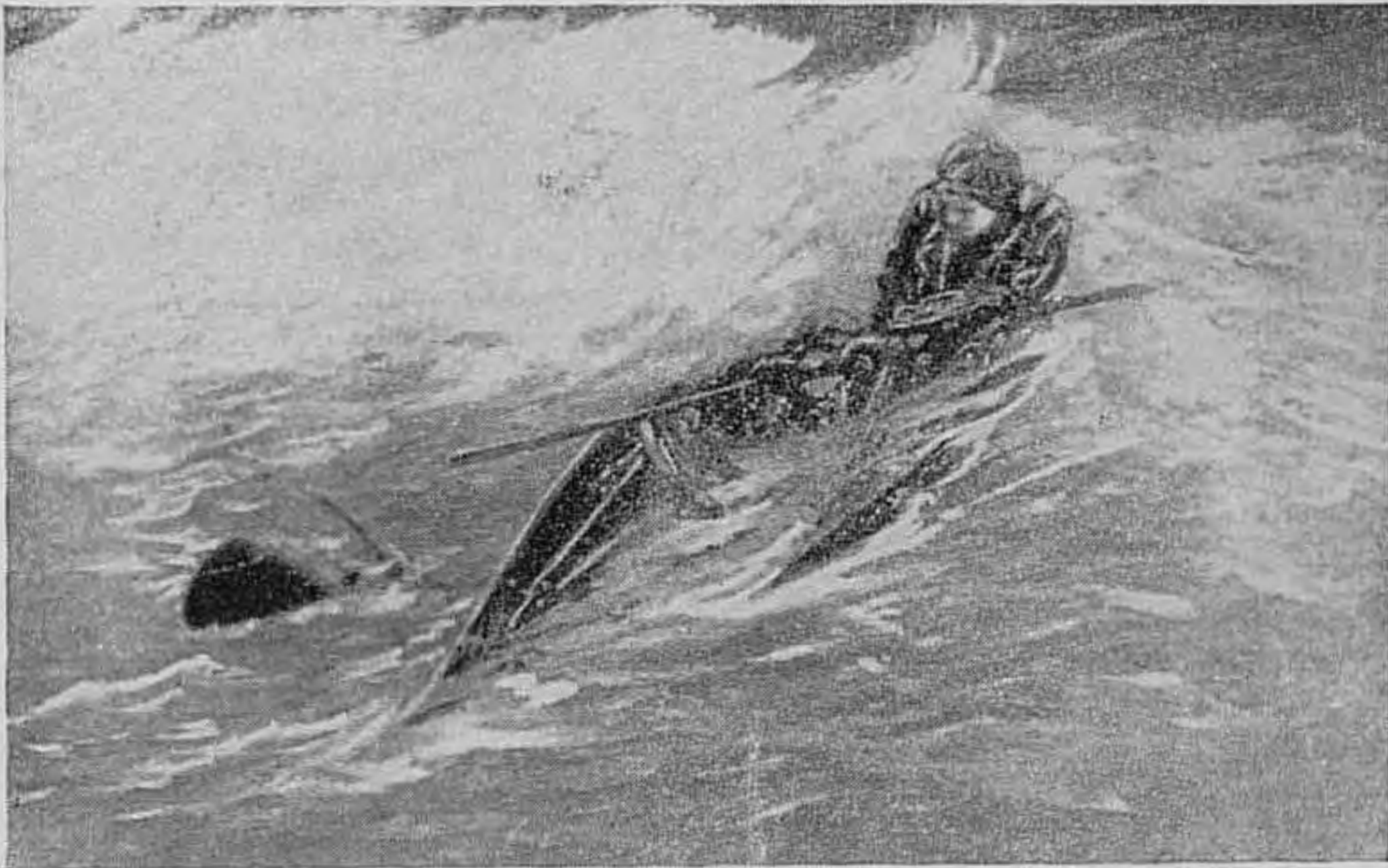
Так проходят дни эскимоса. Если в таких переживаниях, как описанное только что, и нет ничего необычайного, все же в них есть своя прелесть. Лучшие мысли эскимоса связаны с морем, тяжелая жизнь в море для него — смысл существования, и если ему приходится сидеть дома, он чувствует себя не в духе.

Но когда он старится — тогда его песня спета! Старость всегда печальна, и нигде это не чувствуется так, как здесь. Добродушные старики тоже были когда-то сильны и молоды, а иногда даже служили поддержкой всего своего небольшого общества. Теперь остались от жизни одни воспоминания, и старикам приходится принимать пищу от других. Но когда молодежь возвращается с моря со своей добычей, старики плетутся на берег, чтобы встретить их. Даже если это только я, и мне они рады помочь вытащить на берег каяк. Когда же наступает вечер, начинаются рассказы, вспоминается один случай за другим, все снова оживает, и молодежь загорается жаждой подвига.

Часто охота бывает опаснее, чем было описано выше. Само собой понятно, что человек в каяке не может кидать гарпун назад или направо, находясь в таком связанном положении в каяке, где и поворачиваться-то нельзя как следует. Если раненый хохлач внезапно нападет с одной из этих сторон, нужны находчивость и присутствие духа, чтобы избежать врага или успеть повернуться с достаточной быстротой и направить в зверя смертельный удар, прежде чем тот искалечит самого охотника. Не лучше бывает, если нападение произойдет снизу или если зверь вне-

Спасаются от непогоды (по рис. О. Синдинга)

Каячник помогает перевернувшемуся товарищу (по
рис. О. Синдинга)

В большую волну (по рис. А. Блоха)

запно появится у самого каяка. Животное быстро в своих движениях и не страдает недостатком мужества и силы; если зверь кинется на каяк и перевернет его, то на спасение мало надежды; в таком случае он часто нападает на человека под водой или набрасывается на дно каяка и прорывает в нем дыру. Здесь необходимы необычайное самообладание и хладнокровие, чтобы выправиться и снова принять бой со своим разъяренным противником. И все-таки случается, что такой перевернувшийся в каяке человек привозит домой свою добычу — убитого хохлача.

Еще худший противник — морж. Поэтому чаще всего, когда эскимосы идут на охоту на моржа, собирается несколько человек, чтобы один мог притти другому на помощь, если что-нибудь случится. Но нередко и отдельные охотники преследуют это животное. Морж, как известно, большое животное, до пяти метров длины, с толстой упругой кожей, толстым слоем жира, твердым черепом и огромным туловищем. Чтобы убить его, нужна верная и сильная рука. Как только на моржа нападают, он всегда имеет привычку переходить в наступление на своего противника и своими опасными клыками может причинить ему большой вред. Если же животных несколько, они могут окружить охотника и напасть все сразу.

Даже норвежские охотники, выходящие на моржа в больших крепких лодках, когда их в лодке много и вооружены они ружьями, дротиками и топорами, питают к моржу большое уважение. Насколько же нужно быть отважнее, чтобы нападать на него в утлой кожаной эскимосской лодке, с легким метательным оружием, да еще одному!

А для эскимоса это повседневное дело. Он выходит в бой со своим опасным противником; спокойно держа копье наготове, ждет его нападения и в нужное мгновение хладнокровно вонзает в его тело копье.

Охотясь на моржа, нужно больше чем когда-либо сохранять хладнокровие; могут возникнуть непредвиденные затруднения, и не так уж редко случаются и несчастья. У Кангамиута однажды на каяк было сделано нападение снизу, и вдруг длинный клык моржа, проткнув дно каяка и бедро человека, вышел сквозь палубу; другие охотники сейчас же пришли на помощь, и человеку удалось справиться и с помощью товарищей добраться до берега.

Кроме этих животных эскимос преследует в своем маленьком каяке и китов. Особенно один из их видов может быть опасен; это — косатка, или «ардлук», как ее называют эскимосы. При своей силе, быстроте и страшных зубах косатка может в одно мгновение покончить с каяком. Косатки боится даже сам эскимос, однако, это не мешает ему нападать на нее, когда к тому представится случай.

Раньше эскимосы охотились и за большими китами. Охота велась с больших женских лодок, где помещалось много людей, мужчин и женщин.

Не только большие животные могут подвергать эскимоса опасности. Даже при обыкновенной рыбной ловле, например, при ловле палтуса, могут случаться несчастья. Если не последить за тем, чтобы леска лежала правильно, и она где-нибудь зацепится, легкий каяк может перевернуться, когда такая сильная рыба при вытаскивании вдруг станет уходить в глубину. Таким образом многие нашли свою смерть.

Но не будем больше останавливаться на темных сторонах. Я надеюсь, что мне удалось дать читателю некоторое понятие об охотничьей жизни, которую эскимос ведет в море, и о тех опасностях, которым он ежедневно подвергается. Этого вполне достаточно, чтобы убедиться, что у такого народа нет недостатка в мужестве, когда это нужно, а также в выносливости и хладнокровном самообладании.

Но у эскимоса есть нечно большее — когда его постигает несчастье, он проявляет чрезвычайную выдержку и терпение. Сами гренландцы в газете «Атуагадлиутит» (т. е. нечто сделанное для того, чтобы читать) написали много статей о случившемся. Следующий небольшой рассказ взят оттуда, и он очень показателен.

«Один каячник из Торнаита у Фискернеса вышел однажды в феврале 1876 года в море, направляясь на север. Когда он прибыл на место охоты, перед ним вынырнул тюлень; эскимос стал вытаскивать ружье из каяка, чтобы выстрелить, но при этом случайно произошел выстрел, и пуля попала человеку в живот. Придя в себя, эскимос вылез на льдину и лег, но с севера дул сильный ветер, и волны заливали его, а потому ему пришлось снова влезть в каяк и грести к югу. Нужно удивляться выносливости этого человека, который вышел в открытое море, будучи так тяжело ранен. Представьте себе: он обошел острова, добрался до дома, вытащил свой каяк на берег и поставил знак, но тут упал у края льда, так как у него не осталось сил дойти до домов, стоявших в некотором отдалении от места высадки. Когда позднее охотники нашли и осмотрели его каяк, никто не мог

понять, как мог он остаться в живых, потеряв всю ту кровь, которая была на дне каяка. Когда его принесли домой, то, конечно, никто не надеялся, что он проживет ночь; однако, он скончался на третий день! Говорили, что он не боялся смерти, но чувствовал, что он взыскан милостью». ¹

Об этом народе можно рассказать много таких случаев. Их промысел сопряжен с опасностями и страданиями, но все же они занимаются им охотно.

Если бы когда-нибудь была написана история эскимосов — она оказалась бы длинным перечислением смелых подвигов и мужественных поступков; и сколько примеров самопожертвования и преданности пришлось бы описать. Как много примеров героизма оказались непоправимо забытыми! И этот народ мы — европейцы — называем недостойным и малодушным и считаем себя в праве презирать.

¹ По Х. Ринку (*Om Grønlaenderne, deres Fremtid osv. Köbenhavn, 1882*).

ЗИМНИЕ ДОМА. ПАЛАТКИ.
ЖЕНСКИЕ ЛОДКИ И ПОЕЗДКИ

З

ИМОЙ гренландцы живут в хижинах, построенных из камня и торфа.¹ Они возвышаются над землей всего на 1,5—2 метра, а пол находится ниже уровня земли. Крыша плоская, немного выпуклая. Снаружи хижина похожа просто на невзрачную кучу земли.

В таких хижинах только одно помещение; в нем чаще всего живет вместе несколько семейств, мужчины и женщины, молодые и старые.

¹ Описываемые здесь зимние и летние жилища употреблялись эскимосами в то время, когда Нансен посетил Гренландию (1888—1889). В настоящее время гренландские эскимосы обычно живут в деревянных домах с плитой и кафельной печью.
Прим. ред.

Потолок такой низкий, что человеку сколько-нибудь высокого роста трудно стоять выпрямившись. Помещение, как и сама хижина снаружи, имеет продолговатую четырехугольную форму. Вдоль всей длинной стены идут главные нары, около 2 метров ширины, где спят все живущие в доме, т. е. женатые, взрослые незамужние дочери и мальчики и девочки. Здесь спят в ряд друг около друга, ногами к стене, а головами внутрь хижины.

Холостые мужчины чаще всего помещаются на меньших нарах под окнами, расположенными на противоположной длинной стене; в небольших хижинах имеется одно окно, а в больших — два или три. Для окон на западном берегу эскимосы употребляют по большей части стекло, но в прежние времена они пускали в дело кишки или что-нибудь в том же роде.

По боковым стенам (коротким стенам) обычно тоже находятся нары. На них и на нарах под окнами чаще всего спят посторонние.

Если в одном доме живет несколько семейств, — а так обыкновенно и бывает, — то главные нары разделяются на отделения, по одному для каждого семейства, при помощи деревянных шестов, поставленных по переднему краю нар и доходящих до потолка; от них до стены идут низкие перегородки. Удивительно, каким малым пространством эскимосы могут довольствоваться. Капитан Холм¹ описывает одну хижину на восточном берегу, длиной в 8,5 метра и 4,5 метра ширины, где жило восемь семейств, всего 38 человек. В одном отделении, шириной в 1,75 метра, жил муж

¹ Датский исследователь Гренландии, особенно известный своими работами на восточном берегу в 1883—1885 г. *Прим. ред.*

с двумя женами и семьей детьми. На каждого приходилось немного места.

Подстилкой служат тюленьи шкуры или оленьи. Раньше эскимосы и укрывались шкурами, ложась спать в упоминавшейся ранее домашней одежде. Теперь на западном берегу они укрываются перинами.

С внутренней стороны стены хижины в прежнее время всегда обтягивались шкурами. Полом служила голая земля, частично выложенная обломками камня. Теперь у них стены по большей части обшиты досками и пол деревянный, который можно мыть. В хижины попадают через длинный и узкий ход, отчасти прокопанный в земле, отчасти построенный из камня и торфа. Снаружи в такой ход попадают через узкое отверстие; обычно ход так узок и низок, что нужно ползти на корточках, и для крупных людей проходить там довольно трудно. В Сардлоке я слышал об одном торговом агенте из Годтхоба, довольно толстом, который застрял в узком месте прохода в хижину Теркеля. Он старался пролезть, рычал, но не мог двинуться ни взад, ни вперед. В конце концов ему пришлось прибегнуть к помощи четырех мальчиков, двое толкали его сзади, а двое других из хижины тянули его за руки! Они старались и трудились в поте лица, но человек плотно застрял, как клочок пакли в канале ружейного ствола. Эскимосы уже стали было подумывать разобрать весь ход, чтобы освободить агента, когда он вдруг протиснулся. Насколько я помню, пришлось разбивать окно, чтобы снова выпустить его.

Из прохода в хижину попадают через небольшое квадратное отверстие, которое обычно бывает в пе-

редней длинной стене и закрывается щитом или дверью.

Этот ход служит для того, чтобы препятствовать холодному воздуху входить или легкому теплomu выходить; поэтому он и делается ниже хижины. Через него происходит некоторая вентиляция, так как в нем скопляется дурной тяжелый воздух из хижины, который потом и выходит мало-по-малу.

В гренландских хижинах старого типа не было очага. Они отоплялись при помощи жировых ламп, горевших круглые сутки. По ночам они горели не только для того, чтобы поддерживать тепло, но и для освещения, так как эскимосы в высшей степени суеверны и боятся темноты. В доказательство того, как плохо бывает людям в нужде, говорится: подумать только, ведь им, беднягам, приходится спать по ночам без горящей лампы!

Лампами служат большие плоские чашки, сделанные из мыльного камня. Они полукруглые, и вдоль прямого края их помещается фитиль из сухого моха; позднее фитили стали делать из ткани. Эти лампы стояли на треножниках на скамеечке или возвышении на переднем крае нар. Такая лампа имеется у каждого семейства, а так как в хижине живет несколько семейств, то ламп много; около каждого семейства горит лампа, а то и несколько. Раньше эскимосы варили над этими лампами и пищу в горшках из мыльного камня, спускавшихся с потолка.

Так обстоит дело и по сей день на восточном побережье. На западном побережье современная цивилизация произвела перемену в том отношении, что еда теперь обычно варится в особом помещении с очагом,

выстроенном рядом с проходом, ведущим в дом. В этих очагах в виде топлива употребляется торф, а также куски высушенного помета чаек. Вместо каменных горшков в ходу чугунные кастрюли, купленные в магазинах колоний.

Многие западные гренландцы, больше того, настолько эмансипировались, что купили печи, которыми они, вместо жировых ламп, отепляют свои дома. Топливо для этих печей такое же, как упомянуто выше. Однако, одновременно незаменимые лампы все же продолжают гореть ради освещения или по какой-нибудь другой причине.

Зимой, когда все замерзает, хижины еще пригодны, но летом, когда стены оттаивают, а крыши протекают, а иногда и обваливаются, эти постройки отнюдь не здоровы. Поэтому при наступлении весны, в апреле, гренландцы всегда выбирают из хижин и часто даже сносят крыши, чтобы хижины к осени как следует проветривались и вымывались дождем — чрезвычайно удобный способ производить генеральную уборку.

Все лето и большую часть осени до сентября или октября гренландцы живут в палатках. У каждого семейства обычно имеется своя собственная палатка. Она своеобразной полукруглой формы со входом в высокой прямой стороне. Внутри она устроена почти так же, как и хижина, с нарами вдоль покатой задней стены как раз напротив дверного отверстия, которое закрывается занавеской из полупрозрачной кожи, сшитой из кишек. Стены палатки состоят снаружи из непромокаемых шкур без волоса (обычно для того употребляются старые кожи с лодок), а с внутренней сто-

роны из шкур оленя или тюленя с волосом. В таких палатках, где довольно тепло, эскимосы ходят голыми, как и в хижинах.

С летней жизнью в палатках неразрывно связана большая лодка для поездок, называемая по-эскимосски «умиак». Европейцы называли ее «женской лодкой», потому что, в противоположность каяку, в ней гребут обыкновенно только женщины.

Эта лодка от 10 до 12 метров длины и совсем открытая. У нее деревянный каркас из плавника, и обтянута она тюленьими кожами; она относительно очень узкая и с плоским дном. В этой лодке легко грести, но вследствие ее формы мореходные ее качества очень низки; поэтому гренландцы всегда пристают к берегу, если поднимается сколько-нибудь значительный ветер. На лодке обычно бывает небольшой парус, который ставится на форштевне. В плавании под парусом эскимосы, однако, мало сведущи и не питают к этому, видимо, никакого пристрастия.

Умиаки настолько поместительны, что в одной лодке хватает места для всего хозяйства, со всем входящим в него: палаткой, санями, собаками, детьми и взрослыми. В ней гребут иногда десять женщин, и, когда их так много, лодка может идти хорошим ходом. Она обычно управляется отцом семейства, а остальные мужчины семейства следуют в каяках.

В женских лодках гренландцы все лето переезжали с одного места охоты на другое; там, где есть олени, они проводили в фиордах несколько месяцев, охотясь и живя привольно и радостно.

По временам они предпринимали длинные путешествия по западному берегу, как это они еще и теперь

делают у восточного берега. Так, из района Ангмагс-саликка на восточном берегу, под $65\frac{1}{2}^{\circ}$ северной широты, семейства проезжали длинный путь к торговым поселкам к западу от мыса Фарвель и обратно, а это расстояние составляет 800 километров в один конец. Они ездили обычно не спеша. Одна из двух встретившихся нам лодок на восточном берегу у мыса Билле в 1888 году, направлявшаяся на юг, дошла до Паминагдлука к западу от мыса Фарвель только через два года, а это всего лишь 300 километров, которые я считал возможным пройти в своих лодках в одну-две недели. Но как только эскимосы доходят до места, где много тюленей, они пристают к берегу, разбивают лагерь, охотятся и привольно живут. Если приближается осень или зима, они выбирают удобное место и строят зимний дом, чтобы весной или летом вновь продолжать свое путешествие, когда лед позволит им двинуться дальше. Упомянутой лодке понадобилось, таким образом, три года, чтобы дойти от своего дома у Умивика до торгового поселка, и, конечно, на обратный путь она потратит времени не многим меньше. Другая женская лодка, вышедшая от мыса Билле на юг, дошла до Нанусека, где и зазимовала; но умер отец семейства, эскимосы повернули обратно и начали свой обратный длинный путь до Ангмагссаликка, не окончив начатого дела, так как не дошли до торгового поселка, который был от них всего в 110 километрах.

Путешествия вдоль западного побережья совершались, конечно, гораздо легче и быстрее, так как им не препятствовал дрейфующий лед.

Кочуя таким образом, эскимосы не оставались изолированными на каком-нибудь одном месте. Они встре-

чались с другими людьми и все лето жили в общении с другими, и в этом было много преимуществ; они оживлялись, интерес к охоте повышался, и всячески развивались охотничьи способности. Благодаря перемене мест охоты, они промышляли значительно больше дичи.

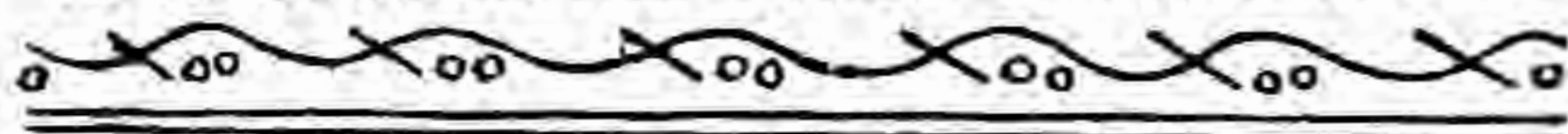
Эта летняя жизнь в относительно более чистых и проветривающихся палатках была и очень приятна и значительно здоровее, чем пребывание в душных, вонючих землянках. Поэтому неудивительно, что самые прекрасные мечты о счастье связаны у гренландца с женской лодкой и палаткой.

В данном случае мы, европейцы, — увы! — опять внесли печальные перемены. Ханс Эгеде горько жаловался на трудность отучить гренландцев от их постоянных странствований и заставить их поселиться на одном месте, чтобы он всем им мог проповедывать христианство в свое удовольствие. Он даже предлагал заставить их вести менее кочевую жизнь. Если бы этот набожный человек, думавший только о наступлении царства божьего, жил в наши дни, то он в этом отношении мог бы быть счастливым, так как гренландцы-христиане сейчас почти не кочуют. По причине сильнейшего обнищания, навлеченного нами на эскимосов, с каждым днем остается все меньше и меньше охотников, могущих добыть достаточное количество шкур для изготовления женской лодки и палатки, между тем обе эти вещи совершенно необходимы для путешествия. Эскимосы все более и более принуждены проводить круглый год в нездоровых зимних домах, которые являются, конечно, настоящими рассадниками бактерий и всяких заразных заболеваний, между тем

как они не в состоянии переменить свои охотничьи земли и вынуждены придерживаться одних и тех же мест из года в год. При таких условиях промысел, конечно, значительно сократился, еда вследствие этого стала гораздо менее обильной, и необходимых тюленьих шкур становится все меньше и меньше.

Как только все жители Гренландии опустятся до уровня идеала Эгеде и совершенно бросят кочевые привычки, их вряд ли можно будет спасти. Падение в этом направлении за последние годы стало очень тревожным.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ ПИЩИ И ЛАКОМСТВА

ОТСУТСТВИЕ у гренландцев определенного времени для принятия пищи — одна из примечательных черт их повседневной жизни; обычно они едят тогда, когда бывают голодны, если пищи достаточно. Как уже упоминалось, охотники часто целый день остаются без пищи. У них удивительная способность выносить голод, но зато они могут вмещать в себя зараз невероятные количества мяса, сала, рыбы и пр.

Их поварское искусство просто, и выучиться ему легко.

Рыбу и мясо они едят частью в сыром или замороженном виде, частью в вареном или сушеном, а частью заставляя мясо подвергаться своего рода

гниению или брожению; в последнем случае оно называется «микиак» и съедается без всякого иного приготовления. Таким блюдом — ценимым очень высоко — являются тухлые тюленьи головы.

Сало тюленя или кита едят обычно сырым. Всех разборчивых культурных людей коробит при одной мысли о том, чтобы есть сырое сало. Но оно действительно очень вкусно, особенно, если совсем свежее; у него сладковатый, даже немного приторный вкус, напоминающий сливки, и нет ничего похожего на то, что мы называем вкусом рыбьего жира; такой привкус появляется только тогда, когда сало варится или жарится или когда оно прогоркнет.

У гренландцев, во всяком случае раньше, была в ходу различная растительная пища. Они едят медвежьей дудку (*angelica*), стебли ее в прежнее время сохранялись в рыбьем жиру. Затем, кроме водяники и черники, они употребляют в пищу одуванчик, щавель и разные виды водорослей. Все же самый лучший их деликатес — содержимое желудка оленя. Если гренландец убьет оленя и может захватить с собой только немного, он прежде всего вынет желудок, а гренландская дама, прощаясь со своим возлюбленным, идущим на охоту на оленя, всегда напомним ему, чтобы он не забыл угостить ее содержимым желудка. То, что олений желудок ценится так высоко, объясняется, вероятно, тем, что в нем содержатся растительные вещества и минеральные соли, в которых эскимос нуждается. Кроме того там собраны оленем самые нежные побеги моха и травы, которые в желудке переработались в какое-то кушанье, пропитанное пряным соусом желудочного сока. Я пробовал это блюдо и не нашел

его несъедобным; оно кислое и напоминает старую простоквашу. Чтобы оно было действительно изысканным, в него прибавляют куски сала и водянику.

Другое блюдо, которое тоже покажется отвратительным многим европейцам, — это внутренности куропаток. Здесь эскимосы не ограничиваются одним желудком, но разом проглатывают кишки со всем их содержимым. Куропатку же по очень дешевой цене продают купцу. Поэтому в Гренландии никогда не увидишь куропатки с внутренностями, разве только если сам убьешь ее.

Когда однажды мы были на охоте у фиорда Амералик и с нами был гренландец Юль, то в один прекрасный день он выпотрошил всех наших куропаток. Их было значительно больше сотни, поэтому он не смог съесть всего тут же на месте и собрал остальное в большой мешок. Он думал съесть это вместе со своей милой Анной-Корнелией, но, конечно, прежде чем вернулся домой, все это обратилось в кисель. К сожалению, я ничего не могу сказать о том, каково на вкус это кушанье, это единственное гренландское блюдо, которого я не попробовал.

Из других лакомств я могу назвать кожу («матак») китообразных (особенно белухи и дельфина), которая считается величайшей прелестью. Кожа снимается с приставшим к ней жиром и тут же съедается в сыром виде.

Я должен принести эскимосам мои искреннейшие поздравления по поводу изобретения ими этого блюда. Могу заверить читателя, что теперь, когда я пишу эти строки, у меня слюнки текут при одной мысли о «матке» с его неописуемо нежным вкусом орехов, сме-

шанных с устрицами. У этого блюда перед устрицами еще следующее преимущество. Кожа китообразных упруга — ее жуешь как резину, а потому удовольствие можно растянуть до бесконечности. Даже датчане в Гренландии очень любят это лакомство, когда его можно достать, но, обычно, они варят его, придавая ему консистенцию желе, легкую для жевания. Вкус орехов и устриц при этом совершенно пропадает.

Прекрасное блюдо, которое, однако, не может сравниться с матаком, — это сырая кожа палтуса, у нее то же преимущество: ее можно растянуть надолго, так как она чрезвычайно упруга. Это очень деликатное кушанье, и особенно оно хорошо зимой. Гренландцы так же охотно едят сырую тюленью кожу вместе с салом. Она тоже вкусна, но я никак не мог поладить с волосами.

Эскимосы едят мясо тюленя, оленя, кита, птиц, зайца, медведя и даже собаки и песца. Насколько я знаю, единственным, чем они пренебрегали, был ворон; он питается на свалках и потому считается нечистым, как и растущие там растения.

Гренландцы не любят постного мяса; так, например, они предпочитают куропаткам морских птиц. Как-то в одной из колоний в южной Гренландии случилось, что датский служащий, только что приехавший в эту страну, пригласил в гости несколько человек, причем жена его угостила их самым лучшим по ее мнению, а именно — жареными куропатками. Но гренландцы ели мало, хотя хозяйка старательно их угощала. Она спросила их тогда: может быть, они не едят куропаток? — Нет, — отвечали они, — мы, конечно, едим их, но только в голодное время.

В гренландских хижинах стола не имеется.¹ Блюдо с пищей ставится прямо на пол, а люди, сидя кругом на нарах, тянутся туда теми вилками, которыми их снабдила природа. Им редко приходит в голову поставить блюдо на ящик или что-нибудь в этом роде. Словно у них какая-то особая потребность нагибаться. Рассказывают историю об одной молодой датчанке, только что приехавшей в Гренландию и нанявшей несколько эскимосских женщин для большой стирки. Войдя в прачечную, она увидела, что все стоит в наклон над корытом, поставленным на полу; считая, что такое положение неудобно, дама дала им скамейки, чтобы поставить на них корыто. Через некоторое время она снова вошла и была немало удивлена, увидев, что эскимоски сами стояли на скамейках и стирали в корытах, попрежнему стоявших на полу.

Из многих товаров, которые привезли с собой европейцы, гренландцы больше всего пристрастились к кофе; на западном берегу это превратилось чуть ли не в порок. Они готовят кофе крепким и пьют никак не меньше двух больших полоскательниц зараз. Ничто не мешает эскимосам пить кофе четыре, пять раз в день — это так вкусно, и от него приходишь в такое хорошее настроение! Но они понимают его вредное действие, и поэтому молодежь, чтобы из нее вышли хорошие охотники, получает мало или совсем не получает кофе. Головокружения, которыми иногда страдают пожилые люди и от которых они становятся в каяке неуверенными, по мнению эскимосов, происходят от кофе. Эти данные опыта отвечают ре-

¹ В современных эскимосских домах стол является обязательным предметом мебелировки. *Прим. ред.*

зультатам произведенных физиологических исследований, обнаруживших, что некоторые ядовитые вещества кофе поражают именно те части нервной системы, от которых зависит равновесие.

Кроме кофе эскимосы любят табак и хлеб. Табак на западном берегу по большей части курят и жуют. Эскимосы на восточном берегу питали склонность к нюхательному табаку, она проявлялась и у некоторых женщин на западном берегу. Часто случалось делать неприятное открытие при виде того, как молодая привлекательная красавица брала хорошую понюшку, так что и верхняя губа и ноздри забивались бурым веществом.

К счастью, датское правительство запретило продажу гренландцам спиртных напитков, но местные европейцы имеют право выписывать их с родины, и им разрешается угощать гренландцев. Эскимосы страстно любят спиртное — как мужчины, так и женщины — не потому, что это вкусно, часто сообщали они мне, а потому, что так чудесно быть пьяным. А пьяны они бывали всякий раз, когда к тому представлялся случай; к счастью, это бывает не так уж часто.

В противоположность тому, что бывает обычно у нас, жены гренландцев очень любят, когда мужья пьяны, и чрезвычайно забавляются их видом. Но, за небольшими исключениями, и женщины и мужчины в таком вакхическом состоянии значительно менее противны и более мирны, чем обычно в таких же условиях бывают у нас. Вначале эскимосы называли водку «силаерумартак», что означает «нечто, от чего теряешь рассудок», теперь они обыкновенно называют ее «снапсемик».

ХАРАКТЕР И СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ

К

ОГДА я вижу все ссоры и грубую брань противников, образующие главное содержание газет различных партий у меня на родине, я иногда задаю себе вопрос, что бы эти уважаемые политиканы сказали, если бы они знали что-нибудь об эскимосской общине, не покраснели ли бы они перед народом, который божий человек Ханс Эггеде охарактеризовал следующим образом: «это невежественные хладнокровные существа, живущие без порядка и дисциплины, в скотской тупости, не зная никаких богослужений». С полным правом эти «дикари» стали бы смотреть на нас сверху вниз, если бы они знали, что у нас, даже в общественной прессе, мы награждаем

друг друга самыми низкими названиями, как например: «лгун», «предатель», «клятвопреступник», «деревенщина», «бездельник» и т. д., в то время как они никогда не произносят бранного слова, ибо в их языке этих слов, которыми наш так богат, вовсе нет.

Гренландец самый порядочный человек, какого только создавала природа. Доброта, миролюбие и уживчивость — выдающиеся черты его характера. Он всегда готов быть со всеми в самых лучших отношениях и избегает задевать человека, не говоря уж о грубой брани. Он не любит противоречить кому-нибудь, даже если знает, что сказанное ему — не верно; во всяком случае он возражает в возможно мягкой форме; ему очень трудно прямо сказать, что человек говорит неправду. Он старается не говорить правды, если думает, что она кому-нибудь неприятна; он охотнее будет употреблять неопределенные выражения, даже если это касается столь безразличных вещей, как, например, погода и ветер.

В общем, гренландец счастливый человек; его характер веселый и легкий, как у ребенка. Если у него случается горе, он в данный момент может глубоко его чувствовать; но горе скоро забывается, и тогда он опять становится таким же веселым и довольным своим существованием, как обычно.

Этот радостный и легкий характер заставляет его мало задумываться о будущем. Даже если он долго голодает и ему тяжело живется, все это скоро забывается, как только появляется пища, и воспоминание о перенесенных лишениях так же мало влияет на его удовольствие и радость, как и страх того, что может случиться завтра или послезавтра. Единственно, что

может омрачить его радость — это лишения, испытываемые другими тогда, когда самому ему так хорошо, а потому он и делится с другими всякий раз, когда у него есть чем делиться. Если его маленькие дети голодают, он принимает это особенно близко к сердцу.

Довольно распространено мнение о том, что гренландская общественная жизнь беспорядочна и не имеет законов, но полагаться на него ошибочно. Она, наоборот, была искони веков на редкость организована. У нее свои обычаи и свои, передающиеся из уст в уста, определенные правила, которым почти всегда подчиняются.

Но вот появились европейцы. Не зная и не понимая народа и его потребностей, они прежде всего решили, что все подлежит коренному улучшению, и принялись нарушать весь их общественный уклад. Сначала эскимосы с изумлением слушали пришельцев. До сих пор они были вполне довольны собой и всем своим существованием, не зная даже, что жизнь и люди так плохи, как миссионеры усердно старались уверить их. Действительно, европейцы часто оскорбляли эскимосов своим обращением.

Они старались заставить эскимосов совершенно изменить характер, навязали им чуждую религию и разбили их уважение к своим старым обычаям и традициям, конечно, не будучи в состоянии дать им взамен новые. Миссионеры полагали, что могут превратить этот дикий, свободный народ охотников в цивилизованную, христианскую нацию, не подозревая ни одной минуты, что по духу эскимосы были во многих отношениях более христианами, чем они сами, и, между

прочим, как многие примитивные люди, на практике проводили христианскую доктрину любви (милосердия) гораздо полнее, чем любая христианская нация. Коротко, европейцы вели себя в Гренландии совершенно так же, как привыкли вести себя всегда, когда они действуют во имя христианской религии, стараясь «чтобы бедные язычники стали участниками в блаженстве вечной правды».

Сила, вытекающая из более высокого развития, постепенно дала европейцам перевес, так что с течением времени они внесли полную смуту в первобытный социальный порядок эскимосов и заменили его неопределенной смесью эскимосских и современных европейских обычаев; в то же время они еще произвели плачевное смешение пород и создали, без помощи духовенства, чрезвычайно нечистокровное на-родонаселение.

Как у всякого охотничьего народа, понятие эскимосов о собственности весьма ограничено. В отношении большинства у них господствует известного рода коммунизм, но в зависимости от природы вещей он всегда ограничен более широким или более узким кругом людей. Самую узкую социальную единицу составляет семья, затем идут живущие в одном доме и их ближайшие родственники и, наконец, все семейства одного поселка.

Частная собственность наиболее полно признается в отношении каяка, каячной одежды и орудий охоты. Все это принадлежит одному охотнику, и никто не смеет этого трогать. Эти предметы служат эскимосу для добывания средств к собственному существованию и существованию его семьи, и, следовательно, охотник

всегда должен быть уверен в том, что он найдет эти вещи там, куда положил их; их даже редко дают кому-нибудь в пользование. Раньше у хороших охотников бывало всегда два каяка, но теперь это не так обычно. Лыжи тоже могли бы считаться принадлежащими к орудиям охоты, но так как они впервые были ввезены европейцами, то и право собственности на них не коснулось их в той же степени. В то время как эскимос редко или даже никогда не трогает оружия другого, он, не задумываясь, берет в пользование чужие лыжи, даже не спрашивая.

За орудиями охоты и личной одеждой идут вещи, употребляющиеся в доме, как, например, ножи, топоры, пилы, ножи для шкур и т. п. Однако, многие из этих вещей, а в особенности женские швейные принадлежности тоже считаются частной собственностью.

Остальной инвентарь составляет общую собственность семейства или даже живущих в одном доме. Женская лодка и палатка принадлежат отцу семейства или семейству. Хижина тоже принадлежит семейству, а если в ней живет несколько семейств, то все владеют ею сообща.

Какой-нибудь земельной собственности эскимос не знает, но в то время, когда мы были там, существовало правило, что никто не может ставить свою палатку или строить дом на том месте, где уже раньше жили, без согласия предшественников.

Может быть, рудиментарное понятие о земельной собственности заключается в правиле, по которому там, где в богатых лососями реках построены запруды для скопления рыбы, постороннему не приличествует изменять запруды или ловить в них сетями рыбу.

Плавник принадлежит тому, кто первый его нашел плавающим в море, где бы то ни было. Чтобы сохранить на него право, нашедший должен отвезти его на берег и положить выше линии прилива и лучше всего пометить тем или иным способом. Эскимос питает к этой собственности большое уважение, и тот, кто оставил плавник на берегу, может быть вполне уверен в том, что много лет спустя снова найдет его там, если только на этом месте не побывали европейцы. На взявшего плавник смотрели как на мошенника.

Кроме вышеперечисленных предметов,¹ гренландец, согласно своим первобытным привычкам, может владеть очень малым. Даже если бы он имел возможность накапливать богатства, что бывает очень редко, то его более нуждающиеся собратья имели бы право силою взять то его имущество, которое ему самому не нужно. Благодаря этому мы в Гренландии находим следующее печальное положение вещей: европейские иммигранты, которых в действительности поддерживают туземцы, часто становятся богатыми и живут в достатке, во всяком случае по эскимосским понятиям, в то время как туземцы живут в нужде.

У гренландца не существует даже полного права собственности на свою добычу. С древних времён существовали определенные правила, в соответствии с которыми она и делится, и только некоторую дичь охотник мог оставить исключительно себе и своему семейству. К таковым принадлежит «атак», или гренландский тюлень, но даже и от него он должен дать

¹ К этому списку должны быть добавлены еще собаки, а в отношении северных и восточных гренландцев еще и собачьи нарты.

по куску сала каждому каячнику из тех, кто подъедет сейчас же, как тюлень будет пойман; когда охотник приезжает домой, то и дети поселка получают тоже по куску сала. Для других видов тюленей существуют определенные правила, по которым все животное делится между присутствующими или теми, кто участвует в охоте или, наконец, между всеми хижинами поселка. Последнее практикуется особенно с моржом и многими китообразными, например, белухой; от нее охотник получает сравнительно небольшую часть, даже если он один поймал ее. Если к берегу доставляется большой кит, то получается довольно неприятное зрелище — все жители поселка, вооружившись ножами, бросаются на кита, чтобы получить свою часть, пока он еще в воде.

Даже если гренландец выполнил все вышеназванные законы, он не всегда может оставить у себя принадлежащую ему часть добычи. Если он поймает ее в то время, когда в поселке ощущается недостаток пищи, то ему вменяется в обязанность или устроить угощение или поделить добычу между другими хижинами, где, может быть, уже давно не видели свежего мяса.

Когда бывает хорошая охота, устраиваются пиршества, и эскимосы едят столько, сколько могут осилить. Если не все съедается и пищи достаточно и в других домах, часть ее оставляется для зимних запасов. Но когда наступают тяжелые времена, то считается обязанностью тех, у кого есть что-нибудь, помогать тем, у кого ничего нет, пока бывает чем помогать. А потом эскимосы голодают все сообща, а иногда и умирают с голода. В Гренландии неслыхано, чтобы кто-нибудь

жил излишествуя, когда другие нуждаются, что в европейском обществе явление повседневное. Зато европейские колонисты, с обычной предусмотрительностью своей расы, часто имеют склады провизии, в то время как гренландцы умирают с голоду.

Как видно, законы направлены на то, чтобы добыча, насколько возможно, шла на пользу всего поселка, и отдельные семейства не были в полной зависимости от ежедневного улова своих кормильцев. Эти законы развивались под влиянием долголетнего опыта и устанавливались многими поколениями.

Гренландец, в целом, похож на симпатичного ребенка, относящегося внимательно к нуждам другого; его первый социальный закон — это помощь ближнему. От этого закона и от их обычая держаться друг за друга и в горе и в радости зависит существование маленькой гренландской общины. Суровая жизнь научила эскимоса, что, как бы он силен ни был и как бы ни был способен заботиться о себе, все же может наступить время, когда он без помощи своих собратьев должен будет погибнуть; потому лучше помогать другим. «Поэтому поступай с ближними так, как ты бы хотел, чтобы они поступали с тобой», — эту заповедь сама природа внушила гренландцу, и он всегда и поступает так, что вряд ли можно сказать о христианских народах.

Если существует закон о помощи своему соседу, то существует также и закон о гостеприимстве по отношению к постороннему. Путешественник входит в первую встреченную им хижину и может оставаться там столько, сколько необходимо. Его хорошо принимают и угощают всем, чем располагают, даже если это не-

друг. Когда он уходит, то часто получает пищу на дорогу. Я встретил людей в каяках, нагруженных палтусиной, которую они получили в подарок, покидая хижины, где им пришлось пробыть несколько дней из-за шторма. Платить за такое пребывание не полагается. Европейца тоже везде принимают гостеприимно, хотя гренландцы и не могут потребовать того же самого от него, проезжая мимо его дома. Европейцы часто отплачивают за гостеприимство, так как у них есть кофе или еще что-нибудь в этом роде, чем они и угощают своих хозяев. Капитан Холм привел много удивительных доказательств тому, что гостеприимство является неременным долгом среди эскимосов, живущих вдоль восточного берега. Так, он рассказывает о некоем Маратсе, убившем своего отчима. Маратсе был нехороший человек, которого никто не любил, но все-таки он был принят и долго оставался в семье, близкой убитому, когда посетил ее; однако, эскимосы осуждали его, когда он уехал.

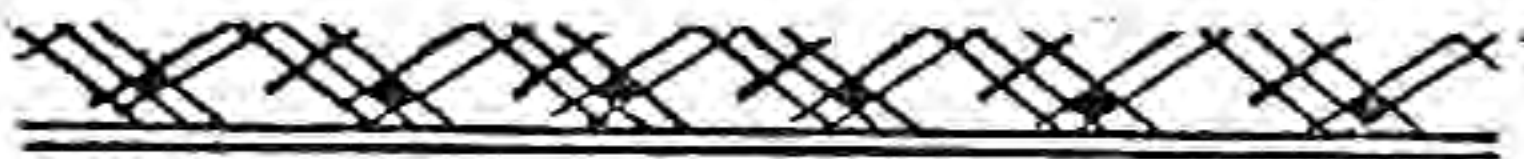
Конечно, проявлять гостеприимство эскимосов принудили также и тяжелые природные условия; их часто застигала непогода, когда они уходили далеко от дома, и им приходилось искать приюта в ближайшем доме.

Многие из моих читателей, вероятно, считают, что я несправедлив к нам, европейцам; но такого умысла у меня не было. Если европейцы не имели лучшего влияния на эскимосов, то этот факт не всегда может быть прямо поставлен им в вину; обстоятельства сделали это неизбежным, несмотря на прекрасные намерения со стороны европейцев. Например, они добросовестно старались воспитать среди гренландцев чувство

собственности, поощряя их беречь часть своей добычи вместо того, чтобы расточать ее на свободе с их обыкновенной щедрой манерой и т. д.; европейцы руководствовались при этом принципом, что хорошо развитое чувство собственности — первое условие цивилизации. Является ли это благодеянием для эскимосов — этот вопрос может вызвать сомнения у многих; что касается меня, то у меня сомнений на этот счет нет. Я должен согласиться, конечно, с тем, что цивилизация предполагает в человеке гораздо более сильно развитую способность к приобретению земных благ, чем та, что имеется у эскимосов; но вот чего я не могу понять: что этим бедным эскимосам делать с цивилизацией? Она безусловно не делает их счастливее, но губит в них все прекрасные, благородные черты характера, ослабляет их в борьбе за существование и неминуемо ведет их к бедности и страданиям.

Законы, на которых основывалось гренландское языческое общество, как мы видим, чрезвычайно близки настоящему социализму, проведенному в жизнь.

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ И РАБОТА

МНОГИЕ из ведущих мыслителей заметили, что социальное положение, занимаемое женщиной, является лучшим критерием для определения степени цивилизации данного народа. Я не вполне убежден, что так обстоит дело всегда, но если это положение справедливо, то мы имеем здесь еще одно указание на то, что за эскимосами надо признать сравнительно высокий уровень развития, так как женщина играет немаловажную роль в эскимосской общине.

Правда, по древним понятиям эскимосов женщина рассматривалась почти как собственность мужчины; он мог одолжить ее или обменять на другую, а если у него была на то возможность, приобрести себе не-

сколько женщин. Но обыкновенно с ней хорошо обращались.

Работа между обоими полами довольно резко разграничена.

У мужчины своя тяжелая жизнь в море, он охотится и снабжает пищей; но когда он подходит к берегу со своей добычей, кончается важнейшая часть его работы на поддержание общества. Здесь его встречают женщины, помогающие ему выйти на берег, и, в то время как он заботится только о каяке и своих орудиях, женщины должны тащить добычу к дому. Во всяком случае в прежние времена помогать в этой работе считалось ниже достоинства охотника, так это остается по большей части и посейчас.

Женщины свежуют тюленя и разрезают добычу на части по определенным правилам, и затем хозяйка начинает дележ. Работой женщины является также приготовление пищи, обработка шкур, обтяжка каяков и женских лодок, шитье одежды и вся остальная домашняя работа. Как упоминалось, женщины гребут в женской лодке; каяк же исключительно мужская лодка.

Когда семейство охотится на оленя, то, само собой разумеется, оленя стреляет мужчина, тогда как зачастую тащит тушу оленя к палатке женщина; это работа, требующая усилий, и женщина проявляет здесь большую выносливость. Единственный промысел, которым обычно занимаются женщины — «ангмагссат», или ловля мойвы сачком. Она происходит ранним летом, когда мойва часто подходит к берегу такими густыми стаями, что ее можно вылавливать с женской лодки или с берега сачком. Ловят ее столько, сколько

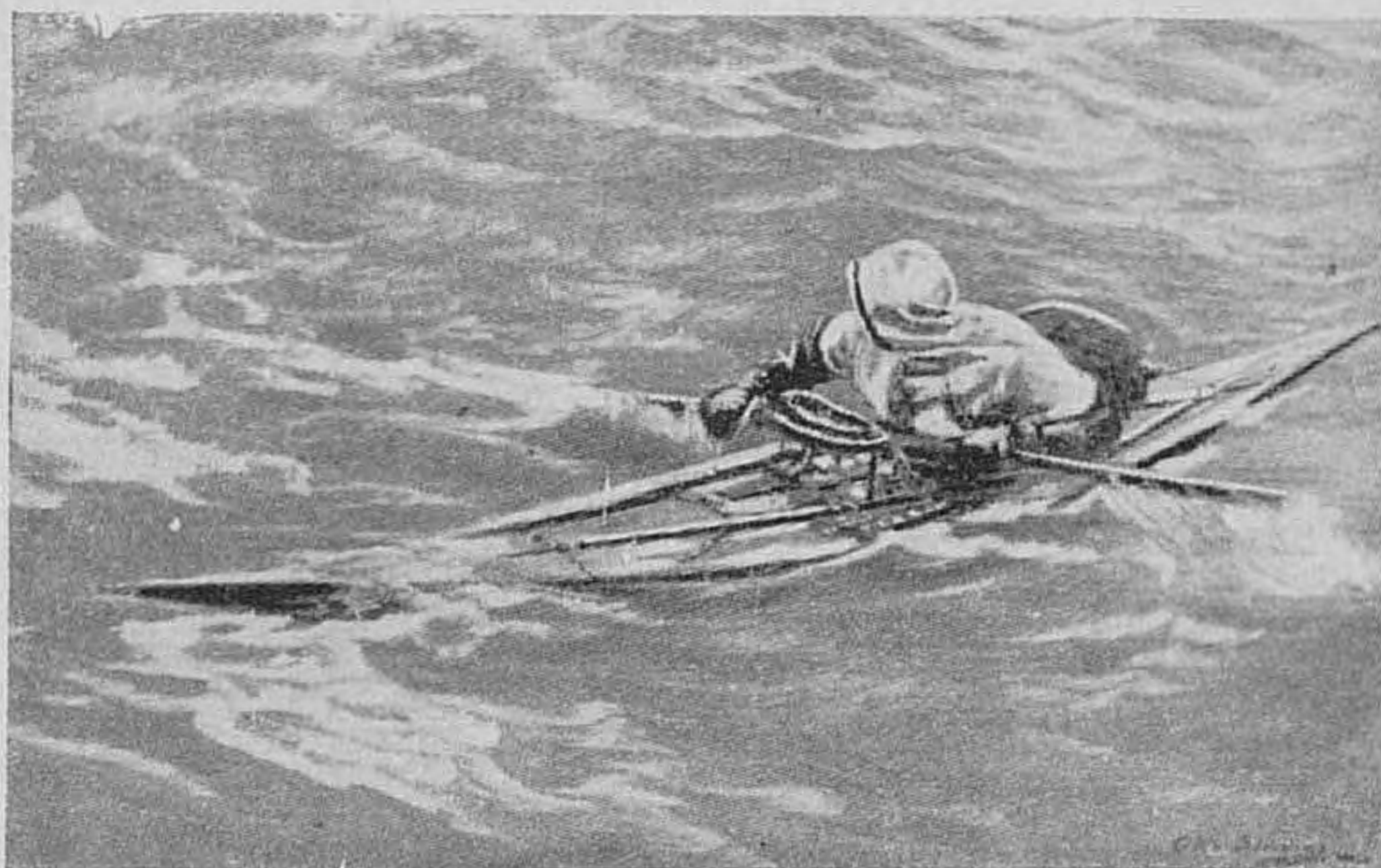
по мнению эскимосов, им нужно для зимних запасов; они не задумываются над тем, чтобы брать больше, хотя бы мойвы оставалось еще много. Мойву сушат, раскладывая ее на камнях и скалах, за этим тоже следят женщины и складывают ее, когда она высохнет.

Иногда женщины помогают при ловле тюленя, когда при облаве тюлени загоняются в узкие проливы и фиорды и выгоняются на берег. Редко случается, чтобы женщина занималась охотой с каяка.

Капитан Холм упоминает о двух девушках в Имарсивике на восточном берегу, которые охотились в каяке. Соотношение между мужчинами и женщинами было в поселке несчастливое; там было всего пять мужчин при населении в 21 человек. К сожалению, не имеем сведений о том, достигли ли эти две девушки такой же изумительной ловкости в охоте, как их товарищи мужчины.

Они вполне усвоили мужской образ жизни, одевались как мужчины и носили мужскую прическу. Когда им разрешили выбрать у Холма то, что им нужно из предметов обмена, они не взяли иголок или других женских принадлежностей, но предпочли наконечники для своего оружия. Должно быть их трудно было отличить от мужчин. Я должен был, несомненно, видеть их, когда я посетил восточный берег в 1888 году, не подозревая их пола. Холм упоминает, что в том же месте еще одна или две девушки также предназначались для охотничьего воспитания, но тогда они были еще слишком юны.

Мужчина проводит большую часть времени в море, женщина же остается дома, и там всегда можно видеть

«...голова часто поворачивается назад, чтобы следить за волнами» (по рис. О. Синдинга)

Ловля мойвы

ее усердно занятой то тем, то другим — в противоположность мужчинам, которые вообще, когда они дома, только едят, прохлаждаются, рассказывают истории и спят. Если они чем-нибудь и занимаются, то обычно только своим оружием, украшают его резьбой по кости и т. п. Оружие — их гордость.

Мужчины садятся на край нар, спустив ноги на пол, женщина же всегда сидит на нарах, подогнув под себя ноги накрест, как портной на своем столе. Здесь они шьют и вышивают, кроят шкуры своими особыми кривыми ножами («уло»), жуют птичью шкурку, короче говоря, трудятся над всеми своими важнейшими делами, не переставая болтать. Они очень живы, и редко у них встречается недостаток в темах для разговора.

Я не могу, к несчастью, совсем оправдать их в отношении вошедшей в пословицу женской болтливости и, если мы можем верить Далагеру, то они не вполне свободны от более важных недостатков. Он говорит: «лживость и злословие главным образом встречаются среди женщин. С другой стороны, мужчины гораздо более правдивы и не рассказывают того, чего не могут доказать».

О женщины, женщины, разве вы не везде одинаковы?!

Обработка шкур — очень важная часть женской работы в эскимосском обществе, и так как обработка эта тоже чрезвычайно своеобразна, то я дам краткое ее описание на основании почерпнутых мною у туземцев в Годтхобе и его окрестностях сведений. Обработка меняется в зависимости от рода шкуры и ее назначения.

Кожи для каяков обрабатываются или как черные, или как белые.

Чтобы получить черную кожу (эрисак), соскабливается сало с внутренней стороны свежих шкур, которые потом кладутся в старую мочу на день или на два до тех пор, пока волос не будет легко соскабливаться ножом. Затем кожа моется в морской воде, после чего сушится, если это происходит летом, но не на солнце. Зимой кожа не сушится, а обычно сохраняется закапыванием в снег. В обоих случаях лучше сейчас же после мытья натягивать кожу на каяк и сушить ее на нем. Эти кожи темные оттого, что внешний слой кожи у тюленя черный или темно-коричневый.

Белая каячная кожа (унек) готовится следующим образом. Шкуры в свежем состоянии скатываются, когда с них отчасти соскоблено сало, и затем кладутся в относительно теплое место в доме или на открытом воздухе. Они лежат так, пока волос и черный верхний слой кожи не будут легко соскабливаться раковиной. Однако, для этой работы чаще всего женщины пользуются зубами; при этом они высасывают часть жира, который очень любят. После этого летом кожи развешиваются на палке для просушки (но не на солнце); их часто переворачивают, чтобы они высохли равномерно. Зимой же их хранят в снегу так же, как и черные кожи. Так как черный верхний слой соскоблен, то эти кожи в готовом виде совершенно светлые или белые. Ни один из этих сортов кож не растягивается во время просушки. Оба сорта употребляются не только для каяков, но и для женских лодок.

Для каяков лучшими для лета считают белые кожи (которые всегда нужно смазывать салом), наоборот, для зимы лучше черные (они никогда не смазываются). Поэтому настоящий хороший охотник предпочитает обтягивать свой каяк два раза в год, но теперь это обычно делается всего один раз в год, а часто даже через год.

Когда тюленья шкура идет на камики (обувь), то сало и нижние слои кожи соскабливаются кривым ножом на доске, специально сделанной для этой цели из лопатки кита. Когда шкура от соскабливания сделалась достаточно тонкой, ее кладут в старую мочу на день, или, вернее, пока волосы не будут соскабливаться ножом. Когда это сделано, кожу растягивают на земле или на снегу при помощи костяных гвоздиков и высушивают. Потом ее мнут до мягкости и готовности. Этот сорт кож темный, так как на них остается внешний слой.

Белая кожа для камиков сначала обрабатывается так же, как и темная, но когда волос снят, кожи погружают в горячую воду (не слишком горячую), чтобы отстал черный верхний слой, а потом в морскую воду. Если сошел не весь верхний слой, шкуру попеременно погружают то в горячую воду, то в морскую. Затем ее высушивают, растягивая, как и темные кожи.

Белые кожи для камиков не так непромокаемы и хороши, как черные, поэтому они употребляются только женщинами, которые или оставляют их белыми или красят в разные цвета.

Кожи для подошв на камиках готовятся так же, как и черные для каяков, только при высушивании они натягиваются.

Кожи для каячных рукавиц вначале приготавливаются так же, как и черные кожи для камиков, но когда волос снят, их обрабатывают кровью, скатывают и оставляют лежать. Это повторяется два, три раза, пока они не сделаются совсем темными. Затем их растягивают для просушки — летом на земле, но зимой под крышей в доме. Эти кожи удивительно непромокаемы.

Если тюленьи шкуры нужно приготовить так, чтобы сохранился волос, как, например, для липт в камики или для курток, то их со стороны сала скоблят кривым ножом так же, как и обыкновенную кожу для камиков. Потом их кладут в воду и моют зеленым мылом, а затем полощут в чистой воде, растягивают и сушат, как говорилось выше. Когда их затем разомнут до мягкости, они готовы к употреблению.

Оленьи шкуры только сушат и мнут, но не обрабатывают водой.

Когда хотят приготовить шкурки птиц, то сначала тщательно высушивают перья, а затем шкурки выворачиваются; слой жира со стороны, обращенной к мясу, как можно лучше соскабливается ложкой или раковиной и съедается — он чрезвычайно вкусный. После этого шкурки вешаются к потолку для просушки. Через несколько дней жир удаляется жеванием, затем шкурки снова высушиваются, промываются трижды в горячей воде с содой и мылом, хорошенько прополаскиваются в холодной воде, выжимаются и подвешиваются для последней просушки. Если перья нужно удалить, как это делается, например, со шкурками гаги, то их ощипывают, оставляя только пух, пока они еще не совсем сухие. Потом их досушивают и разрезают.

Упомянутое выше жевание удивительный процесс. Берут сухие вывернутые шкурки, с которых чуть ли не капает жир, и начинают сосать с какого-нибудь края, пока не высосут всего жира, а шкурка в этом месте не станет мягкой и белой; затем продолжают медленно зажевывать дальше и дальше, пока шкурка мало-помалу не очутится во рту вся; под конец она выплевывается в обезжиренном состоянии. Этой работой заняты главным образом женщины и дети, и она является желанным занятием, так как весь жир проглатывается; в трудные времена может случиться, что и мужчины рады получить разрешение помочь в этом.

Когдаходишь в дом, то все эти жующие люди производят очень странное впечатление: у каждого во рту по шкурке. Благодаря этому процессу, гренландские шкурки очень хороши. Многие с восхищением смотрят на великолепные гагачьи шкурки, которые можно встретить в некоторых европейских домах, не подозревая того, какому процессу они подверглись. И не одна дама в Европе испытала бы отвращение, если бы только знала, через сколько очаровательных или менее очаровательных ртов прошли далеко на севере эти птичьи шкурки, которыми она украшает себя!

Вообще эскимосская женщина много пользуется своими зубами, то для растягивания шкур, то для того, чтобы держать их при скоблении, то и для самого обскабливания. И нас, европейцев, поражает, когда мы, например, видим, как шкура, вынутая из вонючей мочи, придерживается зубами перед началом обработки. Для эскимоски рот — третья рука; поэтому у старух зубы совсем стертые и обломанные.

Принимаясь за шитье одежды или лодок, женщины употребляют в качестве ниток тюленьи, китовые или оленьи сухожилия. Сухожилия просто высушиваются. Для шитья непромокаемой одежды, каячных рукавиц, а иногда и камиков, эскимоски употребляют еще глотку гренландского тюленя, нерпы, хохлача, маленького пестрого тюленя и птиц. Наружные слои глотки снимаются, пока они еще свежие, и надеваются на круглую палку, специально сделанную для этой цели и смазанную салом для придания ей скользкости. Иногда глотку обскабливают раковиной. Высохнув на палке, она уже готова к употреблению; ее нарезают на совсем узенькие ремешки. Преимущество нити, получаемой при таком способе, состоит в том, что она не растягивается, попадая в воду, как сухожилия.

Гренландские женщины очень хорошие работницы, особенно большую ловкость они проявляют в шитье. Чтобы в этом убедиться, стоит только посмотреть на швы на каячных кожах, на непромокаемых одеждах или на рубахах, сшитых из кишек. Умение эскимосок особенно бросается в глаза, если посмотреть на красивые вышивки, которыми они украшают свои штаны, камики и пр. Женщины на западном берегу получили от европейцев краски и теперь вышивают мозаичный рисунок кусочками разноцветной кожи, которые соединяют друг с другом. Работа производится совершенно самостоятельно, без каких-либо готовых образцов, и в них эскимоски обнаруживают ловкость, точность и чувство формы и красок.

Когда живешь с эскимосами, то совсем не замечаешь, чтобы женщины у них хоть сколько-нибудь были угнетены или были бы в пренебрежении. Напро-

тив, мне показалось, что хозяйки дома в Годтхобе и его окрестностях часто играли значительную роль и даже в некоторых случаях пользовались решающим словом. Нельзя, однако, отрицать, что в общественной жизни между мужчиной и женщиной существует известное различие в положении, так, например, во время еды или за распитием кофе прежде всего угощаются особо выдающиеся охотники или вообще имеющие вес мужчины, потом другие мужчины, и уже под конец доходит черед до женщин и детей.

Что женщины ценятся меньше мужчин, видно еще и из того, что при рождении мальчика отец торжествует, а мать сияет от гордости; если же появляется на свет девочка, радость далеко не столь велика. Да это и понятно; на мальчика, конечно, смотрят, как на будущего охотника и гребца в каяке и поддержку семьи, когда родители состарятся. Это отражается и на воспитании. За мальчиком, будущим кормильцем, всячески ухаживают. Если умирают родители мальчика, то он не будет терпеть никакой нужды, так как все охотно примут его в свой дом и будут заботиться о нем. Другое дело с девочками: если они потеряют своих родителей и у них не будет друзей, то пищу они еще будут получать в изобилии, но им придется довольствоваться самыми скверными одеждами.

ЛЮБОВЬ И БРАК

В ПРЕЖНИЕ времена брак в Гренландии совершался просто. Если мужчине нравилась девушка, он приходил в ее хижину или палатку, брал ее за волосы или за что придется и тащил без дальнейших разговоров к себе домой, где она и получала свое место на нарах. Может быть, будущий муж давал ей лампу или новый сосуд для воды, или что-нибудь в таком же роде, и на этом дело кончалось. Однако, считалось хорошим тоном, чтобы данная дама ни в каком случае и никак не подавала вида, что принимает сватовство, хотя бы жених ей и чрезвычайно нравился. Поэтому она должна упираться, кричат и причитать

что есть силы; если она очень уж хорошо воспитана, то она плачет и горюет несколько дней или даже убегает домой из дома мужа. Если воспитанность заходит слишком далеко, то, по слухам, может случиться, что муж, если жена еще не надоела ему, — надрезает ей пятки, чтобы она не могла ходить, и когда раны заживали, она становилась довольной хозяйкой.

Видя бракосочетание по нашему обычаю, эскимосы вначале находили неприличным, что невеста отвечает «да», когда ее спрашивают, хочет ли она, чтобы жених стал ее мужем; по их понятиям, ей следовало отвечать «нет», так как они считали, что очень стыдно девушке отвечать «да», когда ее спрашивают о таких вещах. Услышав, что у нас так всегда полагается, эскимосы решили, что у наших женщин нет стыдливости.

Раньше гренландцы разводились так же просто, как и женились. Если мужу надоедала жена — обратное случалось реже, — ему стоило только «отодвинуться от нее, когда он ложится спать, не произнося ни слова. Из сего она примечала себе его намерения». Тогда на следующее утро она собирала свои шкуры и тихонько возвращалась в дом своих родителей, причем обычно держала себя так, будто это ее ничуть не огорчало.

Когда мужчине хотелось иметь жену другого, он без разговоров брал ее себе, если был сильнее.

Когда Папик, почитаемый и ловкий охотник у Ангмагссаликка, захотел взять себе молодую жену Патуака, он отправился к палатке Патуака, захватив с собой пустой каяк. Он пришел, забрал жену, увел ее на берег, где заставил сесть в пустой каяк, и уехал с ней. Патуаку, который был моложе Папика и не так

ловок и силен, как тот, пришлось примириться с потерей жены.

На восточном берегу встречалось много примеров, что женщина перебивала замужем чуть ли не за десятью различными мужьями. Эскимоска Утсукулук из Ангмагссаликка была замужем за восьмерыми, в девятый раз она вышла замуж снова за мужа № 6.

Развод происходил легко, пока не было детей. Если женщина рожала ребенка, а особенно, если это был мальчик, то отношения становились более прочными.

Когда было введено христианство, то этот старый легкий способ женитьбы был уничтожен на западном берегу Гренландии, и теперь венчания совершаются с церемонией, похожей на европейскую. И невесте больше уже не приходится так долго противиться.

При введении христианства многоженство, конечно, было упразднено, хотя и в наше время случается, что хороший охотник открыто берет себе вторую жену; отношения между нею и действительной женой могут оставаться очень хорошими.

Взаимоотношения между супругами, как правило, необычайно хорошие. Я не видел и не слышал, чтобы там муж с женой обменивались неприветливыми словами. В общем они в высшей степени внимательны друг к другу. Ласкаясь, они не целуются, как у нас, а прижимаются носами или нюхают друг друга. Какой-нибудь действительно глубокой любви обычно не существует; глубокие чувства, видимо, вообще там редки. Если один умирает, другой чаще всего утешается довольно скоро.

Главная задача гренландского брака, несомненно, рождение на свет детей. Поэтому, как в ветхозавет-

ные времена, бесплодная жена не пользуется уважением.

Несмешанные гренландцы, как правило, мало плодовиты, обычно в семье от двух до четырех детей; но бывают случаи, когда детей шесть, восемь, а то и больше. Впрочем, эскимосская женщина родит легко.

Близнецы редки, и меня часто спрашивали женщины, правда ли, что в стране длиннобородых (Норвегия) рождаются близнецы? Когда я отвечал, что там рождаются не только двойни, но и тройни, а иногда и четверни, они громко смеялись и говорили, что наши женщины похожи на собак, потому что у людей и тюленей рождается зараз только по одному детенышу.

Эскимосы-язычники убивали не только уродов, но и больных детей, которые, по их мнению, не могли бы жить, а также и таких, у которых мать умирала во время родов и которых некому было кормить грудью. Часто случалось, что их выбрасывали просто на землю или в море. Нам это кажется жутким, однако, это делалось из сострадания и было, несомненно, разумно. Живя в тяжелых условиях, эскимосы не выращивают потомства, которое никогда не сможет приносить пользы, а будет только обременять общество.

Гренландские дети сосут мать очень долго. По три-четыре года — явление не необычное. Я даже слышал, что бывали случаи, когда сосали до 10—12 лет. Один европеец в Годтхобе рассказывал мне, что он видел мальчика 12 лет, который, возвратившись домой с охоты в своем каяке, направлялся домой в хижину

Мальчик из Годтхоба

к матери, становился у нее между колен, ел сухарь и запивал молоком из материнской груди.

Гренландцы необычайно любят своих детей и делают все, чтобы ублажить их, особенно, если это мальчики. Эти маленькие тираны часто заправляют всем домом, а мудрые слова Соломона, что тот, кто любит своего сына, рано начинает наказывать его, не признаются. Эскимосы вообще считают, что наказывать бесчеловечно, а особенно, если дело касается

Будущий охотник

своей собственной крови и плоти. Я ни разу не слышал, чтобы эскимос сказал своему ребенку грубое слово. При таком воспитании можно было ожидать, что гренландские дети будут распущены и невоспитаны, но этого нет. Несмотря на то, что я много бродил среди эскимосов на западном побережье, я только один единственный раз встретил распущенного эскимосского ребенка, и то это было уже в доме больше европейском, чем эскимосском. Как только дети достигают сознательного возраста, всегда достаточно дружеского замечания со стороны отца или матери, чтобы дети перестали делать недозволенное. Я никогда не видел ни на дворе, ни в доме, чтобы эски-

мосские дети ссорились или бранились между собой, не говоря уже о драках. Я часами мог стоять и смотреть, как они играют, а часто и сам играл с ними в их футбол (собственная их игра, очень похожая на наш футбол); эта игра, как известно, дает детям повод к ссорам, но никогда не было видно ни одного сердитого, даже и просто недовольного лица. Где в Европе это бывает? Я не могу решить, в чем причина такой удивительной разницы между эскимосскими и европейскими детьми, но в значительной доле она зависит от чрезвычайно миролюбивого и добродушного характера гренландцев. Может быть, это находится в связи с тем, что эскимосская женщина всегда живет в одном помещении со своими детьми, всегда носит их с собой на спине в амауте, даже выходя на работу; поэтому она больше ими занята, и между родителями и детьми в Гренландии больше постоянного общения, чем в Европе.

Разумный гренландец дает своим сыновьям, когда они еще совсем малы, играть маленькими стрелками для птиц и гарпунами, чтобы упражнять глаз и руку. Поэтому можно видеть будущих охотников трех-четырех лет, упражняющихся с такими игрушками (а, то просто с камнями, если нет ничего лучше) в охоте на мелких птиц и на все прочее, что достойно их охотничьего задора. Я уже упоминал, что они рано начинают плавать в каяках.

Конечно, для гренландского общества очень важно, чтобы мальчики учились быть хорошими охотниками, но и девочки рано приучаются к своим обязанностям; они еще маленькими учатся шить и помогать матери в домашней работе.

МОРАЛЬ

ЭСКИМОС, конечно, как и всякий иной народ, имеет свои добродетели и свои слабые стороны, причем первые в нем более многочисленны, чем вторые. Но, с другой стороны, ни его добродетели, ни его недостатки не достигли столь сильного развития, как у европейца.

Даже наиболее ранние сообщения о Гренландии, во всяком случае такие, как отчеты Эгgede, Кранца, Далагера и других, достаточно ясно указывают на ложность многократных утверждений, будто эскимос стоит на низком нравственном уровне. Впрочем, у некоторых из упомянутых писателей, как например у Ханса Эгgede, мы можем отметить явную тенденцию

изобразить эскимосов индивидуально и социально в возможно более темных красках, с целью доказать, как сильно этот народ нуждался в религиозном просвещении и как поэтому необходимо было поддерживать гренландскую миссию.

Одна из самых привлекательных и наиболее выдающихся черт характера эскимоса — его честность. Если некоторые из европейцев и утверждали, что у него нет этого качества, то это происходило, главным образом, от того, что они не уяснили себе как следует его мышления и того, что эскимос считает бесчестным.

Для него чрезвычайно важна возможность спокойно полагаться на живущих с ним в одном доме и на своих соседей. А для взаимного доверия, от которого ведь зависит единение в борьбе за существование, необходимо, чтобы каждый был честен в своих поступках по отношению к другому. Поэтому эскимос считает в высшей степени бесчестным воровать у живущих с ним в доме или у людей из того же поселка. Поэтому-то это случается так редко, и даже Ханс Эгедэ говорит, что они оставляют свои вещи «лежать доступными для всех, не страшась, что кто-нибудь украдет или возьмет хоть кроху».

Если кто-нибудь из эскимосов должен деньги, то обычно можно быть вполне уверенным, что он их сейчас же уплатит, как только будет в состоянии. Это могут подтвердить датские купцы; они рассказывали мне часто, что спокойно дают гренландцам в долг, и чрезвычайно редко случается, чтобы кредитор не получил денег обратно.

Понятия эскимоса об обязанностях по отношению к посторонним, особенно если это не эскимосы, несколько иные. Надо, однако, помнить, что посторонний — для него лицо довольно безразличное, в чьем благосостоянии эскимос не заинтересован; ему все равно, может ли он положиться на человека или нет, раз он не будет жить с ним вместе. Он считает, что не так уж плохо, если он возьмет себе немного из имущества постороннего, если оно ему самому может принести пользу.

Первые европейцы, пришедшие в Гренландию, много страдали от этих взглядов на собственность. Мы не можем особенно удивляться, что эскимосы крали у европейцев, если мы примем во внимание, как вели себя европейские экспедиции в самом начале, когда эта страна была вновь открыта. Они часто грабили туземцев, насиловали их женщин и, что было еще хуже, заманивали эскимосов на корабли, подымали паруса и увозили их, как пленников, в Европу. Понятно, что эскимосы вначале имели мало оснований для того, чтобы считать нас друзьями.

Повидимому, грабить чужеземные народы не является несовместимым с европейской моралью, если судить по обычаю европейцев обращаться с туземными племенами в Африке и других местах. Предположим, что эскимосы пришли бы и поселились на наших берегах и вели бы себя по отношению к нам так, как мы это делали в Гренландии. Было ли бы тогда совершенно несовместимым с нашим моральным кодексом — красть и выманивать у них все, что только возможно?

Надо также учесть, что, по сравнению с эскимосами, европейцы имеют избыток разного добра. Поэтому, по морали эскимосов, считается, что мы могли бы немного уделить им, а если мы этого не делаем, то, очевидно, оттого, что мы жадны и себялюбивы.

Когда европейцы поселились в стране и перестали рассматриваться как посторонние, условия постепенно изменились, и теперь воровство у эскимосов случается редко. При случае туземцы все же иногда таскают, если, по их мнению, это такая вещь, которая никому не понадобится. Я сам видел, как приличные гренландцы набивали себе карманы и рукавицы мукой из бочки магазина, ничуть не обращая внимания на то, что я это видел. Они, наверное, думали что-нибудь в таком роде: мы берем у королевского гренландского общества, у него избыток, и от этой муки ни один человек не станет ни богаче, ни беднее, тогда как для нас она имеет большое значение, — и довольные удалялись домой. Такой ход мысли встречается не только в Гренландии.

Кроме того в оправдание гренландцев можно сказать, что с самого же начала, и еще долгое время потом, они бывали жертвами мошенничества европейских купцов, употреблявших неправильные меры и веса и дававших эскимосам скверные товары. Можно упомянуть, например, что в XVIII столетии купцы употребляли для меры слишком большие бочки, которые к тому же были без дна и предусмотрительно ставились над углублением в полу. Эти бочки эскимосы должны были наполнять салом для продажи, и фактически им приходилось давать вместо одной

бочки по крайней мере полторы. Эскимосы это прекрасно видели, но мирились с этим. Таких вещей теперь, конечно, не бывает.

Как упоминалось, между ними не происходит драк; убийство тоже большая редкость. Эскимосы считают, что убивать своего ближнего слишком жестоко. Поэтому война в их глазах нечто непонятное и отвратительное, и на их языке даже нет никакого слова, отвечающего слову «война»; они считают, что солдаты и офицеры, которых обучают убийству людей, просто душегубы.

Здесь, как и в других местах, наиболее часто причиной убийства является женщина. Нападение нередко происходит в море, причем один нападает на другого сзади, или бросая гарпун, или переворачивая и продырявливая каяк противника. Прямое нападение на противника менее отвечает характеру эскимоса, не потому, чтобы он боялся, а больше потому, что, по его мнению, неприятно, если противник будет смотреть на него.

Больше всего гренландцы грешат против нашей седьмой заповеди, так как целомудрие и скромность не пользуются у них большим уважением. Особенно часто это случается среди туземцев на западном берегу, которые много соприкасались с нами, европейцами. Там немало таких, которые считают, что никакого стыда нет в том, что у незамужней женщины рождается ребенок. Этому я видел много примеров.

Во время нашего пребывания в Годтхобе поблизости было две девушки, которым предстояло родить; но они ничуть не скрывали этого и даже завязали себе

прическу зеленой лентой задолго до необходимого срока; как будто они гордились этим заметным доказательством того, что ими не пренебрегли.

Если молодая гренландка находится в связи с мужчиной, она и не пытается скрывать этого; а если мужчина европеец, — она даже хвастается этим и, повидимому, выигрывает в мнении подруг. Значительная вина здесь лежит на самих европейцах; во-первых, молодые люди, приезжающие в Гренландию, очень часто нехорошо вели себя с туземными женщинами и подавали дурной пример, а во-вторых, европейцы там пользовались таким почетом, что простой европейский матрос предпочитался девушками лучшему гренландскому охотнику. За двести лет, что мы основались в стране, туземная раса до такой степени смешалась с европейской, что теперь на всем западном берегу трудно найти чистого эскимоса.¹ И это несмотря на то, что число европейцев составляет ничтожную часть числа туземцев. Однако, нужно обратить внимание и на то, что смешение часто происходит законным путем при помощи браков между европейцами и туземцами.

Появление европейцев в общем способствовало установлению несколько чересчур свободных нравов. Общеизвестно, что гренландки в колониях, где много европейцев, гораздо податливее, чем в поселках, где европейцев нет. В тот раз, когда я был там, женщины, например, в Сардлоке, Корноке, Кангеке и Нарссакке, производили в среднем лучшее впечатление, чем жен-

¹ Одна из причин этого явления — естественный отбор, так как смешанное потомство обычно считается красивее чистых эскимосов, а потому при заключении браков предпочитают его.

щины в Годтхобе и Новом Херрнхуте, где они вели себя по отношению к нравящимся им молодым людям далеко несдержанно.

В прежнее время на западном берегу была удивительная игра между мужчинами и замужними женщинами. Мужчины выступали вперед по очереди; под звуки барабана они пели в честь женщины и любви, и здесь всем присутствующим без стеснения предоставлялась полная свобода.

На восточном берегу мораль женатых, по нашим понятиям, повидимому, тоже не была слишком высока.

Мужья часто меняли жен; однако, это случалось между определенными мужчинами, и мужчине не нравилось, чтобы его жена переходила к другому, а не к тому, которому он ее одолжил. Сам же он желал пользоваться полной свободой.

В зимних хижинах у них часто практиковалась игра в «обмен жен или тушение ламп», которая напоминает упомянутую игру на западном берегу. Когда тушились лампы, разрешалось все, неженатые тоже принимали участие в игре. Холм говорит: «хороший хозяин всегда велит вечером тушить лампы, когда в доме есть гости».

Эти игры теперь совершенно исчезли.

Однако, женатые гренландцы, как уже сказано, питают не слишком уж преувеличенное уважение к седьмой заповеди, и здесь наблюдаются весьма значительные искажения ее.

Европейцы, конечно, находят, что такая мораль дурна, но из этого не следует, что и эскимос смотрит на это так же.

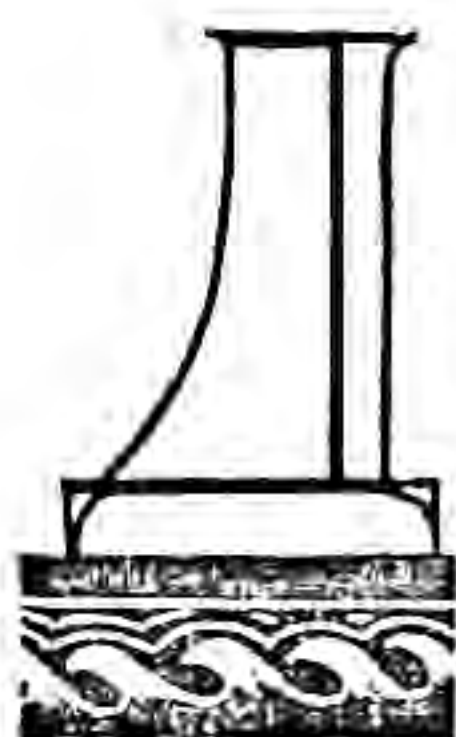
Прежде чем мы окончательно осудим нравственность эскимосов, нам, возможно, следовало бы вспомнить золотое правило, что те, кто живет в стеклянных домах, не должны бросать камни. Европейская мораль во многих отношениях имеет такую сомнительную ценность, что мы едва ли можем быть судьями. Из всего, что сказано, можно заключить, что наиболее существенная разница между нашей и эскимосской моралью состоит в следующем. У нас все худшие вещи происходят за кулисами, почти — или совсем — скрыто, и потому это производит особенно деморализующее влияние. Среди эскимосов все происходит на открытой сцене. Инстинкты человеческой природы не могут быть совершенно подавлены. С ними происходит то же, что со взрывчатыми веществами; где они лежат незащищенные на поверхности, они могут легко «вспыхнуть», но причиняют при этом мало вреда; если же они лежат глубже и более скрыто, они, возможно, не так легко воспламеняются, но зато, когда загорятся, взрыв гораздо более силен и разрушителен.

По эскимосским понятиям не разрешается брак с племянниками или брак между близкими родственниками; даже два приемыша, если они случайно воспитывались вместе, не могут жениться друг на друге. Чаще всего невесту берут из другого поселка. Этот закон соответствует существующему у столь многих народностей запрещению бракосочетаться с лицами, находящимися в кровном родстве, имеющими те же родовые имена, принадлежащими к одному клану и т. п. Трудно найти объяснение этому закону, но, повидимому, тут дело в уверенности, что от брака

между близкими родственниками рождается слабое потомство, что отчасти имеет свои основания.

Во многих отношениях эскимосская мораль выше той, которая существует в большинстве европейских обществ. Я напомню только об их самоотверженной любви к ближнему и их готовности приходить друг другу на помощь — в нашем обществе, обыкновенно, этого нет и в помине.

СУДОПРОИЗВОДСТВО,
ТАНЦЫ ПОД БАРАБАН И РАЗВЛЕЧЕНИЯ

РЕВНЕЕ судопроизводство у эскимосов было чрезвычайно своеобразным. Оно представляло собой нечто вроде дуэли, при которой, однако, не пользовались острым оружием. Здесь, как и во многом, эскимос приступал к делу осторожно: он вызывал того, кем считал себя оскорбленным, на состязание в пении или на танец под барабан. Танцы происходили чаще всего во время больших летних стоянок, где бывало много народу со своими палатками. Двое, желавших решить свой спор, становились друг против друга в кольцо зрителей, мужчин и женщин. Ударяя в тамбурин или барабан, они поочередно пели друг о друге насмешливые стихи. Эти стихи обычно сочинялись

заранее, но иногда и импровизировались. В них певцы рассказывали обо всех проступках противника и старались показать его в наиболее смешном виде. Тот, кто заставил слушателей смеяться больше всего над своими остротами и обвинениями, бывал победителем. Таким образом часто наказывались даже столь тяжкие преступления, как убийство. Нам это может показаться весьма слабым способом наказания, но для этого народа с высокоразвитым чувством чести такого наказания было достаточно, ибо самое худшее, что может случиться с гренландцем, это оказаться смешным, а тем более еще — быть высмеянным. Случалось даже, что некоторые уходили в изгнание, потерпев поражение в танце под барабан.

Танцы под барабан все еще существуют на восточном побережье. Казалось бы ясно, что такой обычай должен быть чрезвычайно желательным. По крайней мере, что касается меня, я только мечтаю, чтобы его можно было ввести в Европе, так как трудно себе представить более быстрый и легкий способ улаживания ссор и наказания злодеев.

Танцевали под барабан часто и для одного только удовольствия, без всякой иной цели. Выходящий в круг тогда пел стихи разного содержания, при этом били в барабан, крутились, сгибались на разные лады; часто это производило чрезвычайно комичное впечатление.

К сожалению, миссионеры бывали против танцев под барабан, так как это был языческий обычай. Поэтому теперь он исчез.

Взамен танца под барабан у гренландцев появилось много европейских танцев, они танцуют особенно

часто «рил» (шотландский танец), который отчасти приспособили на свой лад. В колониях помещением для бала служат бондарные мастерские, чердаки складов сала или иные какие-нибудь относительно просторные помещения, и здесь, если управляющий колонией или другой представитель власти позволит, танцуют иногда каждую неделю. В других поселках гренландцы танцуют в своих домах.

Гренландский бал чрезвычайно живописен. Помещение освещено жировыми лампами, много народу в красочных одеждах; молодые и старые частью принимают участие в танцах, частью в качестве зрителей. стоят густой толпой вдоль стен и сидят на нарах и скамейках. Тут смесь красоты и бросающегося в глаза уродства. А ко всему этому еще и безграничное веселье и уверенная и грациозная ловкость в танце. В риле ноги двигаются с такой быстротой, что трудно уследить за их движениями. В качестве музыкального инструмента чаще всего употребляют скрипку; теперь обычной стала и гармония. Для большей пышности употребляют и то и другое.

Женщины находят еще чрезвычайно интересным посещение лавок. Когда приближается время открытия, то можно даже в зимнюю метель увидеть вдоль стен толпу женщин, ожидающих момента открытия дверей рая, чтобы кинуться туда. Большинство из них не купит ничего, но проведет те часы, пока лавка открыта, то разглядывая всякую европейскую роскошь, особенно материи и полотенца, то кокетничая с продавцами то смеясь и забавляясь довольно грубыми шутками.

Особенно большой наплыв бывает летом, когда только что пришли суда с новыми запасами европейских товаров. Тогда лавка целый день находится буквально в состоянии осажденного лагеря. Эскимоски любят все новое, и как только оно появляется, его сейчас же расхватывают. Мне казалось, что самым главным в товаре бывала его новизна; не так важно, для чего он может пригодиться. Однажды управление в Копенгагене выдумало; что гренландцы настолько продвинулись вперед, что им необходимы ночные горшки, как и всем цивилизованным людям, и решило ввезти их. Как только горшки прибыли, все, кто был в состоянии, купили себе по одному и больше. На следующий день туземные дамы встретились в лавке каждая со своим горшком, они водрузили их на прилавок, чтобы насыпать туда муки, крупы или положить масла.

**ОДАРЕННОСТЬ.
ЧУВСТВО ПРЕКРАСНОГО. ЛИТЕРАТУРА**

ОКАЗАТЕЛЬСТВО тому, что гренландцы могут обладать большой изобретательностью, мы видим в их снаряжении и оружии; но они и вообще сообразительны.

Они легко выучиваются грамоте; большинство гренландцев умеет читать и писать, а многие очень хорошо; их способности к письму часто просто достойны удивления. Они скоро выучиваются играть в домино и шашки, даже в шахматы. Я часто играл в шашки с туземцами в окрестностях Годтхоба и был поражен их способностями и той предусмотрительностью, которые они проявляли.

Все наши школьные предметы они усваивают, кажется, довольно легко. Труднее всего им дается

арифметика; сравнительно мало таких, которые выучиваются как следует обращаться с дробями; большинство едва справляется с сложением и вычитанием целых чисел, не говоря уж об умножении и делении.

Несовершенные способности в этом направлении коренятся в глубине времен. В эскимосском языке, как и в большинстве языков народов, находящихся в первобытном состоянии, мало развит запас слов, относящихся к числам. У них есть слова только для первых пяти чисел, и они считают по пальцам: 1 — «атаусек», 2 — «мардлук», 3 — «пингасут», 4 — «сисамат», 5 — «татдлимат» — это последнее слово, вероятно, первоначально обозначало руку. Если эскимосу нужно считать дальше, то он справляется с этим делом, говоря вместо 6 — «первый палец на второй руке» («арфинек атаусек» или «иглуане атаусек»), вместо 7 — «второй палец на второй руке» («арфинек мардлук») и т. д. Но, дойдя до 10, за неимением рук, он приступает к ногам. Так, 12 называется — «два пальца на одной ноге» («аржанек мардлук»), 17 — «два пальца на второй ноге» («арферсанек мардлук»). Таким образом он справляется, считая до 20, что называет «с человеком покончено целиком» («инук навдлуго»). Здесь у большинства эскимосов представление о математике оканчивается но из ряда вон выходящие головы могут считать еще дальше — 21 — «один у второго человека» («инуп аипагссане атаусек») и т. д. Например, 38 — «три пальца на второй ноге второго человека» («инуп аипагссане арфинек пингасут»), 40 — «покончено со вторым человеком» («инук аипагсса навдлуго»). Таким образом они могут дойти до 100 или «покончено

с пятым человеком», но тут даже самый выдающийся эскимос не может на своем языке сдвинуться дальше. Действительно, трудный способ выражать свои мысли, когда приходится ворочать столь большими числами, как 20! В прежние времена редко приходилось говорить об этом, но после введения денег и развития торговли стало иначе. Поэтому вполне естественно, что гренландцы вопреки своей удивительной силе сопротивления против чуждых слов, все больше и больше принимают датские слова, даже для небольших чисел. С их помощью теперь они могут заходить за сотню, которую они называют «унтрите» или «унтритигдлит» («хундред» по-датски); но я подозреваю, что им все еще трудно ясно представить себе такое большое число. 1000 они называют — «тусинте» или «тусинтигдлит» («тюзинд» по-датски).

Такой примитивный способ счета соответствует тому, что мы встречаем у большинства примитивных народов, для которых было вполне естественно пользоваться для счета пальцами рук и ног; даже наши предки поступали так же. Несмотря на все несовершенство такого счета, это все-таки большой прогресс по сравнению с тем, что встречается у австралийских племен, не умеющих считать дальше 3 или даже 2 и не знающих других обозначений, кроме «один», «два», «много». То, что предки эскимосов когда-то стояли на той же ступени, видно из их исходной грамматики, так как в ней есть единственное число, двойственное и множественное — т. е. то же, что и в готском, греческом, санскритском, семитских языках и многих других. Двойственное число употребляется еще и теперь в некоторых местах страны.

Все путешественники единогласно прославляют чувство пространства и топографические способности эскимосов. Когда капитан Омманей¹ в 1850 году попросил одного эскимоса с мыса Йорк нарисовать берег, тот взял карандаш (нечто дотоле невиденное) и с поразительной точностью вывел береговую линию вдоль пролива Смита, начиная с места, где он родился, к северу, причем обозначил все острова и более крупные ледники и горы, сообщив все их названия. Капитан Холм получил от туземцев карту восточного берега к северу от Ангмагссаликка, вырезанную на дереве.

По моему мнению, гренландцы обладают несомненными художественными способностями, и если они их не развили и не использовали, то это зависит от постоянной борьбы за существование, не оставляющей им на это достаточно времени.

Их изобразительное искусство касается, главным образом, украшения оружия, снаряжения и частей одежды рисунками и фигурами, вырезанными на кости и дереве или вышитыми на шкурах. Фигуры часто изображают животных, людей, женские лодки и каяки, но они предназначены больше или для декоративного эффекта, или символического, и не стремятся к точному изображению натуры; по большей части они приняли уже чисто традиционные формы. Некоторые имеют религиозное значение и изображают, например, «торнарссука», одного из духов или сверхъестественных существ. Если эскимосы действительно ста-

¹ Английский мореплаватель, участвовавший в 1850—1851 гг. в поисках Франклина. *Прим. ред.*

раются следовать природе, то проявляют большие способности и редкое чувство формы.

Эскимосы, видевшие образцы европейского искусства и его изобразительные средства, могут, не учившись, выполнять поразительно хорошие вещи. Один гренландец, по имени Арон, заболел однажды и должен был оставаться дома. Д-р Ринк¹ послал ему некоторые приспособления для вырезывания по дереву и несколько старых гравюр по дереву. Пока Арон лежал в кровати, он начал иллюстрировать эскимосские сказания и не только сделал рисунки, но и вырезал к ним клише из дерева. Образец их искусства в деревянной скульптуре можно видеть на приведенном здесь рисунке двух кукол; я получил эти куклы от одного туземца из поселения в районе Годтхоба.

В музыкальном отношении эскимосы прекрасно одарены. Удивительно, как легко они схватывают нашу музыку и передают ее то пением, которое они чрезвычайно любят, то на скрипке, органе, гармонии и других инструментах, на которых они быстро выучиваются играть. Это тем более замечательно, что их собственная музыка, исполнявшаяся при танце под барабан, монотонна и мало развита. В ней мало тонов, обычно не больше пяти; она все же своеобразна и не безынтересна. Ближе всего она напоминает подражание журчанию реки.

При общении с европейцами примитивная основа их музыки, конечно, в меньшей или большей степени утерялась. Они заимствовали много европейских мелодий, и иногда среди гор и ледников чрезвычайно

¹ Известный исследователь Гренландии, проводивший там 16 зим и 22 лета. *Прим. ред.*

Деревянные куклы, сделанные эскимосами

странно бывало вдруг услышать копенгагенскую уличную песню, например: «Гина, чудесная дева — пойдешь ли со мной».

У гренландцев большое богатство сказок и преданий, и многие из них своеобразны. Ничто не дает такого ясного представления о всей духовной жизни этого народа, их способностях, чувствах и настроениях, как содержание этих преданий и тот способ, каким они рассказываются. У эскимосов можно найти и изобразительные способности и фантазию с юмором, склонным к гротеску, который часто изощрялся в таких непристойных вещах, что их нельзя напечатать.¹

Кроме этих преданий и рассказов о подвигах и т. п., у гренландцев была и поэзия. Песни их — это

¹ Теперь Кнуд Расмуссен издал три сборника: «Мифы и предания Гренландии», куда вошло почти все. Прим. Б. Хелланд-Хансена.

или сатиры, певшиеся во время танца под барабан, или стихи, изображавшие разные предметы и события.

Как упоминалось, танцы под барабан были мало-по-малу искоренены при введении христианства, и с ними отчасти вывелось или подверглось изменению искусство стихосложения. Однако, гренландцы продолжают сочинять песни. Их содержание часто шутливо, и они в более или менее невинной форме пытаются высмеять особенности ближнего. Насколько я понял, были сочинены различные песни и об участниках нашей экспедиции; мне часто говорили, что такие песни пелись по вечерам на улицах колонии, но мне не удалось их раздобыть.

Раньше упоминавшаяся газета «Атуагагдлиутит» выходит в Годтхобе с 1861 года по 12 номеров в год;¹ она раздается жителям даром, причем средства на нее черпаются из местной кассы взаимопомощи. Содержание состоит как из переводов с датского, так и из самостоятельных работ туземцев об их охоте, путешествиях и многом другом. Благодаря этому, там возникла целая новая литература. Образцом этой литературы конца 1880-х годов может послужить следующий рассказ; одновременно он дает несколько примеров гренландских суеверий и поэтому интересен в связи со следующей главой этой книги.

¹ Эта газета, выходящая на эскимосском языке и в настоящее время, стала издаваться по инициативе д-ра Ринка, основавшего в 1861 году первую типографию в Гренландии. Сборник рассказов, напечатанных в этой газете и написанных гренландцами, был издан на немецком языке в 1912 году. (Kajaktañnet, Herausgegeben von Rink, Hamburg u. Berlin, 1912). *Прим. ред.*

«Наконец, я выступаю с тем, что давно хотел дать для «забавного чтения». Я даю немного, но все же это нечто такое, что я видел своими собственными глазами. Дело идет о забавных обычаях в некоторых южных областях при охоте на медведя, не встречающихся, как правило, в других местах.

«Это происходило в 1882—1883 годах у Аугпилагтута возле Памягдлука (поблизости от мыса Фарвель). Там, у Аугпилагтута, стоят два дома гренландцев. В одном жили три охотника на тюленей с семьями, это были Бенъямин, по прозвищу Акатит, Исак, или Умангуйок, и Мориц; а в другом жил Матеус, которого чаще всего звали Уливкакаунгамик, или «битком набитый» — по его собственному выражению. Последнему было больше 70 лет, но тем не менее он продолжал еще частенько привозить добычу; кроме того много раз охотился на медведя один.

«Однажды в воскресенье, когда все охотники отправились в море, мы, оставшиеся дома, собрались в доме Матеуса; потом сын Бенъямина, первый вышедший из дома, сейчас же вбежал обратно и сказал: «Там медведь! Он стоит совсем близко у дома и ест сало».

«Узнав это, я хотя и испугался, но отчасти и обрадовался. Старый же Матеус, напротив, прямо затрясся от восторга и закричал: «Спасибо тому, кто сообщает такую хорошую весть; я сейчас пойду и заколю медведя». Я посмотрел в его сторону, думая, что он выбирает себе какое-нибудь хорошее оружие, длинный нож или что-нибудь в этом роде, — ничего подобного. Оружие, которое он взял, едва виднелось в зажатом кулаке. «Как можно этим пробить медвежью шкуру и толстый слой сала?» — подумал я. Впрочем,

женщины не пускали его кинуться на медведя и все вцепились в него, чтобы удержать, и я помогал им в этом. Женщины развязали свои прически и распустили волосы, чтобы медведь подумал, что они мужчины, и поэтому держался бы подальше. Наши предки-язычники считали, ведь, что у медведя человеческий разум.

«Так как мы боялись, что нашему медведю придет в голову войти к нам через окно, сделанное из кишек, то и мне нужно было подумать о каком-нибудь оружии для себя, и я спросил поэтому, где топор; но, конечно, его одолжили в другой дом, так сказали мне. Мне попался на глаза женский нож, лежащий на ипаке¹ рядом с жировой лампой, и я схватил его и еще обломок палки от каячного дна, который хотел привязать к ножу в виде рукоятки. Но не успел я взять этих вещей, как услышал голос сзади: «Отдай это мне — у меня, ведь, сил меньше, чем у тебя!» Это была сама дочь Матеуса, вдова. Она вырвала у меня из рук и то и другое.

«Тут часы² в доме начали бить одиннадцать, и чортов медведь сразу рассвирепел. Я кинулся, чтобы остановить бой часов. Но от волнения стал делать не то и только увеличил шум, пока, наконец, не пришел настолько в себя, что освободил маятник и заглушил звон. Женщины все еще цеплялись за Матеуса, удерживая его».

¹ «Ипак» — выступ на нарах; он обычно четырехугольный и предназначается для лампы, которая стоит, как упоминалось, на деревянной скамеечке.

² Среди предметов роскоши, доставленных торговым обществом гренландцам, есть и дешевые нюрнбергские и базельские часы, которые можно встретить в самых отдаленных уголках страны.

живая его. Тут вдруг мать сообщившего о медведе стала спускать штаны до колена и пошла, переваливаясь, кругом, заплетая в то же время несколько соломок. Это делалось для уменьшения силы медведя, сказала она, и чтобы заставить его скорее свалиться. В это время вырвался старый Матеус, я бросился за ним и догнал его, когда он уже вышел из прохода. Он зашикал на меня и сказал: «Тише — он идет к морю». Ружье Матеуса лежало в каяке у линии прилива; как только медведь прошел каяк, старик устремился на четвереньках той же дорогой. Я остался у входа в дом и видел оттуда, как медведь, рыча, вдруг повернулся к старику; но тут я так испугался, что перебежал в другой дом, куда впопыхах ввалился вниз головой. Все еще лежа и копошась здесь на полу, я через окно¹ увидел, как медведь и Матеус уставились друг на друга, стоя по обеим сторонам каяка; Матеус строил гримасы, а медведь рычал, разинув пасть, готовый в него вцепиться. Но Матеус, твердо упершись одной ногой в каяк, прицелился, не отводя ни на минуту своих глаз с глаз медведя, и выстрелил. Теперь я поспешил из хижины и как раз успел, чтобы увидеть, как Матеус вонзил в медведя копье для тюленя.

«Потом Матеус, обратившись к дому, закричал громким голосом, что теперь могут подойти и получить свои «нингек» (куски дележа). Женщины кинулись, стараясь перегнать друг дружку, почти застревая в узкой части прохода, которую чуть не сломали. Когда они прибежали к медведю, то стали совать руки

¹ В настоящих эскимосских хижинах окно расположено очень низко.

в рану и пили кровь, тут же показывая ту часть, которую хотели бы получить, как нингек. Тут наступила и моя очередь пить кровь, что я и сделал, сказав, что хотел бы иметь своей частью окорок; но мне отвечали на это, что все конечности уже обещаны и что я, кроме того, упустил из виду коснуться медведя, когда подошел к нему. Очень жаль, что я не вспомнил об этом! Теперь мать сообщившего о медведе побежала за чашкой воды и заставила всех нас выпить по глотку, хотя никому из нас не хотелось пить; это нужно было для того, чтобы обеспечить ее сыну постоянную удачу в охоте на медведя; а кровь пили, чтобы показать всему медвежьему роду, как мы жаждем его крови. Прежде чем начать свежевать, все хлопали по медвежьей шкуре, крича: «ты жирный, жирный, дивно жирный!» А это делалось из вежливости, в надежде, что медведь действительно будет жирный; но когда мы вскрыли нашего, он оказался необычайно тощим.

«Когда голову понесли в дом, я последовал за всеми, зная, что с ней будут производиться разные процедуры. Прежде всего голову положили на возвышение для лампы лицом к юго-востоку, затем забили рот и ноздри осадком из лампы и другим жиром и, наконец, украсили макушку всякой всячиной — выкроенными подошвами для сапог, опилками, стеклянными бусами и пр. Направление на юго-восток указывает на тот путь, по которому обыкновенно приходит медведь с большим льдом,¹ идущим вокруг южной

¹ Большим льдом (storisen) называется полярный лед, дрейфующий вдоль восточного берега Гренландии с севера на юг и затем огибающий мыс Фарвель. *Прим. ред.*

оконечности земли; мох в ноздрях — для того, чтобы помешать тому медведю, на которого будут охотиться, почуять близость человека; а смазывание рта — чтобы его раздобрить, так как говорят, что он большой любитель всякого поджаренного сала. Мелкие вещи, которыми украшали голову, стоят в связи с представлением, что этот медведь послан с поручением от предков достать эти вещи; а так как считается, что душа медведя вернется обратно только по прошествии пяти дней, то никогда не съедают головы до истечения этого срока, иначе душа медведя может умереть в дороге и все мелкие вещи для родственников погибнут. Зияющее отверстие сзади, где отрезана голова, затыкают, чтобы воспрепятствовать кровотечению во время пути. Я-то называю все это идолопоклонством; но язычники в старые дни считали, что и все живое и все мертвое имеет свою душу; но этого не следует смешивать с бессмертной душой человека. То, что здесь, так далеко на юге, и в наши дни всё еще придерживаются старых обычаев, объясняется тем, что не проходит года, чтобы не соприкасались с язычниками на восточном берегу.

«В 1885 году я уехал из Аугпилагтута. Я не совсем уверен в том, что даже у самого Памиагдлука нет нескольких отдельных семейств, которые не были бы еще склонны к повериям, связанным с медведем; а что касается других мест, как, например, в колонии, то здесь едва ли даже слышали о только что описанных обычаях.

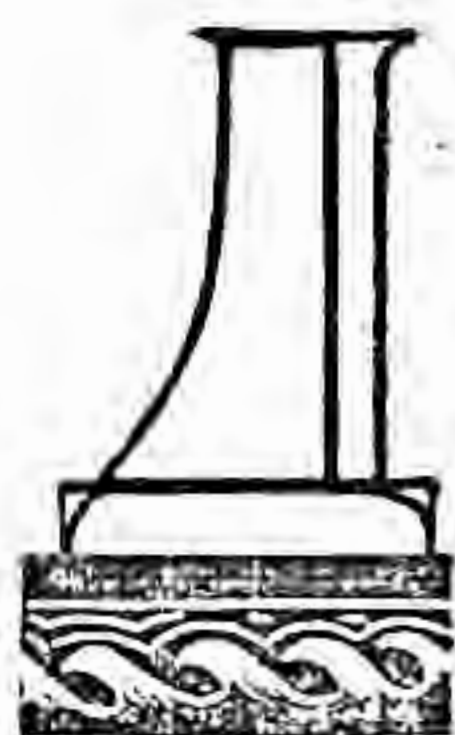
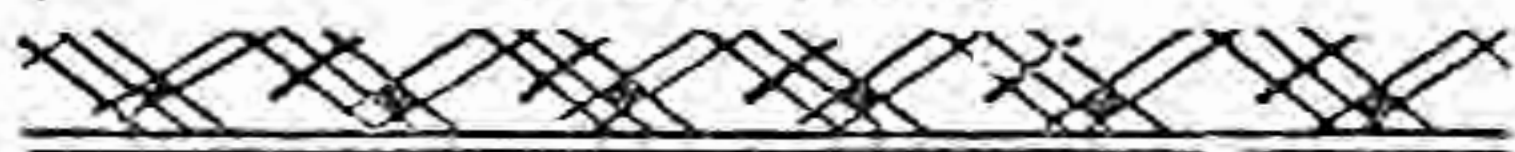
«Мне было неизвестно, в какой день будут варить медвежью голову, а потому я был удивлен внезапным приглашением притти и есть ее вместе со всеми; я, не

долго думая, отрезал морду; но тут-то мне и показали — вырвали ее у меня из рук! Здесь уж я, само собой разумеется, был обижен и прямо высказал им, что хотя они, может быть, и сочтут меня довольно глупым, но я ничуть не верю во все это; но они серьезно уверяли меня, что если так, то мне уж никогда не придется убивать медведя. На это я ответил, что так, вероятно, и будет, ибо я настолько близорук, что медведь успел бы облизать меня прежде, чем я увидел бы его.

«Из других обычаев все еще существуют следующие: видя на снегу следы медведя, съедают немного снега, чтобы обеспечить себе добычу на тот случай, если бы медведь вернулся той же дорогой. Маленьким мальчикам дают есть почки убитого медведя, чтобы дети стали сильными и храбрыми в охоте на медведя. В упоминавшиеся уже пять дней соблюдается осторожность, стараются не производить дребезжащих звуков, потому что медведь не любит звона.

«Матеус сказал, что этот медведь, которого он убил у меня на глазах, был одиннадцатым по счету, и что он, Матеус, совсем его не боялся, потому что с ним было ружье; но как-то однажды, увидев медведя, так же взбиравшегося на берег, он побежал на него с одним лишь копьем. Но как давно это было, этого он уже больше не помнит, так сказал Матеус».

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И СУЕВЕРИЯ

ДРЕВНИЕ религиозные представления эскимосов Гренландии примитивны, и даже сомнительно, можно ли тут вообще говорить о религии. Существует много преданий и суеверий, но всему этому недостает определенной и ясной формы. Понятия о сверхъестественном индивидуально меняются, и все производит впечатление религии в период ее создания; масса разрозненных и фантастических впечатлений, все еще не объединившихся в какое-то законченное мирозерцание.

Как все примитивные народы, эскимосы тоже первоначально одухотворяли природу; каждый предмет — камень, гора, орудие и т. п. — имеет свою душу.

Еще до сих пор можно найти следы этой веры. Души орудия, оружия и платья сопровождают умершего в его странствовании в страну мертвых, а потому такие вещи кладутся у могилы, чтобы они сгнили там, и души их освободились. Однако, как это часто встречается у примитивного народа, эта вера своеобразно, нелогично и спутанно смешалась с другой верой, что души умерших могут вселяться в разных животных, предметы, горы и тому подобное, над которыми они господствуют и откуда они могут выходить и даже являться людям. Таким образом, возникла вера, что в каждом предмете в природе живет особое существо, называемое «инуа» (inua), т. е. его владелец; знаменательно, что в сущности слово это значит «человек» или «эскимос».

По понятию эскимоса, камень, гора, ледник, река, море — все это имеет свою инуа, даже у воздуха она есть. Но самое замечательное, что и у понятий тоже может быть инуа; говорят, например, об инуа разных поступков и страстей. Хотя этот факт может показаться довольно неожиданным, объяснить его нетрудно. Если, например, примитивный человек во время сильного голода чувствует, что внутри у него сосет, то не так неестественно представить себе, что в этом повинно существо, которое эскимосы называют инуа голода или аппетита. Обычно такие инуа невидимы, но если их и видят, то (по Ринку) они являются в виде света или огня и лицезрение их очень опасно.

Эскимосы думают, что человек состоит по крайней мере из двух частей: тела и души. Душу можно видеть только при помощи исключительного чувства, имеющегося у некоторых людей, антакоков, которые обла-

дают особым даром и могут быть приведены в определенное своеобразное состояние. Тогда оказывается, что душа имеет тот же образ, что и тело, но более воздушной природы. Ангакоки говорили Хансу Эгеде, что души «совсем мягкие на ощупь, их даже едва можно осязать, совсем как будто бы они без жил и костей». На восточном берегу считали, что душа совсем мала, не больше руки или пальца. Эскимосское слово для обозначения души — «тарнек» (tarneq) сходно со словом «таррак» (tagraq), что значит «тень». Едва ли можно сомневаться, что первоначально это было одно и то же слово, и эскимосы считали, что душа и тень одно. Пауль Эгеде говорит, что у туземцев нет разницы между «тарраком» и «тарнеком», и сам он употребляет безразлично то одно слово, то другое. Это соответствует тому, что мы встречаем и у некоторых других народов. На островах Фиджи, например, тень называют темной душой, покидающей человека по ночам; светлая душа — это отражение. По-эскимосски же «таррак» значит «тень» и «отражение»; в Гренландии, значит, первоначальное слово для души обозначало все три вещи. Некоторые эскимосы верили также, что у человека две души: тень и дыхание. Пожалуй, во времена Эгеде наиболее распространенной была вера в то, что душа ближе всего связана с дыханием. Например, ангакок дул на больного, которого нужно было исцелить или дать ему новую душу.

Хансерак (Иоханнес Хансен), туземец из западной Гренландии, сопровождавший капитана Холма в его путешествии вдоль восточного берега, вел дневник по-эскимосски и писал там, что гренландцы в Ангмагсса-

ликке верили «в существование у человека нескольких душ. Самые большие находятся в гортани и в левой стороне человека и представляют собой маленьких человечков, величиной с воробья. Другие души живут в других частях тела и величиной с сустав пальца. Если отнимается одна из них, то заболевает соответствующая часть тела». Из других отчетов не видно, чтобы эта вера была особенно распространена среди эскимосов.

Душа совершенно самостоятельна и поэтому может покидать тело на короткий или более долгий срок. Она делает это каждую ночь, когда — в ярких снах эскимоса — отправляется на охоту или для развлечения. Душа, например, может также вернуться домой, когда люди находятся в путешествии. Можно потерять душу или ее можно украсть посредством колдовства. В таких случаях человек заболевает, и нужно послать своего ангакока, чтобы он поехал и привез душу обратно. Если же, однако, случится несчастье, например, ее съест торнарссук другого ангакока, человек должен умереть. Но ангакок может достать новую душу или обменять больную душу на здоровую, которую, например, может взять у зайца, оленя, птицы или маленького ребенка. Самое замечательное, что человек может потерять не только всю душу, но и кусочки ее, и тогда ангакок должен чинить ее.

У эскимосов на восточном берегу, кроме души, было также «имя» — «атекаута». По Холму, «оно величиной с человека и входит в ребенка, когда ему после рождения смачивают рот водой, одновременно называя имена умерших». Все гренландцы чаще всего называют детей по именам последних умерших,

если еще никто не был назван их именем, и это делается, чтобы доставить мертвым покой в могиле. Восточные гренландцы верили, что «имя» или остается с трупом или переходит через разных зверей до тех пор, пока так не будет назван ребенок. Поэтому людям вменяется в обязанность следить за этим; в противном случае будет нанесен вред ребенку, которого следовало бы назвать этим именем.

Имя в Гренландии, как и везде, имеет большое значение. Эскимосы считают, что между людьми с одинаковыми именами существует сродство душ и что свойства умершего переходят в названного по его имени, который кроме того должен остерегаться причины смерти умершего. Например, если тот погиб в море, то названный его именем должен особенно следить за тем, чтобы смерть не постигла его в каяке. Подобные представления встречаются и у других народов, например, индейцев.

Гренландцы очень боятся произносить имя умершего. По Холму, этот страх на восточном берегу так велик, что если у двоих было одно и то же имя, и один из них умирал, то переживший должен был менять свое, а если у умершего было имя животного, предмета или понятия, то менялось самое слово. От этого язык подвергался значительному временному изменению, так как эти переименования принимались всем народом.

Восточные гренландцы боятся также произносить свое собственное имя. Холм говорит, что если их спрашивали, как их зовут, они всегда просили других отвечать за них. Когда мать спросили, как зовут ее дитя, она ответила, что сказать этого не может. Отец тоже

не говорит, он сказал, что забыл, но могут узнать это от брата жены.

Умерший может быть вызван из могилы или будет беспокоен в ней, если назвать его имя. Эскимосы не решались, например, произносить названия ледника Пуисортон,¹ когда проплывали мимо, потому что боялись, что он обидится и от него отколетя кусок.

Повидимому, у гренландцев несколько мнений о жизни души после смерти. Некоторые считали, что со смертью все кончается, но большинство думало, что если душа и не совсем бессмертна, то все же она продолжает жить или во всяком случае может воскресать после своей смерти вместе с телом. Она попадала тогда или в нижний мир под землей и морем, или в верхний мир на небесах, или, вернее, в место между небом и землей. Первое считалось лучшим. Может показаться странным, что они в противоположность нам считали лучшим местом подземный мир и мир под морем. Там, будто бы, много солнечного света.

Наверху в верхнем мире холодно; он похож на землю с горами и долинами, и над ним раскинулся голубой небесный свод. Там души умерших живут в палатках вокруг озера; когда оно выходит из берегов, на земле идет дождь. Там много водяники и много воронов, которые все время садятся на головы и вцепляются в волосы старух. Трудно отделаться от них; вероятно, они соответствуют вшам нашего мира. Там можно также видеть по ночам души умерших, играющих в футбол головой моржа. На восточном берегу верили, что северное сияние — души мертворожденных

¹ На восточном берегу, сейчас же южнее мыса Билле.

или родившихся преждевременно, или детей, рожденных тайно. Эти души детей «брали друг друга за руки и водили хороводы, раскачиваясь и извиваясь». Поэтому эскимосы и называли северное сияние «алугсугкат», что ближе всего значит «дитя, рожденное преждевременно или втайне».

У эскимосов нет ада. Оба названных местопребывания душ в общем более или менее хороши, и куда попадает душа — в одно место или в другое, повидимому, не имеет особенного отношения к добрым или злым делам человека.

Путешествие в прекрасную страну под землей и морем не легко. Эгедэ говорит, что по пути туда есть высокий острый камень «по которому умершие должны скользить на своем задуге, отчего камень тот окровавлен». Кранц рассказывает, что, прежде чем войти, душам нужно пять или даже больше дней, чтобы спуститься вниз по этому камню или этой горе. Очень жалко тех несчастных, которым приходится совершать такое путешествие зимой или в непогоду, так как тогда они легко могут погибнуть; это они называют второй смертью, и после нее уже ничего больше нет. Этого эскимосы больше всего боятся, и, чтобы так не случилось, живущие должны в это время принимать известные меры предосторожности. Такие представления, вероятно, заимствованы у других, скорее всего у индейцев. Острый камень особенно сильно напоминает индейский «горный гребень, у которого вершина была так остра, как самый острый нож» и через который шел путь в жилище душ.

Эскимосы думали, что и у зверей есть душа, которая могла жить после смерти и предпринимать путе-

шествие в потусторонний мир; это видно и из того рассказа о медведе, который помещен в конце предыдущей главы.

У эскимосов много высших сверхъестественных существ. Среди стоящих ближе всего к людям и через их ангакоков больше всего им полезных можно назвать так называемых «торнатов» (множественное число от «торнак»). Это духи, служащие ангакокам и помогающие им приобрести сверхъестественную силу. Их часто называют душами умерших, особенно дедов или предков; но они могут быть и душами животных или другими сверхъестественными существами, существами человеческого происхождения (например, «кивитут», о которых будет упомянуто ниже) или же живущими в море или во внутренней части страны. Они могут быть душами отсутствующих европейцев. У ангакока бывает обыкновенно несколько таких торнатов; одни подают совет, другие помогают в опасностях, а иными он пользуется для мести и гибели. В этом последнем случае они посылаются ангакоком, чтобы являться в виде привидений и пугать насмерть тех, кого нужно погубить.

В связи с торнатами — или над ними — стоит «торнарссук», который, по распространенному понятию, является чем-то вроде господина торнатов или во всяком случае могущественным торнаком. Торнарссук большей частью рассматривается как добрый дух; через своего торнака ангакок может входить с ним в общение и получать от него добрые советы. Но часто, повидимому, ему приписывают тоже и дурные дела, и, пожалуй, он, как и все другие сверхъестественные существа, может принести пользу и повредить.

все дело в ангакоках. Его жилище в подземном мире, в стране душ. Представления об его внешнем виде неясны; некоторые считают, что у него нет образа, другие, что он как медведь, иные, что он большой и только с одной рукой, и, наконец, некоторые думают, что он мал как палец. По Хансу Эгеде, его существо также не выяснено; некоторые полагают, что он бессмертен, но находятся и другие, считающие, что, наоборот, немного нужно, чтобы убить его. Так, Эгедо описывает, что когда ангакок предпринимал магические действия или когда он говорил с торнарссуком, «то тогда никто не должен чесать в голове, или спать и не выпускать из себя дурного воздуха; ибо подобной стрелой, говорят они, можно убить колдуна, да даже и самого дьявола (т. е. торнарссука)».

По отчетам капитана Холма, эскимосы-язычники в восточной Гренландии смотрели на торнарссука как на более скромного зверя; он живет в море, и многие, а не только ангакоки, даже самые обыкновенные люди, могут его видеть и действительно видели. Поэтому они описывают торнарссука очень подробно, и у них даже есть его многочисленные изображения. Он такой же длины, как большой тюлень, но толще его, и кроме того у него длинные цепкие лапы. Он ест похищенные души и часто бывает совсем красен от крови. У каждого ангакока есть свой торнарссук. В восточной Гренландии у ангакоков есть еще помощник «аперкетек», черное животное до двух локтей длиной с двумя большими, острыми, как нож, клешнями на голове.

Обычаи эскимосов, связанные со смертью людей и погребением, показывают, как они боятся мертвых,

а особенно их душ или привидений. Умиравших часто одевают незадолго до смерти в смертную одежду, т. е. в их лучшую одежду; ноги часто так подгибают, что ступни попадают под туловище; их зашивают или пеленают в шкуры. Это, конечно, делается и для того, чтобы они занимали меньше места и могилы были бы меньше; делается это, еще пока люди живы, чтобы живые избегли необходимости прикасаться к ним, когда они будут трупами. Этот страх прикосновения к мертвецу доходил до того, что эскимосы не хотели помогать в несчастных случаях (например, каячнику, готовому утонуть), если думали, что человек близок к смерти.

Когда убеждались в смерти человека, труп выносился через окно, если это случалось в доме; если в палатке, то его выносили через отверстие, сделанное в шкурах в задней стене. Это удивительно совпадет с обычаем, существовавшим также и у нас, когда тело выносилось через отверстие, сделанное на этот случай в стене. Основание этому было одно и то же как там, так и здесь, а именно, что эти отверстия можно снова заделать, и душа или приведение не сможет пройти через него, что легко могло бы случиться, если труп был бы вынесен через проход в хижину или дверь. Не лишено вероятности, что эскимосы взяли этот обычай у древних норвежцев или исландцев, живших в Гренландии.

Во многих сагах упоминается, что у исландцев-язычников был такой обычай. В Эйрбюггья-саге говорится: «Потом он приказал проделать в стене дыру позади умершего и вынес его через нее». Вещи покойного сейчас же выбрасываются, чтобы не сделать

оставшихся в живых нечистыми. Это напоминает наше сожжение постели умершего, тоже очень распространенное в Европе.

Оставшиеся в живых выносили и свои вещи, чтобы из них вышел запах смерти. Вещи или вносились обратно вечером или оставались лежать несколько дней, как это делалось на восточном берегу. Был еще обычай, что родственники умершего переставали носить свои старые одежды и выкидывали их.

Когда тело выносили, одна из женщин зажигала лучину и махала ею назад и вперед, говоря: «Здесь нечего больше взять». Это делалось для того, чтобы показать душе, что все принадлежащее ей выброшено.

Покойник хоронился в земле или опускался в море. Все, что у него было: каяк, оружие и платье (а если это была женщина, то швейные принадлежности, кривой нож и прочее) клалось на могилу или возле нее, или где-нибудь на берегу, если труп был брошен в море. Повидимому, делали это отчасти еще и потому, что боялись вещей умершего и ни за что не хотели пользоваться ими, а отчасти потому, как говорит Эгед, что вещи заставили бы людей плакать, а «если они плачут слишком много над покойником, то, как они верили, он мерзнет». Эти представления поразительно напоминают песню о Хельге Хундингсбане, где говорится, что его вдова, Сигрун, встречает его, а он весь мокрый и замерзший и покрыт инеем, потому что она плакала о нем.

У эскимосов много траурных обычаев, которые довольно сильно влияют на их жизнь, так, например, несшие труп не могут несколько лет работать с желе-

зом. Эти обычаи показывают, что они приписывали мертвым сильное влияние на жизнь на земле.

Как сказано, гренландцы верили в целое полчище сверхъестественных существ, и здесь будет говоритья еще о некоторых.

Над морскими животными царила большая женщина; некоторые называли ее безымянной, другие «Арнаркуагссак», что всего-на-всего значит «старуха».

Она живет под морем, где сидит у лампы, под которой стоит чаша или скамейка, чтобы собирать капающий жир, совсем так, как делают эскимосы со всеми своими лампами. В этом жиру плавают масса морских птиц, и оттуда выходят морские животные: тюлень, морж и нарвал. Если в ее волосах набирается известная нечисть, то она собирает морских животных от берегов, или животные сами уходят, так как притягиваются нечистью. Тогда перед ангакоком возникает трудная задача — посетить «старуху», чтобы умилоствить ее или вычесать ей волосы. Дорога туда опасна, и ангакоку необходимо взять с собою своего торнака. Сначала он проходит через прекрасную страну душ в нижнем мире; потом через огромную пропасть, находящуюся там, которую может пройти только через большое колесо, которое гладко, как лед, и быстро вертится (здесь торнак должен вести его), потом он проходит мимо кипящего котла с живыми тюленями. Затем ему нужно пройти или мимо опасного места, где стоят на хвостах на страже злые тюлени и кусаются, или мимо большой собаки, она стоит у дома старухи и предупреждает ее, когда приходит великий ангакок; собака засыпает только из-

редка, тогда он должен ловить момент, но это могут сделать только высшие ангакоки. Здесь торнак снова должен взять ангакока за руку. Вход в дом достаточно широк, но путь к нему узок, как шнурок или лезвие ножа, и проходит над ужасной пропастью. Наконец, они попадают в дом, где сидит женщина. Рука у нее так длинна, как хвостовой плавник у кита, и если она ударит ею, то все кончено. По словам некоторых, она рвет на себе волосы и потеет от бешенства из-за такого посещения, и ангакок с помощью своего торнака должен биться с ней, чтобы подойти и вычистить или вычесать ей волосы; другие думают, что можно уладить дело добрыми словами и уговорами. После этого обратный путь для ангакока уже относительно легок.

Этот миф напоминает путешествия в иной мир, игравшие такую выдающуюся роль в европейских преданиях, и едва ли можно сомневаться, что эти гренландские представления носят окраску европейских преданий, даже, пожалуй, возникли из них. Представления, например, о гладком колесе находятся в средневековых легендах, также как и узкий мост. Большая собака напоминает, между прочим, о Гармеле, лающем перед пещерой Гнипа. В европейских сказках, а особенно в наших скандинавских, часто появляется старуха, правящая животными; ее обычно называют матерью, ее чешут или моют, и она очень любит получать подарки. Если Акселадд встречает ее и оказывает ей такое одолжение, то она в благодарность заставляет животных помогать ему или в свою очередь одаряет его. Души, идущие в верхний мир, доходят до вершины высокой горы мимо удивительного жилища женщины. Ее зовут «Эрдлаверсиссок» (это

значит: «вынимающий внутренности») и у нее есть корыто и окровавленный нож. Она бьет в барабан, танцует со своей собственной тенью и говорит только: «Мотня от штанов» и т. д. или поет: «Иа, ха, ха, ха!» Поворачиваясь спиной, она показывает широкую мотню, из которой торчит тощая плотва; когда же женщина поворачивается боком, то так перекашивает рот, что лицо у нее становится больше в ширину, чем в длину. Когда она нагибается вперед, то лижет свой собственный зад, а наклоняясь в сторону, с треском ударяет щекой о бедро. Если души смогут смотреть на нее без смеха, то никакой опасности нет; но стоит только им улыбнуться, как она бросает барабан, хватает души, крутит, берет нож и вспарывает их, вырывает кишки, кидает их в корыто и жадно проглатывает. И в этом рассказе мы опять встречаемся с некоторыми скандинавскими чертами. Подземные жители тоже не терпят смеха; человеческое существо, оскорбляющее их, смеясь над ними, должно дорого заплатить за это. Два имени великанши, встречающиеся в Эдде Снорре — Бакрауф и Ривингафла (та, что с расколотым или разорванным задом), дают представление, сходное с фигурой гренландского предания.

В этом же путешествии в верхний мир души проходят также и мимо жилища духа луны. Путь, по которому они идут, описывается между прочим как очень узкий, где так вязко, что они погружаются до лопаток. Это напоминает болота, которые в нашей «Песне о снах», будто бы, расположены вблизи моста Гьяллар и в которых злые люди вязнут. В народном датском поверье эти болота называются — адские мхи или адская трясина.

Когда каячники бывали в море, то думали, что их окружают так называемые «ингнерссуйт» (множественное число от «ингнерссуйак», что значит «огонь»). Большинство из них добрые существа, помогающие людям. Вход в их жилища находился на побережье. «На первозданной земле не было ни моря, ни гор, она была совсем голая. Так как он наверху не любил людей, то и испортил землю. Она потрескалась, а люди упали в трещины и сделались ингнерссуйтами, а вода устремилась всюду. Когда земля вновь соединилась, то оказалась покрытой сплошным ледником. Он исчезал мало-по-малу, и с неба упали два человека и от них населилась земля. С каждым годом можно видеть, что ледник уменьшается. Во многих местах и сейчас еще видны метки от тех времен, когда море лежало над горами».¹

В этой мифе можно проследить несколько различных влияний. Представление об ингнерссуйтах напоминает индейские предания. Представление о двух людях, упавших с неба, и о плоской земле, которая потрескалась, как будто бы идет от финно-угрских преданий или почерпнуто из одного и того же источника. Мы находим также черты, напоминающие потоп.

Эскимосы полагали, что внутри страны или на материковом льду живет много разных больших троллей. Некоторые из них назывались «торнит» (множественное число от «тунек») или «инорутсит», на восточном берегу «тимерсит». У них человеческий образ, и они очень большие, некоторые говорят, что до четырех метров, а другие, что они в высоту такие же,

¹ Holm Meddelelser om Grönland, 10.

как женская лодка в длину, т. е. значит, по меньшей мере десять метров. Одна только душа их ростом с обыкновенного человека. Они живут охотой на наземных животных и морских животных. Они могут бегать невероятно быстро. На море они не пользуются лодкой, но сидят в воде и туман служит им каяком. Большими западнями они ловят с земли тюленей, а в большом мешке из тюленьих шкур могут тащить на берег двух больших морских зайцев. Чаще всего они во вражде с людьми, но могут также и дружески обходиться с ними и даже меняться с ними женами.

Другой вид существ внутри страны назывался «ига-лигдлит» (множественное число от «игалилик»). Они носят на плечах целую кухню, где есть кастрюля такой величины, что в ней могут целиком варить тюленя, она все время кипит, где бы они ни были и куда бы ни шли.

Третий вид — «эркигдлит» (множественное число от «эркилек»). Некоторые считают, что у них верхняя часть похожа на человека, а нижняя на собаку, тогда как другие думают, что и голова у них собачья и морда собачья. Это ловкие стрелки из лука, носящие стрелы в колчане на спине. Они опасны для человека.

Дальше можно назвать «иссеркат» (множественное число от «иссерак»), которые «смотрят поперек», т. е. у них глазные отверстия идут сверху вниз.

Удивительные существа «кивитут» (множественное число от «кивиток»). Они когда-то были обыкновенными людьми, но по той или иной (часто незна-

чительной) причине поссорились с семейством или с живущими в одном доме или почувствовали себя обиженными ими и потому покинули людей. Они ушли в горы или внутрь страны, где живут одни и питаются животными, которых добывают не при помощи обыкновенного оружия, а только кидая в них камнями, в этом они приобрели большую ловкость. Если кивиток отсутствует недолгое время, то еще бывает в силах вернуться домой. Но если проходит известное число дней и он не слышит человеческого голоса, пробуждающего в нем тоску по родине, то он теряет способность вернуться обратно к людям; некоторые думали, что это случается только через год. Если он тогда не возвращается домой, то приобретает сверхъестественные свойства. Он становится тогда таким легконогим, что может прыгать с одной горной вершины на другую. Он может ловить оленей без оружия и всегда попадает, во что бы ни кидал. Он делается большим и одевается в оленьи шкуры. Некоторые считают, что он делается черен лицом и волосы его седеют. Он становится всезнающим и ясновидящим, может слышать людскую речь и выучивается понимать язык животных. Но зато его несчастье состоит в том, что он не может умереть, всегда печален и плачет, скучая о людях, которых не может больше посещать. Если обстоятельства благоприятствуют, что бывает особенно по ночам, он может подходить к домам или туда, где лежат запасы, чтобы найти что-нибудь поесть или отыскать немного табаку. Те, кто обидел его, — всегда под угрозой его мести.

Это верование в кивитутов основывается на условиях действительной жизни. Самоубийств почти не

бывает в Гренландии, если исключить некоторых старых и больных людей, бывших при смерти, которые бросались в море или с крутой скалы, чтобы покончить со своими страданиями и обеспечить себе погребение. Однако, случалось, что отдельные люди уходили в горы только из-за обидного слова, сказанного близким человеком, и оставались там на несколько дней; я сам знал гренландцев, поступавших так. Эскимосы считали, что у них есть верные доказательства того, что люди живут в образе кивитока долгое время. Однажды, в 1850-х годах, в пещере на острове Акугдлит в северной Гренландии были найдены следы человека, жившего там долгое время. Нашли протоптанную дорожку, ведущую ко входу в пещеру; в ней увидели очаг, дыру в полу, употреблявшуюся в качестве кладовой, мягкое ложе из мха, остатки сушеной рыбы, съедобные корни растений и т. п. В нескольких шагах оттуда нашли меньшую пещеру, где перед входом был поставлен камень и где кивиток похоронил себя, когда приблизилась смерть. Когда его нашли, он все еще лежал в своей одежде из тюленьего меха; вход в пещеру он сам закрыл изнутри камнем. Гренландцы узнали его и говорили, что он прожил кивитоком два или три года. Причина его ухода от людей заключалась в том, что он был плохим охотником, и потому близкие презирали его и ни во что не ставили, а когда его маленький сын умер, то жизнь показалась ему слишком тяжелой, и он ушел.

Мольтке Му обратил мое внимание на удивительное сходство этих кивитутов со столь часто упоминаемыми в исландских народных преданиях «утилегуменнами», изгоями или лиходеями, ушедшими в горы

и жившими в выселках далеко от людей. Большая роль этих изгоев в народной фантазии, таинственность, окружавшая их, и страх, который они внушали, послужили тому, что народное поверие часто смешивало изгоев с троллями и другими сказочными существами, наделяя и их сверхъестественными особенностями. Изгой знает будущее, знает, что случается в отдаленных местах, могут наворожить туман и сбить с дороги путника и обладают сверхъестественной силой. Подобно тому, как кивитоки приходят к людям, чтобы найти себе что-нибудь поесть, так и изгой похищает баранов, пищу и одежду у населения поселка. Чрезвычайно характерна как для гренландцев, так и для исландцев вера в то, что люди, удаляясь из общества, получали сверхъестественные силы. Сходство станет еще поразительнее, если знать, что эти сказания как в Гренландии, так и в Исландии составляют значительную часть народного предания. Подобных представлений почти нет ни у каких народностей, за исключением норвежцев из западной и, особенно, северной Норвегии. Приходится сделать вывод, что вера в кивитоков в Гренландии ведет свое начало от древних скандинавов или, точнее, от исландцев.

Среди удивительных существ, в которых верили эскимосы, можно назвать и «игдлукока», похожего на полчеловека с половиной головы, одним глазом, одной рукой и одной ногой. Подобные существа известны в верованиях многих других народов.

У эскимосов нет никакого представления о сотворении мира. Земля и вселенная или возникли сами собой или всегда такими были и всегда такими будут. О сотворении человека или эскимоса у них тоже нет

какого-нибудь ясного представления. Некоторые считали, что первый человек вырос из земли и женился на земляной кочке. Она родила девочку, которую он и взял себе в жены. Это произрастание из земли — обычное представление, встречающееся и у нас и в Исландии. Мы говорим: тот, кто ударяет палкой по земле, бьет свою мать, тот, кто ударяет по камню, бьет своего отца. Это напоминает гренландское поверие, по которому, повидимому, первый человек вышел из горы.

О создании нас, европейцев, у них есть предание, не очень лестное для нас. Одна эскимосская женщина, которая не могла удержать надолго ни одного мужа, в конце концов вышла замуж за пса и родила сразу и детей и щенят. Последних она посадила на старую подошву, толкнула в море и сказала: «Ступайте и сделайте «кавдлунаками» (т. е. европейцами) или «вы будете производить всякие вещи» или нечто в таком же роде. Поэтому-то, говорили эскимосы, кавдлунаки всегда живут на море, а их корабли сделаны как гренландские сапоги, круглые и спереди и сзади. Других она посадила на ивовые листья и толкнула к земле, и от них произошли люди, живущие в глубине страны или индейцы («эркигдлит» и «торнит»).

Некоторые из эскимосов думают, что причиной смерти является женщина; она будто бы сказала: «Пусть они постепенно умирают, иначе им нехватит места на свете». Другие полагают, что двое из первых людей поспорили. Один говорил: «Пусть будет день и пусть будет ночь, и пусть люди умирают»; другой говорил: «Пусть будет только ночь, и пусть люди живут»; после долгого спора стало так, как

говорил первый. Иные же думали, что червяк и вошь состязались в том, кто раньше дойдет до человека: если червяк дойдет первым — люди будут жить; а если дойдет вошь — люди будут умирать. Червяк далеко опередил вошь, но так как по пути нужно было перелезть через высокую гору, то ему пришлось сделать большой обход; поэтому вошь пришла раньше, и люди стали умирать. Эти мифы, повидимому, дошли сюда из других мест и представляют собой остатки древних мифов.

Эскимосы верят, что почти все, что они видят, обязано своим происхождением их землякам. Рыбы и морские животные были созданы, когда однажды старик колот щепы; он тер их у себя между ногами и бросал в воду — от этого и произошли рыбы. Большая акула появилась иначе: «Одна женщина смачивала свои волосы мочой, но налетел ветер и унес тряпку, которой она вытиралась, и та превратилась в акулу, а потому мясо этой рыбы пахнет мочой».

Небесные светила были когда-то обыкновенными эскимосами, жившими здесь на земле и по той или иной причине попавшими на небо. Солнце было красивой женщиной, а месяц ее братом; они жили в одном доме. Каждую ночь к ней приходил мужчина, и она не знала, кто он. Чтобы узнать, кто это, она намазала руки сажей от лампы и погладила его по спине. Когда рассвело, оказалось, что это ее брат, его чистая белая одежда из оленьего меха была запачкана, а отсюда и пятна на луне. Солнце схватила кривой нож, отрезала себе одну грудь, бросила ему и сказала: «Если все мое тело тебе по вкусу, то ешь и это!» С этими словами она зажгла мох из лампы и улетела.

Месяц сделал то же самое и помчался за ней, но его мох погас, а поэтому-то он и похож на тлеющий уголек. Они гонялись друг за другом в воздухе, да там и остались. Жилище месяца возле пути душ в верхний мир; там есть комната для его сестры — солнца. Эскимосы считают, что солнце красиво спереди, а сзади у него один скелет. Это напоминает наших прекрасных хюльдр, у которых в спине дыра, и это, конечно, европейское представление, главным образом, северное, дошедшее до Гренландии через древних скандинавов. Восточные гренландцы полагали, что если у солнца сзади только скелет, то это оттого, что когда оно стоит совсем низко (т. е. когда день самый короткий), его обскабливают острыми орудиями и ему тогда снова приходится подниматься. Таким образом весь его зад обскоблен, и остался один скелет.

Месяц все еще не оставил своих старых привычек и часто приходит на землю в поисках пикантных приключений. Поэтому женщины должны его остерегаться; они не должны выходить на лунный свет одни, смотреть на луну и т. п. Кроме того месяц ставится эскимосами в связь с морозами. Он производит снег, строгая моржовый клык и кидая стружки на землю или дуя в трубу. Когда он приезжает на землю, он всегда приезжает на санях через лед. Так как месяц холодный и строгий, то понятно, что он мужчина. Дальше на юг солнце досаждает своим жаром и там становится мужчиной, а луна женщиной.

Эскимосы думали, что пром обязан своим происхождением двум старухам, дерущимся из-за сухой жесткой шкуры, которую они тянут каждая за свой

конец; в пылу битвы они опрокидывают лампы, и тогда сверкает молния.

Туман бывает оттого, что торнарссук пьет так много, что лопается.

О причине дождя, кроме вышеназванного представления, на восточном берегу есть другое. Там считают, что дождь обязан своим происхождением «Асиаку», существу, живущему на небе. Бывало, что в засуху ангакоки ездили к нему и просили дождя. Когда они приходили к дому и заглядывали в него, то видели жену, сидевшую на нарах, а дальше к стене завернутого Асиака. Если на жену наседали хорошенько, она говорила, наконец: «Ночью он, как всегда, немного обмочился». И когда потом вытряхивала мокрые куски медвежьего меха, на котором он сидел, и с них капало, на земле шел дождь. Эскимосам ведь дождь не нужен, так как они живут охотой и рыбной ловлей; если же ангакоки и просят о дожде, то это указывает, что миф происходит из других мест, где занимаются земледелием. Дождь часто считается мочой, и эту мысль можно встретить у многих народов. (Сравни, например, у Аристофана, заставляющего одного из действующих лиц в «Облаках» говорить, что раньше он полагал, что дождь идет, когда Зевес мочится через сито.)

В вере или, вернее, в суеверии эскимосов поучали ангакоки (во множественном числе ангакут), не только самые умные и самые выдающиеся из эскимосов, но часто также и самые хитрые. Они уверяли, что могут говорить с духами, предпринимать путешествия в нижний мир, на небо и другие места, вызывать торнарсука и других сверхъестественных существ, получать

от них откровения и т. д. Они действовали на своих земляков и приобретали влияние на них, главным образом, своими таинственными заклинаниями духов, по большей части зимой, когда жили в домах. Тушились лампы, окна завешивались шкурой, и становилось совсем темно. Сам ангакок садился на пол. Производя ужасный шум, так что весь дом буквально трясся, меняя голос, рыча и крича, чревоушная, испускающая стоны, жалуясь, колотя в барабан, визжа, раздражаясь сатанинским, раскатистым смехом и проделывая всякие другие фокусы, он заставлял своих земляков верить в то, что его посетили разные духи и что это они-то и шумят.

Как и следует ожидать, тот, кто делался ангакоком, должен был проходить долгое ученье, часто лет десять. Он должен был постоянно и в течение долгого времени пребывать в одиночестве, должен был тереть по кругу (по ходу солнца) камень о камень несколько дней подряд. Тогда выходил из горы дух, человек умирал от страха, но потом снова оживал и т. д. Так постепенно он приобретал своих торнатов. Он не должен был открывать, что занимается таким делом, пока не кончалось ученье, тогда только он рассказывал об этом. Если он хотел сделаться законченным ангакоком, то должен был дать медведю схватить себя и уволочь на берег; здесь должен был появиться морж и вонзить зубы в его половые органы, потащить его до самого горизонта и съесть его. После этого ноги возвращались домой, подбирая по пути куски тела, и они снова срастались в целого человека.

Влияние таких ангакоков зависело, конечно, от степени достигнутой ими ловкости. Однако, кажется,

они были не только обманщики; они, очевидно, и сами верили в некоторые свои фокусы и думали, что иногда получали настоящие откровения, хотя Эгеде не верил, чтобы они «на самом деле входили в коммерцию и общение с дьяволом».

Они исцеляли болезни, произнося известные слова, вкладывали новую душу и тому подобное. В число болезней, исцеляемых ими, входили и случаи, когда у охотника не ловились тюлени или женщина не рожала детей. Если дело шло о последнем случае, то в восточной Гренландии ангакок, если был достаточно искусен, должен был ехать к месяцу и кинуть оттуда ребенка женщине, которая после этого становилась плодовитой.

Чтобы ангакок мог исцелить болезнь, ему нужно хорошо заплатить, иначе его искусство не поможет. Конечно, это не он сам получал дары, но торнак, за которого только распоряжался ими ангакок.

Благодаря связи с сверхъестественным миром, уважаемые ангакоки имели известную власть над своими соотечественниками. Те боялись противиться ангакокам, так как это могло иметь дурные последствия.

Ангакоки по большей части делали добро, но могли и причинять зло, вырывая у людей души и давая их на съедение своим торнарссукам, посылая своих торнатов пугать до смерти своих врагов и т. д.

Такие злодеяния, как убийство волшебством, колдовство над оружием, чтобы оно не попадало в цель, и тому подобное, делала по большей части другая группа людей, так называемая «илиситсоки»; это могли

быть и мужчины и женщины.¹ Этих ведьм и ведьмаков сильно ненавидели. Эскимосы считали, что большая часть зла, особенно болезнь и смерть, идет от них, и если эскимосы подозревали, что, например, какая-нибудь старуха была «илиситсок», то убивали ее без всякой жалости.

Тогда как ангакоки входили в общение с духами на народе, илиситсоки общались со сверхъестественными силами одни и в глубочайшей тайне и только для того, чтобы вредить другим. Они тайно учились у другого, старшего илиситсока и дорого платили за ученье. Неясно, какого сорта были те сверхъестественные существа, с которыми они входили в общение; они, конечно, были иные, чем у ангакока, и держались втайне. Пуская в ход свое дьявольское искусство, они пользовались разными средствами, как, например, человеческими костями, мясом трупов, мертвецами, червями, пауками, плавунцами и т. п., но особенно действительны были все же «тупилаки». Они приготавлились тайно из различных костей животных, кусочков шкур из анорака или добычи человека, которого хотели погубить тупилаком и т. п.; все вещи связывались вместе или заворачивались в шкуру. Затем тупилак оживлялся пением над ним заговорных песен. После этого илиситсок усаживался на каменную осыпь у самого впадения реки в море. Он надевал анорак задом наперед и капюшоном закрывал лицо. Тупилак вырастал и когда становился большим, то соскальзывал в воду и исчезал. Он мог превращаться во всяких жи-

¹ Ангакоки тоже могли быть обоих полов, но женщины бывали ими редко.

вотных и чудовищ и причинял смерть и несчастья тому человеку, против которого был послан. Если это не удавалось, он обращался против того, кто его послал.

Представление об этих тупилаках весьма напоминает веру в ганд, распространенную у нас в Исландии, и вполне возможно, что эскимосы взяли это представление от наших предков в Гренландии. В Исландии тоже занимались колдовством при помощи ганда, нечто вроде сказочного существа, посылаемого колдуном и принимающего различные образы; если ему не удавалось погубить того, против кого он был выслан, он возвращался обратно и убивал своего создателя. Как в Гренландии, так и в Исландии и Норвегии ганд, однако, могли перехватить при помощи другого колдуна или колдуньи, и тогда его сила терялась.

Эскимосы верят в амулеты, которыми почти все пользуются и которые состоят из определенных предметов, имеющих отношение к животному или человеку. Над амулетами поются или бормочутся заклинательные песни. Родители дают амулеты своим детям, когда те еще совсем маленькие, или же дети по совету старших сами их себе находят. Их носят всю жизнь, обыкновенно на теле или в платье. Мужчины часто зашивают их в свои кожаные помочи на груди, а женщины носят в прическах. Иные хранятся в крыше дома или палатки или в каяке, чтобы не дать ему перевернуться. Чаще всего у каждого человека их несколько. Думают, что амулеты могут предохранить людей от колдовства и от вреда, наносимого духами, что они могут помогать в опасности и придавать владельцу особые свойства. Некоторые амулеты употребляются

также для того, чтобы обращать владельца их в оборотня; если у человека амулетом служит птица или рыба, то он, призвав их, может сам обратиться птицей или рыбой, или обратиться деревом, водорослями или чем-нибудь иным, смотря по тому, из чего сделан амулет. Это напоминает об оборотнях (сокол-оборотень и пр.) в нашей древней мифологии. Вера в амулеты, как известно, распространена по всей земле, и ее можно проследить от самых примитивных до самых развитых народностей. У эскимосов эта вера начинается, конечно, с весьма низких стадий и является, пожалуй, самой древней в их религиозных представлениях. Возникновение веры в амулеты легко объяснимо. Иногда это может быть, конечно, чистой случайностью; люди, например, заметили, что человек, обладавший каким-нибудь особенным предметом, всегда бывал счастлив в своей охоте, и тогда они и себе раздобывали такой же предмет в надежде на такой же успех. Но чаще всего здесь есть более глубокое основание. Если человек видит, например, что такая птица, как сокол, летит с невероятной легкостью, отбивается, нападает и т. п., то думает, что каждая часть этой птицы, а особенно голова, клюв и когти обладают некоторыми свойствами и силами сокола. Бесплодные женщины в Гренландии брали части подошв от сапог европейцев и вешали их на себя, чтобы иметь детей. Им было известно, что европейцы плодовиты, и они верили, что от сапожных подошв, которыми мы пользовались, сила перейдет «в их одежду и будет служить им в подобных случаях». Эскимосы употребляют пробку из тюленьей крови, чтобы останавливать кровотечение из раны тюленя. Если мальчик харкает кровью

и если вся семья слабогрудая, то мальчику зашивают спереди на груди анорака такую пробку из крови. Это та самая «симпатическая передача», которая играет столь большую роль в суевериях всех народов. Часто эскимосы употребляют в качестве амулета клочки одежды предков или их имущества, обычно дедов. Они верят, что души умерших могут защищать их, и если носить на себе нечто, принадлежавшее умершему, то будет легче общаться с ними. Есть примеры употребления в качестве амулетов женских или мужских фигурок.

Сверхъестественную помощь гренландцы получали также и от волшебных заклинаний. Ими пользовались при болезнях, в опасных положениях, против врагов и т. п. Они обладали почти тем же действием, что и амулеты. Они еще меньше были связаны с духами, но никто не знал точно о способе их действия. Мы даже не знаем смысла употреблявшихся слов. Волшебные заклинания древни и переходили из поколения в поколение при помощи продажи. Чтобы они имели силу, их нужно учить тайно и платить за них сейчас же и очень дорого. Произносились они медленно, приглушенным и таинственным голосом. Они, кажется, стоят в связи с волшебными существами, во всяком случае отчасти; они напоминают часто бессмысленные заговоры наших древних колдуний. Волшебные заклинания в Гренландии, по всей видимости, остатки древних обычаев, пришедших извне, и первоначальное их значение утеряно. По Ринку, волшебным заклинаниям можно выучиться, прислушиваясь к голосам птиц.

Эскимосы употребляли также и волшебные песни. Слова в них, однако, понятны, и их можно петь в присутствии других людей.

Жертвоприношения сверхъестественным силам у гренландцев играют сравнительно небольшую роль. Наиболее распространены жертвоприношения душам моря, так называемые «кунгусугтариссат» (множественное число от «кунгусугтариак»). Эти существа любят песцовое мясо и песцовые хвосты, и эскимосы приносят их им в жертву всякий раз, когда ловят песца, чтобы обеспечить хорошую охоту. Во время путешествия они тоже приносят жертву, чтобы пройти благополучно мимо прибрежных гор, ледников и т. п., если считают их опасными. Жертвой часто бывает пища, но могут быть и бусы или другие вещи, ценимые эскимосами, и все это выбрасывается в море.

Наряду с этими религиозными церемониями у эскимосов есть различные правила, которых следует придерживаться в известных случаях. Это касается, например, постов и воздержания для женщин, у которых должен родиться или только что родился ребенок. Однако, мы зашли бы слишком далеко, если бы подробнее останавливались на этом.

Из этого обзора, конечно, ясно, что религиозные представления эскимосов не остались без постороннего влияния, как многие склонны думать. Я приведу еще несколько примеров удивительного сходства их с европейскими суевериями, особенно скандинавскими, которые, по всей вероятности, попали к эскимосам через наших предков.

Гренландцы верят, что дитя, рожденное тайно или убитое, превращается в опасное привидение («ангиак»). Эти привидения между прочим пользуются собачьей головой, как каяком, чтобы преследовать и уби-

вать своих родственников, или тех детей, которые позднее родились у их матери, или, например, братьев матери, потому что те, преследуя женщину за ее поведение, принудили ее родить тайно. Иногда они принимают образ пера или рукавицы и пр. и преследуют людей.

Это представление очень похоже на одно широко распространенное в Норвегии поверье об «утбрюден». Это дети, рожденные тайно и убитые, и потому не получившие имени. Они не имеют покоя и как видимые или невидимые призраки преследуют мать или проходящих мимо того места, где они зарыты. Сходство между норвежскими представлениями и гренландскими настолько велико, что вполне возможно, что оно перешло от древних норвежцев.

Что касается гренландских сказок, то в них много сходных мест с норвежскими и прочими европейскими сказками. У нас, например, в Норвегии есть сказка о трех сестрах, которые хотят выйти замуж. Одна говорит: «Я охотно вышла бы замуж за лисицу». Другая, — что вышла бы замуж за козла, а третья — за белку. Тут приходит лисица, козел и белка и берут сестер себе в жены. Потом отец посещает каждого из зятьев. Когда он приходит к белке, муж просит жену повесить котел над огнем; после этого все трое идут к реке, где белка ныряет в воду и вытаскивает форель. Вернувшись снова домой, отец просит свою жену поставить горшок на огонь, а потом идти вместе с ним. Когда они приходят к реке, муж хочет нырнуть как белка, но тонет. В Гренландии мы снова встречаем эту сказку, но здесь она разделена на две части. В одной — две сестры идут на берег и желают себе в мужья: одна

орла, другая кита, и эти животные сейчас же появляются и уводят их. В другой — двое стариков живут со своей дочерью. Однажды приходит большой незнакомый человек и говорит, что он живет немного южнее, и просит их дочь в жены. Он получает дочь и, когда уезжает, просит тестя приехать в гости. Тесть отправляется, и когда входит в дом, то дочь вешает котелок над огнем, а муж выходит. Старик смотрит за ним из окна, но видит только птицу, полетевшую над водой, нырнувшую и доставшую плотву. Сейчас же входит зять с плотвой, которой и угощают старика. Когда старик возвращается к себе домой, то просит жену повесить котел над лампой, а когда это сделано, отплывает с женой немного от берега, привязывает к шее камень и вокруг пояса длинный ремень и говорит жене: «Я нырну в воду. Когда я потяну за ремень, ты должна вытянуть меня». Он выпрыгивает и уходит в воду, но когда жена вытаскивает его обратно, он уже мертв. Эта сказка так похожа на конец норвежской, что в происхождении ее не может быть сомнения.

В следующей сказке много сходных мест как с азиатскими, так и с европейскими преданиями. Один охотник на оленей увидел однажды много женщин, купавшихся в озере. Он взял платье самой красивой из них, и ей пришлось идти с ним и стать его женой, а тем временем другие девушки поспешили на берег и оделись, обернувшись гусями или нырками, и улетели. У жены охотника родился сын; тогда она собрала перья и благодаря им превратила и себя и сына в птиц и в один прекрасный день улетела, пока муж ее был на охоте. Он пошел искать их и встретил человека,

коловшего щепки, превращавшиеся в рыб. Этот человек посадил охотника на хвост большого лосося, которого сделал из щепки, и попросил закрыть глаза, после чего рыба привезла его к жене и сыну. У американских эскимосов есть совсем похожая сказка. Среди ненцев рассказывается, как один человек ехал и встретил старуху, которая рубила березы. Он помог ей и пошел за ней в ее палатку. Там он спрятался; пришло семь девушек, они поговорили со старухой и снова ушли. Старуха сказала ему: «В самой темной чаще леса есть озеро, и семь девушек будут купаться там. Возьми у одной из них одежду». Он так и сделал. Конец сказки отличается от гренландской. Она еще больше похожа на исландскую, где говорится, как один человек пошел рано утром к морю и пришел к входу в пещеру. Он услышал в пещере шум и танцы, а снаружи увидел много шкурок тюленя. Он взял одну с собой. Позже днем он снова пошел к пещере; там сидела молодая прекрасная женщина, совсем голая, и плакала. Это был тюлень, владелец шкурки. Человек дал женщине одежду, привел домой, потом женился на ней, и у них родились дети. Но однажды муж был на рыбалке, а жена нашла старую тюленью шкурку. Соблазн был слишком велик, она простилась со своими детьми, накинула шкурку и бросилась в море. Эта гренландская сказка похожа на сказку о лебедях, которая распространена по всей земле, а в Европе таких сказок несколько. Едва ли она попала в Гренландию в позднейшее время, так как уже Пауль Эгgede слышал ее еще в 1735 году. Возможность того, что она попала в Гренландию с древними скандинавами, подтверждается еще и тем, что сказка о лебедях или другие подобные

сказки, повидимому, не распространены в Америке.

Можно привести еще много примеров явного сходства между гренландскими преданиями и сказками и европейскими, особенно норвежскими. Это показывает, что между древними норвежцами и туземцами было не так мало общения, как обычно принято думать.¹

Все суеверия, о которых я сейчас говорил, кажутся нам чем-то бессмысленным, чем-то таким, от чего освободиться только полезно. Но с точки зрения эскимосов они едва ли бессмысленнее наших религиозных догм, которые для них являются совершенно чуждым миром. Чтобы понимать их, они должны сначала перенести их в свой мир идей. Люди не могут ведь по команде начать мыслить совсем иначе. Такое переключение стоило им большой работы, и все еще некоторые из них в глубине души веруют в свои древние пре-

¹ В одном эскимосском предании описывается встреча с древними норвежцами. В древние времена, говорится там, когда берег был еще мало населен, в фиорд Годхоб пришла лодка с путешественниками, и они увидели там большой дом, жителей которого не знали, потому что они не были «калатдлит» (т. е. эскимосы, множественное число от «калалаек»). Они неожиданно встретили двух норвежцев, а те тоже в первый раз видели калатдлитов и обошлись с ними очень вежливо. Это случилось в древнем Вестербюгде. Следы встречи с древними северянами находят также в некоторых словах. Так, дельфин (nise) по-эскимосски называется «ниса» (nisa), kvapp (медвежья дудка) называется «куанек» (kuáneq); этим словом на Лабрадоре называются съедобные водоросли. Думали, что и калалек то же слово, что норвежское «skrelling» («скреллинг»), название, которое наши предки дали эскимосам; в устах эскимоса это слово будет звучать приблизительно так.

дания; во всяком случае, новое ученье внесло смуту в их понятия.

Это одно может навести нас на мысль, что было бы лучше дать им возможность сохранить непотревоженной свою собственную веру. Старая вера давала этому народу, с относительно бедным миром идей, самое легкое объяснение окружающего; они населяли природу сверхъестественными силами, в которых нуждались как в утешении, когда действительность становилась слишком суровой и сложной. И не характерны ли эти мифы для эскимосов?

Например, потусторонние жилища: там нет ни серебра, ни золота, ни пышных одежд, ни сверкающих зал, как в наших сказках, — земные богатства не имеют для них цены. Нет там и прекрасных женщин, цветущих садов и пр. Самое большее — это земляная хижина, немного больше их собственной; там сидят блаженные и едят тухлые тюленьи головы, которые большими кучами лежат под нарами и никогда не иссякают; или это чудесные места охоты с массой дичи, освещенные ярким солнцем.

Для эскимоса рай с ангелами в белых одеждах — бледное существование, которого он не может понять и которое не способно вызвать у него хоть какое-нибудь стремление попасть туда. Один ангакок сказал Нильсу Эгедэ, что он предпочитает жилище «торнарссука», или «дом дьявола», где он часто бывал: «ибо в небесах не достать пищи, а в аду довольно тюленей и рыб».

Можно было бы подумать, что миссионеры одержали дешевую победу над языческой верой такого миролюбивого и добродушного народа, как гренландский,

но это не так.¹ У туземцев против учения миссионеров было много возражений. Они, например, не могли понять, что грех, совершенный Адамом и Евой, «так велик, что мог повлечь за собой столь плачевные последствия» и чтобы за него был осужден весь род человеческий. «Если бог все ведал, как же он попустил, чтобы первый человек согрешил?» Рассуждения о свободной воле и грехопадении они просто считали чепухой. Одна эскимосская девушка совсем не была удовлетворена ответами, полученными на свои вопросы: «она хотела получить такой ответ, дабы могла бы согласиться с ним в глубине своей души и почувствовать, что все сие правда, и могла бы заставить замолчать всех, кто может столь много сказать против сей части нашего учения». Туземцы находили, что Адам и Ева, должно быть, были очень глупы, что могли разговаривать со змеем и «что они, должно быть, очень любили фрукты, если предпочли скорее умереть и пострадать, чем потерять какие-то большие ягоды». Другие думали, что Адам и Ева были похожи на «кавдлунаков» (европейцев), потому что «жадным людям всегда мало, у них многое есть и они хотят иметь больше того, что потребляют. Когда эскимосы увидели, что христиане-европейцы дерутся и бранятся,

¹ Как известно, миссионерская деятельность в Гренландии, в то время земле норвежской короны, была начата в 1721 году Хансом Эгедом, образовавшим в Бергене смешанное миссионерско-торговое общество. Позднее существование этой миссии продолжалось датско-норвежским правительством, а после разделения в 1814 году датским правительством. Через десять лет после того, как Ханс Эгед прибыл в эту страну, туда были посланы трое моравских братьев графом Цинзендорфом, слышавшим о миссии Эгедом. Они образовали свой небольшой приход «херрнхутеров».

у них осталось мало доверия к христианскому учению, и они говорили: «Может случиться, что и мы, приобретя их познания, сделаемся тоже бесчеловечными». И они считали, что если есть приличные европейцы, то, значит, они побывали «в течение нескольких лет в Гренландии и научились добрым нравам».

Некоторые спрашивали, почему бог не научил их раньше, если христианство так нужно; тогда и их предки могли бы тоже попасть на небо! Когда Пауль Эгеде ответил, что, может быть, бог видел, что они не слушают его слов, но скорее пренебрегут ими и тем заслужат еще большего наказания, то один старик заявил, что он знал много хороших людей, да и у него самого был благочестивый отец; да если были такие, которые пренебрегли бы словом, «то ведь есть еще женщины и дети, которые всегда легковёрны». Когда Пауль Эгеде объяснял им, что земные блага или «тщета» слишком недостойны, чтобы попасть на небеса, один эскимос ответил: «Я не знал, что не стоит думать об этом; и раз там так хорошо, то почему же тогда мы с такой неохотой расстаемся с земными благами?»

Критика учения миссионеров и воскресения была настолько ядовита, что даже разумный купец Далагер¹ должен был признать, что «даже наименее разумные, живущие далеко от колонии, часто приводили мне такие возражения, от которых у меня на лбу выступал пот и которые заставляли меня стонать».

¹ Ларс Далагер (1718—1772), проживший продолжительное время в Гренландии, является автором ценного сочинения «Grönländere relationer», изданного в Копенгагене около 1758 г. *Прим. ред.*

Богослужение вначале, казалось, очень надоедало эскимосам. Они предпочитали слушать об европейцах и задавали массу наивных вопросов: «Очень ли большой король? Сильный ли он, был ли он великим ангакоком и много ли он поймал китов?» Пауль Эгедэ рассказывает, что, когда эскимосам казалось, что отец его говорит очень длинно, «они подходили к нему и спрашивали, скоро ли он остановится. Тогда он отмерял на руке, какой кусок еще оставался, а когда это было им показано, они шли обратно и садились, отмеривая на руке каждую минуту, и когда проповедник останавливался на каком-нибудь положении, быстро передвигали руку до пальцев другой руки; если же он начинал снова, кричали: «ата», т. е. «еще», и передвигали руку обратно до половины руки. Мне, исполнявшему должность певчего, они часто затыкали рот мокрой варежкой из тюленьей шкуры, когда я начинал новый псалом или пел слишком долго».

Обращение миссионеров с туземцами не всегда было особенно кротким. Я могу привести несколько примеров, выбранных наудачу из собственных миссионерских отчетов: «Я дал ему понять, — говорит Нильс Эгедэ, — что если он не даст себя убедить добром и будет презирать слово господне, я поступлю с ним так же, как с остальными ангакоками и льгунами, то есть побью его». «После того, как я безрезультатно применял все способы увещевания и убеждения, я прибегал к своему обычному методу — я здорово бил его и выставлял его из дому».¹ Одну девушку побил священник, «так как она не могла поверить, что бог был столь

¹ Niels Egede, *Tredie Continuation of Relationerne*, pp. 32, 45.

жестоким, каким он изображал его; он сказал ей, что все ее предки были с Торнарссуком и должны были мучиться вечно за то, что не знали бога». Она пыталась защитить их, намекая на то, что они ведь не знали лучшего, после чего он потерял терпение. Когда же, наконец, она сказала, что «для нее было ужасным узнать, что бог так страшно сердился на грешников и не мог никогда простить им, как прощают иногда даже самые злые люди», он побил ее.¹ Нас не может не потрясти, когда мы слышим о таком поведении наших соотечественников и миссионеров по отношению к столь миролюбивому народу; вряд ли на самих эскимосов это произвело лучшее впечатление. Мы можем только удивляться их хорошему характеру, помешавшему им выгнать миссионеров из своих домов.

Даже если гренландцы формально и переходили в христианство, то долго еще держались более или менее твердо своей старой веры. Вначале было очень трудно убедить эскимосов в лживости выдумок и историй ангакоков. Когда им доказывали это, они наивно отвечали, что не привыкли лгать, а потому и верят в то, что им говорят. Когда некоторые гренландцы не могли убедить Нильса Эгедэ в том, что «они в Диско убили медведя, который был так велик, что у него на спине лежал лед, никогда не таявший», они сказали: «Мы верили тому, что ты рассказывал нам, а ты не хочешь верить в то, что мы говорим тебе!»

От старого язычества, которое еще до сих пор чувствуется в их фантастических рассказах, остались ки-

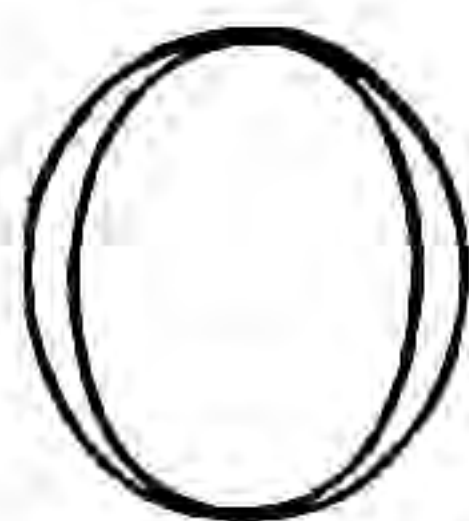
¹ Paul Egede, *Efterretninger om Grönland*, p. 221.

витуты или горные люди, которых они очень боятся и которых то-и-дело видят. Они видели их много раз, пока я был в Годтхобе. Каждый раз, когда было украдено что-нибудь из их запасов, конечно, делали это кивитуты. Если каячник пропадал и тело его не было найдено, то, значит, он ушел в горы и сделался киви-током.

Я однажды чрезвычайно неприятным образом убедился, как глубоко вкоренился в них суеверный страх. Поздно вечером в Годтхобе я пошел в один из гренландских домов с письмом, которое нужно было раном утром на другой день послать с чужими каячниками. Когда я вошел, весь дом покоился глубоким сном, мужчины и женщины лежали друг около дружки на главных нарах, как сельди в боченке. Чтобы не беспокоить больше чем нужно, я хотел разбудить холостого сына Якова, лежавшего отдельно на нарах у окна; он был моим хорошим приятелем, и я ежедневно с ним проводил время. Я потряс его и, наклонившись к его уху, назвал его по имени. Он продолжал крепко спать, и мне пришлось долго и настойчиво расталкивать его, прежде чем он приоткрыл глаза и взглянул. Но когда он увидел меня, наклонившегося над ним, глаза его застыли от страха, он вскочил, испустил ужасный крик, стал лягаться и отбиваться. Он вопил все сильнее и сильнее и, отбиваясь, отодвигался на нарах подальше. Тут все, кто были на главных нарах, тоже вскочили и уставились на меня, беднягу, онемевшего от изумления, что моя миролюбивая скромная особа могла вызвать такой переполох. Когда я обрел дар речи, я подошел к Якову, протянул к нему руки и сказал несколько успокаивающих слов. Но от этого стало хуже

прежнего. Увидев, что ничто не помогает, я замолчал и расхохотался. Тогда вой прекратился так же внезапно, как и начался. Яков, раньше бледный, теперь покраснел и смущенно бормотал что-то о том, что он видел во сне кивитока, который хотел забрать его с собой в горы. Я отдал ему письмо и поспешил как можно скорее уйти. Через день по всей колонии стало известно, что я был кивитоком: из соседних домов слышали вой.

ЕВРОПЕЙЦЫ И ЭСКИМОСЫ

ОТНОШЕНИЕ европейцев к гренландцам во многих отношениях своеобразно, так как с эскимосами обращались более мягко, чем с другими первобытными народами, подвергавшимися нашим цивилизаторским экспериментам. Датское правительство, конечно, заслуживает глубочайшего уважения за свои начинания в этом направлении; было бы весьма желательным, чтобы другие страны последовали показанному им здесь примеру.

Мы не часто встречаемся с таким энтузиазмом, как у нашего соотечественника Ханса Эгgede, который исследовал в то время почти неизвестные земли и перенес там много трудностей. Хансом Эгgede и его сорат-

никами руководили лучшие побуждения, и поэтому они думали, что способствуют повышению духовного уровня и материального благосостояния эскимосов. Если мы сравним эту миссию и ее значение в Гренландии в целом с поведением европейцев в подобных обстоятельствах в других частях света, то мы не можем не констатировать необычайно человеколюбивый дух; просматривая всю историю управления Гренландии вплоть до наших дней, мы находим все новые и приятные примеры проявления этого гуманного духа.

Однако, несмотря на самые лучшие намерения, цивилизованный человек не может перебороть привычки смотреть на первобытных людей как на низших. Даже в истории Гренландии мы находим много доказательств этому. Из собственных описаний Ханса Эгедде мы узнаем, что он хранил в своем сердце не малое презрение к туземцам, которых он считал своим долгом обратить в христианство. Он даже рассказывает, как часто он бил их, сек розгами или хлестал веревками. Узнав случайно у маленького мальчика о словах ангакока Элика, что было бы легким делом выгнать иностранцев, приехавших в их страну, Эгедде отправился с семьей вооруженными людьми, напал на ангакока, взял его в плен и привез его в колонию. Там «ангакок получил несколько ударов веревками и был закован в кандалы». Вечером сыновья ангакока пришли спросить о своем отце, и им было «позволено раскинуть палатки в колонии». Через несколько дней пленник был выпущен на свободу, и они ушли. Можно было бы предположить, что после такого обращения гренландцы станут питать злобу к иностранцам, но хороший характер эскимосов и их гостеприимство неподобны. По

счастливному стечению обстоятельств в следующую зиму сын Ханса Эгеде — Пауль, принимавший участие в этом рукоприкладстве, попал во время непогоды в места, где он неожиданно встретил ангакока Элика. Как Пауль сам признается, встреча была не особенно приятна, но, к его удивлению, он был приглашен ангакоком поместиться с ним вместе и последний разостлал для него оленью шкуру на своей собственной спальной скамье. Там Паулю Эгеде пришлось остаться три дня, и его угощали всем самым лучшим. Это действительно значит «платить добром за зло» и «делать добро ненавидящим нас», но Эгеде приписал такой поступок гренландской «готовности» принять наказание, когда они чувствуют, что заслужили его.

У Ханса Эгеде была еще другая привычка, также не указывающая на большое уважение к туземцам: от времени до времени он брал детей к себе домой против желания родителей и держал их у себя, чтобы научиться от них эскимосскому языку. В связи с этим эскимосы сложили о нем песню: «Приехал странный человек с Запада через великое море, который крадет мальчиков и дает им кушать густой суп с пенкой на нем (каша) и сухую землю из своей страны (корабельные сухари)». Когда однажды Пауль Эгеде предложил одной эскимосской матери подарок, если она позволит своему сыну еще некоторое время остаться с ним, она возразила, что дети не являются предметом торговли.

В Гренландии мы можем найти не одно подтверждение тому, как трудно нам освободиться от впитавшегося в нас презрения ко всем так называемым аборигенам. Мотивом европейцев для поддержания колоний

в стране служит то, что они якобы являются благословением для страны. Несмотря на это, отношения между туземцами и европейцами базируются на совершенно неправильном основании. На иностранцев смотрят (как сами иностранцы, так и гренландцы) как на высшую расу и хозяев страны, которым надо всячески повиноваться; между тем, если бы европейцы находились там действительно для блага туземцев, то они должны были бы самоотверженно служить им. Отчасти намеренно, отчасти непроизвольно европейцы сами раздували эти отношения и всегда обращались с туземцами, как с покоренным народом. Мы, дескать, пришли в страну, чтобы проповедывать христианство. Но как все это вяжется с христианским учением о мире и равенстве?

В виде примера, до чего доходили злоупотребления европейцев, я хочу упомянуть, что в нескольких колониях южной Гренландии туземцам было запрещено держать собак, так как горсточка европейских семей, живущих в колонии, хотела держать коз. Эти запрещения, правда, во многих случаях были одобрены местными советами; но предложение было внесено европейцами, а так как гренландцы, как я уже говорил, всегда следуют указанному им пути, то было нетрудно заставить их согласиться на это, против собственного желания. Я слышал их горькие сожаления о том, что они были так глупы и дали согласие на это запрещение. Эта несправедливость особенно бросается в глаза в поселке, где обитает германский миссионер и где единственно для того, чтобы его козы могли пастись спокойно, этот уважаемый джентльмен издал указ, запрещающий всей его пастве держать собак.

Я говорил об этом со многими инакомыслящими и добросердечными жителями Гренландии, но все они оказались того мнения, что раз собаки гоняли и мучили коз, то следовало, конечно, запретить эскимосам их держать. На мое возражение, что европейцев было мало, а гренландцев много и что было бы более целесообразно, чтобы последние запретили европейцам держать коз, они просто рассмеялись мне в лицо. Казалось, им и в голову не приходило, что они присваивают себе чужие права и что эскимосы держали собак с незапамятных времен. Так же они не видели ничего плохого в том факте, что козы часто обрывали дерн с крыш и со стен гренландских домов, портили их рыбу, повешенную для сушки, и так далее.

Другое подтверждение того, что права европейцев и туземцев рассматриваются различным образом, можно найти в постановлениях, касающихся продажи водки.

В то время как продажа водки туземцам запрещена законом, европейцы могут иметь ее в Гренландии сколько угодно. Это очень плохо, так как не может не раздражать туземцев; их не считают достойными того доверия, которым обладает последний европеец.

Это постановление становится еще более обидным от того факта, что гренландцам, поступающим на службу к европейцам, водка разрешается каждый день, в то время как остальные могут получить ее только, если продают что-либо европейцам. Достаточно ясно, что все это может легко привести к серьезнейшим злоупотреблениям, и мы можем быть уверены, что на деле так и есть. Я прохожу мимо многих второстепенных

несообразностей, вроде той, что некоторым отдельным туземцам смешанного происхождения, имеющим более высокое положение в общине, разрешается ежегодно выписывать из Европы определенное количество водки.

Конечно, было бы совершенно необходимо запретить продажу водки в Гренландии из опасности сильно ускорить вымирание туземцев. Но единственно верным и действительным средством было бы то, чтобы запрещение распространялось на европейцев и туземцев одинаково. Я уверен, многие будут утверждать, что это означало бы причинение незаслуженных лишений европейцам, привыкшим всю свою жизнь употреблять это возбуждающее средство, и я знаю, что это, главным образом, было бы сказано в отношении людей из Дании, где пьют водку почти за каждой трапезой, даже среди рабочего класса, и где она, таким образом, рассматривается как насущная потребность в жизни. Невзирая на это, я все же не могу не придерживаться своего мнения, что полное запрещение продажи водки было бы единственно правильной и выгодной вещью для обеих сторон. Такое предложение не может быть названо несправедливым, так как если это запрещение будет вперед известно, то всякий европеец может отказаться от поездки в Гренландию; у меня, во всяком случае, есть только одно опасение, что европейцев все-таки останется слишком много в стране.

Но мои требования я бы еще расширил. Я считаю, что следовало бы запретить не только продажу водки, но и продажу кофе, табака и остальных, несомненно вредных или во всяком случае бесполезных продуктов,

с которыми мы познакомили туземцев. Несомненно, они не хотели их, наоборот, много времени потребовалось, чтобы эскимосы приобрели вкус к ним. Южные гренландцы до сего времени не любят кофе. На западном побережье, как упоминалось раньше, мы, к несчастью, имели успех в привитии этого вкуса, и кофе не мало способствовал упадку эскимосов. Но если продажа кофе туземцам была бы запрещена, то его ввоз для употребления европейцами должен был бы быть запрещен тоже. Многие назвали бы это фанатизмом, но что же делать. Мое мнение таково, что если мы действительно ради туземцев приехали в их страну и решили жить там и учить их, то мы должны доказать это своим поведением, мы должны постоянно исполнять обязанности, наложенные на нас столь ответственной и трудной миссией, и должны согласиться на маленькие лишения, в которые она нас вовлечет.

Если же мы приехали в Гренландию не ради туземцев, но ради нас самих, тогда совершенно другое дело; но в последнем случае будем называть вещи их настоящими именами и не будем употреблять громких слов, как цивилизация и христианство.

Чтобы выйти из положения беззаконий, возникших оттого, что старые обычаи, благодаря влиянию миссионеров, были забыты, а также потому, что самый последний европеец считал себя в праве смотреть свысока на туземцев и повелевать ими, энергичному и полному энтузиазма Ринку удалось ввести так называемые местные советы (*forstandeskader*), состоящие частично из туземцев, выбранных различными поселками и маленькими районами. Задачей этих советов

было управление всеми внутренними делами общины, определение налогов в пользу бедных и вообще поддержание закона и порядка. Но, ввиду того, что самим гренландцам это дело было чуждо, в каждой области в качестве председателя совета должен был действовать пастор, а остальные европейцы должны были быть членами совета и советовать и руководить туземными членами. Сейчас выяснилось, что европейцы постепенно забрали в свои руки всю действительную власть и что остальные просто исполняли их желания. Было прекрасной мыслью, достойной общего признания, дать туземцам привычку к самоуправлению, и нововведение д-ра Ринка отмечает поворотную точку к лучшему в истории Гренландии. Оно все же страдает одним недостатком, неразлучным со всеми мерами, которые европейцы могут предложить для блага туземцев, а именно мероприятие это вышло не из самого народа, который должен пользоваться его благами. Введение новых социальных привычек нигде не может быть достигнуто сразу; переворот не может быть совершен одним действием воли, но должен быть результатом долгого процесса развития в самом народе. По крайней мере требуется очень долгое время, чтобы мероприятие, предложенное иностранцами, укоренилось в национальной жизни туземцев. Быть членом совета сейчас у многих гренландцев считается почетным, но я также знал других гренландцев — и это были наиболее способные, — которые не ценят эту честь, считая более важным для себя заниматься охотой и поддержкой своих семей, чем быть вынужденным проезжать большие расстояния только для того, чтобы попасть на собрание, где в конце концов, при свой-

ственном эскимосам преувеличенном уважении к европейцам, они могут только следовать их советам и соглашаться с мерами, которые им предложат. Из того, что я только что сказал, и из многих других мест в этой книге читатель, пожалуй, будет склонен вывести заключение, что гренландцы — народ без природной независимости и рожденный для порабощения. Это представление совершенно ошибочно. Наоборот, любовь гренландцев к миру и самостоятельности была всегда очень заметна. Когда европейцы впервые приехали в страну, туземцы держали себя с ними как с равными, и мысль о том, чтобы находиться на положении слуги или подчиненного у другого человека, как, они видели, это было принято у европейцев, — казалось им странной и унижительной. Правда, у эскимосов отец семейства имеет известную власть над своей семьей и, пожалуй, над всеми семьями, живущими в этом же доме, но его власть так мягка и ненавязчива, что едва чувствуется. Гренландцы имеют также слуг, поскольку женщины, не имеющие родителей или других родственников, могущих заботиться о них, часто принимаются в дом охотника с тем, чтобы помогать матери, дочерям и невесткам в домашней работе. Но эти женщины находятся на равном с ними положении и являются служанками скорее по названию, чем на самом деле. Слуги-мужчины эскимосам совершенно неизвестны. Вследствие этого они могли только с трудом помириться с мыслью итти на службу к европейцам и еще до сих пор они больше всего не любят, когда им приказывают в повелительном тоне, хотя их исключительно миролюбивый нрав и мешает им протестовать открыто.

Из-за этой любви эскимосов к свободе европейцам вначале было очень трудно найти себе туземных слуг. Постепенно европейское влияние все же демократизовало эскимосов в этом направлении настолько, что сейчас даже охотники поступают на службу общества и иногда чувствуют при этом даже известную гордость, так как, получив таким образом положение датского «служебного лица», они имеют право получать свою рюмку водки каждое утро.

Датские женщины должны засвидетельствовать тот факт, что не так легко избежать оскорбления гордости гренландских женщин-служанок. Они проворны и приятны, пока с ними хорошо обращаются; если им сказано резкое слово, то они часто исчезают без всякой церемонии и обратно не возвращаются. Если хозяйка не согласится взять вину на себя и просить прощения, то ей придется искать себе другую служанку.

Если на некоторых гренландцев производит впечатление человека с раболепным характером, то, я думаю, это впечатление обязано удивительному терпению гренландца и его способности принимать все, даже самую явную несправедливость, с невозмутимым спокойствием. Должно быть это терпение Эгедэ описывает как «врожденную гренландскую глупость и хладнокровие, их ленивое, грубое воспитание» и т. д. Я уверен, что тяжелые условия жизни выучили их этому кажущемуся флегматичному спокойствию. Так, например, неуверенность в результатах охоты часто самым суровым образом испытывает их терпение; когда они, скажем, предпринимают неудачные походы и каждый раз возвращаются домой к своим го-

лодным семьям без добычи. Эгеде менее, чем кто-либо, имеет право жаловаться на эти отличительные черты эскимосов. Если бы не терпение и исключительно миролюбивый нрав их, то эскимосы, конечно, не отнеслись бы столь любезно к часто наглým поступкам первых европейцев. У меня было много благоприятных случаев любоваться их стоическим терпением, когда, например, я их видел утром, стоящих часами в проходе около дома колониального правителя или ожидающих в снегу за его дверями, чтобы поговорить с ним или его помощником, который, случилось, был занят в другом месте. У них, вероятно, было маленькое дело, которое надо было уладить прежде, чем отправляться к себе домой, часто за много миль от колонии; поэтому для них могло быть очень важно выбраться как можно скорее, чтобы доехать вовремя до места назначения. Случалось, что погода выглядела угрожающей, каждая минута могла быть более чем драгоценна, но они все же продолжали стоять там в ожидании, неподвижные как всегда и повидимому столь же безразличные. Если я их спрашивал, собираются ли они ехать, они только отвечали: «Я не знаю», «Возможно, если погода не станет хуже», или что-либо в этом роде. Я никогда не видел ни малейшего намека на нетерпение.

Следующее происшествие дает великолепную иллюстрацию этой стороны их характера. Один инспектор в Годтхобе как-то послал женскую лодку в фиорд Амералик, чтобы женщины накосили там сена для его коз. Эскимоски долгое время отсутствовали, и никто не мог понять, что с ними случилось. Наконец, они вернулись, и, когда инспектор спросил, почему они

так долго отсутствовали, то они ответили, что, когда прибыли на место, трава была еще слишком—низка, так что им пришлось там поселиться и ждать, пока она вырастет.

С таким же точно терпением гренландцы дожидаются того, когда созреет их собственная гибель. Они—терпеливый народ.

ЧЕГО МЫ ДОСТИГЛИ

ШЕЛЮ нашей миссии и наших трудов по внедрению цивилизации в Гренландии было, во-первых, завоевать себе уважение перед богом и людьми и обеспечить свое спасение на том свете и, во-вторых, помочь туземцам. Но что мы сделали?

 Посмотрим для начала с чисто материальной точки зрения. На первый взгляд может показаться, что мы должны были быть в состоянии привезти этому народу, живущему в сущности в каменном веке, много вещей, могущих помочь ему в его тяжелой борьбе за существование. Фактически же этого совершенно не было. Вещи, имевшие для них наибольшее значение, как оружие и охотничьи принадлежности, отнюдь не

нуждались в усовершенствовании с нашей стороны. Правда, мы привезли им железо, годное для гарпунных наконечников, для ножей; но гренландцам оно было отчасти известно и раньше, а кроме того они вполне могут обойтись и без него. Они снабжали свои гарпуны остриями из твердых моржовых бивней или из камня, свои ножи они изготовляли из того же материала, причем добывали в те отдаленные времена значительно больше тюленей, чем в настоящее время.

Но не дало ли им большие преимущества наше огнестрельное оружие? Как раз наоборот: винтовка, например, дала им возможность произвести страшное избиение оленей, только ради маленькой мимолетной прибыли. Это избиение зашло настолько далеко, что на узкой полосе голой пустынной земли, лежащей вдоль западного берега, убивалось не менее 16 000 оленей ежегодно, причем обычно снималась только шкура, которая продавалась европейцам, мясо же оставалось и гнило. Конечно, это в скором времени привело к почти полному истреблению названных животных, и охота на них почти совсем прекратилась по той причине, что, как гласило объяснение, «олень покинул побережье». В прежние дни, когда эскимосы охотились с луком и стрелами, они убивали столько, сколько им было нужно, но избиение никогда не было столь велико, чтобы значительно уменьшить количество оленей.

В отношении охоты на море винтовка тоже имела свою обратную сторону. Когда в заливе находится много тюленей, то они пугаются выстрела и уплывают в море, охота же с гарпуном происходит в тишине. Кроме того, конечно, легче убивать тюленей

винтовкой, чем гарпуном, а потому винтовка привела к потере ловкости владения гарпуном. Между тем гарпун имеет громадное значение: охотник с винтовкой в плохую погоду должен оставаться дома, охотник же с гарпуном может идти на охоту в любую погоду и таким образом всегда поддерживать свою семью. Охота с гарпуном является, кроме того, наиболее разумным методом еще и потому, что раненое животное почти всегда может быть поймано; что касается тюленей, раненных винтовкой, то почти половина их ускользает и без пользы гибнет, и только оставшая половина добывается и приносится домой.

Охотничье ружье тоже не принесло большой пользы. Во многих областях оно соблазнило жителей посвятить себя скорее легкой охоте на птиц, чем охоте на тюленей, которая на самом деле и сейчас является и впредь должна бы быть занятием, от которого зависит существование эскимосской общины; тюлень дает мясо, сало — одновременно для топлива и еды, кожу для каяков, лодок, палаток, домов, одежды, сапог и т. д., — ничто не может заменить его. Другим злом является следующее: при помощи охотничьего ружья гренландцы могут убить такое большое количество птиц (например, галок), что их число ежегодно убывает. Скоро это приведет к большим несчастьям, так как охота на птиц стала теперь главным средством существования многих семей. В Годтхобе, например, жители живут этой охотой большую часть зимы, так как там очень мало охотников, умеющих бить тюленя. В прежние времена эскимос убивал птиц дротиком. Последний был наиболее подходящим ору-

жием в данном случае, так как раненых им птиц всегда можно было достать. Когда же сейчас эскимос направляет свой беспорядочный выстрел в гагачью стаю, кто может угадать, скольких он задел без пользы для кого бы то ни было?

Нет, конечно, мы не можем похвалиться, что улучшили методы охоты у эскимосов, мы только внесли в них беспорядок, разрушительные последствия, которые сейчас еще трудно предвидеть.

Но хуже всего непоправимый вред, причиненный эскимосу нашими европейскими товарами. Мы были настолько безнравственны, что приучили его к вкусу кофе, табака, хлеба, европейских материй и украшений, и эскимос стал выменивать свои незаменимые тюленьи кожи и ворвань на все эти вещи, дающие лишь краткое сомнительное удовольствие. Между тем его женская лодка исчезает из-за недостатка кожи, также как его палатка, и даже его каяк, главное средство к существованию эскимоса, часто лежит необтянутый на взморье. Жировые лампы в его доме зимой постоянно приходится гасить; сделанный осенью запас ворвани на зиму продан Компании. Сам эскимос должен ходить зимой в европейских тряпках, вместо теплой меховой одежды, которую он имел прежде. Эскимос становился все беднее и беднее, чудные летние поездки пришлось в большинстве случаев оставить за недостатком женских лодок и палаток, и теперь эскимос вынужден круглый год жить в тесных домах, где развиваются заразные болезни, производящие страшные опустошения среди населения. Чтобы показать степень упадка в некоторых районах, я упомяну, что в одном месте близ Годтхоба, где несколько лет тому

назад было одиннадцать женских лодок,¹ сейчас находится только одна, и эта последняя принадлежит миссионеру.

Статистические данные о движении населения Гренландии за последние годы могут показаться на первый взгляд утешительными. Например, число туземцев на западном побережье было в 1855 году — 9 644, в то время как в 1889 составляло 10 177. Но мы не должны усыплять свою совесть этими данными, они, к несчастью, обманчивы, и цифры промежуточных лет показывают, что численность населения сильно колеблется. В 1881 году было только 9 701 ч.; в 1883 году только 9 744 ч. (т. е. с 1855 года увеличилось только на 100 человек). В 1885 году число жителей поднялось до 9 914 и в 1888 году до 10 221; потом оно снова упало в 1884 году до 10 177. Более поздних данных у меня нет. Эти цифры, в которых увеличения чередуются с уменьшениями, указывают на то, что не все обстоит благополучно. Не следует также забывать, что Ханс Эгgede полтора века тому назад считал население западного побережья равным 30 000. Эта цифра вероятно сильно преувеличена, но все же между 30 000 и 10 177 слишком большая разница. Этот народ, действительно, «плывет, имея в виде груза на корабле мертвецов».

Болезни за последние годы приняли угрожающие размеры. Главным бичом гренландцев является тубер-

¹ Если у мужчины есть женская лодка, что прежде было обычным, то сейчас это рассматривается как убедительное доказательство необыкновенного достатка и способности; эскимос, конечно, должен поймать много тюленей, чтобы иметь достаточное количество кож для лодки.

кулез, производящий все бóльшие опустошения. Пожалуй, во всем мире трудно найти место, где такой большой процент населения был бы затронут этой болезнью. Еще не вполне выяснено, привезли ли мы туберкулез в эту страну, но вернее всего, что это именно так. Во всяком случае, как я уже упоминал, наше влияние во многих отношениях способствовало распространению этой и других заразных болезней.¹ Туберкулез в настоящее время настолько распространен, что легче сосчитать здоровых, чем больных. Замечательно все же, какую силу сопротивления туземцы выказывают в этой болезни. Они иногда еще в молодые годы больны настолько серьезно, что обильно харкают кровью, но, несмотря на это, доживают до преклонных лет. Я даже видел превосходных охотников, больных чахоткой. Один день они лежали в постели, харкая кровью, а через несколько дней снова выезжали в море. Силой сопротивления они отчасти обязаны количеству съедаемого ими жира, особенно тюленьего сала, которое превосходно помогает противостать болезни. Доказано, что те из жителей колонии, которые постоянно и широко пользуются продуктами европейского питания, более всего склонны гибнуть от туберкулеза. В общем туберкулез все же настолько уменьшает силы, что задетые им люди могут сделать для себя очень немного; ясно, что эта болезнь должна крайне вредно отражаться на деятельности столь маленькой общины.

¹ Например, приучив туземцев носить худшую одежду и принудив их жить круглый год в душных антисанитарных домах, где зародыши болезней находят себе самую благодарную почву для развития, введя европейские продукты питания и т. д.

Эпидемические болезни вроде оспы, которую мы, конечно, тоже привезли с собой, чем значительно уменьшили народонаселение, все же гораздо лучше; они убивают свои жертвы сразу, а не заставляют их томиться, как этот медленный скрытый яд.¹

Мы видим теперь, что результатом нашего влияния на материальное положение гренландцев оказалось непрерывное ухудшение их жизни, приведшее их от прежнего процветания и благополучия к безнадежной бедности и слабости.

Многие признают, что это так, но возражают, что мы, действительно, поехали в Гренландию для поднятия уровня духовной жизни и культуры эскимосов и что последнее не может быть достигнуто иначе, чем за счет их мирского благополучия. Рассмотрим тогда немного эту сторону нашей деятельности. Многие люди думают, что сразу можно создать высоко развитое и цивилизованное общество из столь малообещающего материала, как первобытный народ. Это большая ошибка, человеческая природа не может измениться от доброго желания отдельных лиц. Она, правда, способна изменяться, но развитие происходит всегда медленно, как вообще всякое развитие в природе. По этой причине мы не должны воображать, что имеем

¹ Странно, что большинство гренландцев спаслось от сифилиса, который обычно является одним из первых подарков, распространяемых нами среди первобытных народов, избранных предметом для наших цивилизаторских экспериментов. Он обнаружен только в одном месте, в Арцке в южной Гренландии, где стараются изолировать его. Сифилис был завезен только за последние годы, но насколько я слышал, он распространился и похоже на то, что это распространение будет продолжаться и со временем захватит все население.

право, как мы это сделали в Гренландии и в других местах, налетать на первобытный народ с нашей цивилизацией и навязывать ее. «Постарайся вложить руку с пятью пальцами в перчатку с четырьмя, — говорит Спенсер, — трудность этого удивительно похожа на трудность запечатлеть собрание сложных понятий в мозгу, не имеющем соответственных способностей».

Единственная перемена, которая может быть произведена в первобытном народе с любой скоростью, — это перемена в сторону упадка и разорения. Такая перемена в умственной сфере наступает сейчас же, как только мы пытаемся навязать этические концепции народу, степень развития которого отличается от нашего. Именно это мы сделали с эскимосами. Когда мы, например, презирая их собственные законы и уставы, придумали внушить им наши понятия собственности, которые несомненно годятся для более развитой, но менее дружной общины, чем Гренландская, как мы можем здесь ожидать достижения чего-либо, кроме смуты и разорения? Вся их общественная система была устроена соответственно их первобытным социальным понятиям о собственности, и так как привычки их жизни непримиримы с новыми и чуждыми понятиями, то дегенерация неминуема. Так же, как с понятием о собственности, дело обстоит и с остальными умопредставлениями, которые мы думали привить им.

Возьмем еще один пример: как пагубно повлияло на них введение денег. В прежнее время эскимосы понятия не имели о сбережениях или накоплении богатства; так как плоды их трудов не сохранялись до бесконечности, то они отдавали все лишнее. Но затем они

узнали употребление денег, теперь, когда они имеют больше, чем им в данный момент нужно, искушение продать излишки европейцам вместо того, чтобы отдать их своим нуждающимся собратьям, часто слишком для них сильно. Ведь на деньги, полученные таким образом, они смогут себе достать столь горячо желанные европейские товары. Выходит, что мы, христиане, вместо того чтобы развивать, все больше и больше разрушаем в них их старую самоотверженную любовь к ближнему. Деньги же еще больше подтачивают гренландскую общину. Понятия эскимосов о наследстве были прежде очень смутны. Как я уже раньше упоминал, одежда и оружие умершего эскимоса клались с ним вместе в могилу. Теперь же введение денег дало возможность оставшимся в живых продать вещи умершего, и эскимосы не стыдятся больше принять в виде наследства то, что они этим путем могут получить. Это может показаться полезным, но и здесь их старое мировоззрение опрокинуто. Жадность и скупость — пороки, к которым они раньше питали сильнейшее отвращение, — завладели ими. Их разум расшатан и поработен деньгами.

Посмотрим все же на этот предмет с другой стороны. Нашей настоящей целью, я думаю, было сделать эскимосов культурным народом и раскрыть перед ними более обширный круг умственных интересов. Но даже если бы нам удалось этого достигнуть, все же было бы очень опасно давать народу, вроде эскимосов, новые интересы, отвлекающие их от единственно нужного долга — добывать средства к существованию для себя и своей семьи. Мы хвастаемся, как блестящим достижением, что большинство туземцев умеет читать

и писать. К несчастью для них, они умеют, так как эти знания не даются даром, и им, действительно, приходится дорого платить за свои познания. Само собой понятно, что эскимос не может посвящать свое время этим отраслям познания, если хочет остаться столь же ловким охотником, каким он был раньше, когда у него был только один интерес в жизни и он ничему не учился, кроме охоты и управления каяком.¹ Прямое доказательство тому, что ловкость в управлении каяком уменьшилась, мы имеем большое количество несчастных случаев, происшедших за последние годы. В прежнее время, согласно Ринку, никогда не встречалось больше пятнадцати или двадцати смертных случаев при охоте в каяке. В 1888 и 1889 годах происходило по тридцать одному несчастному случаю на каяке.

Главной целью всякого воспитания, конечно, должно быть то, чтобы из подрастающего поколения создать хороших и способных граждан для той общины, в которую они закинуты судьбой. Но каким путем из эскимоса получается способный гражданин для своей маленькой общины? Раз охота и рыбная ловля являются единственным средством для поддержания жизни, то естественно, что эскимос может стать способным гражданином только приобретя возможно большую ловкость в этих занятиях. Какую пользу в таком случае приносит эскимосу его умение читать и писать? При помощи этого искусства, он, конечно, не

¹ Как раз сейчас, когда я посылаю эти сведения в печать, появляется Kulturkampen и Herjedalen Джерестамса, в котором автор говорит, как и я, что наше обучение в школах оказалось губительно для лапландцев, ослабляя их интерес к обязанностям своей жизни.

научится быть охотником. Правда, из немногих имеющих у него книг он получил сведения о других и лучших странах, недостижимых для него местах, о которых он раньше ничего не знал. Эскимос начинает быть недовольным своею собственной судьбой, счастливее которой он прежде ничего не мог себе представить. Мы должны хорошо помнить, что эскимосская община живет на самом краю возможного человеческого существования и что необходимо сосредоточенное напряжение всей человеческой энергии, чтобы иметь возможность продолжать борьбу с негостеприимной природой. Немножко больше балласта — и человек должен погибнуть. Это то, что уже происходит, и вся премудрость мира здесь бесполезна.

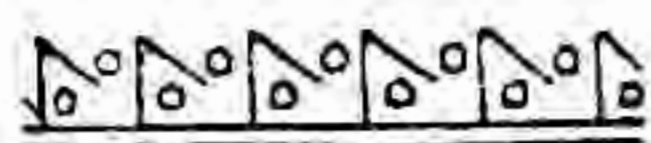
Таким образом, последствием деятельности европейцев в Гренландии оказались упадок и вырождение во всех отношениях. Единственной же наградой туземцам является введение христианства. В данном направлении мы достигли хороших результатов, так как, по крайней мере по названию, все гренландцы западного побережья теперь христиане. Но мне кажется неизбежным вопрос — не куплено ли христианство слишком дорогой ценой? Не должны ли были бы даже у самого глубоко верующего возникнуть некоторые сомнения в том, является ли христианство действительно благословением для народа, если оно куплено ценою всего его материального благополучия?

Какую цену имели христианские догматы, которые так мало понятны для эскимосов? Может ли кто-нибудь серьезно отстаивать мысль, что для народа имеет существенное значение, в какие догматы он верит? Не должно разве всегда быть делом первостепенной важ-

ности, каким нравственным законам человек подчиняется? Мораль же эскимосов, как мы уже видели, была во многих отношениях во всяком случае не хуже морали христианских обществ. Таким образом в результате всего нашего учения и в этом отношении народ стал портиться.

Наконец, возникает следующий вопрос: может ли считаться более завидным положение эскимоса, являющегося христианином только по названию, но который не может поддерживать свою семью, имеет плохое здоровье и погружается все больше и больше в нищету, чем положение эскимоса-язычника, живущего в «темноте духовной», но который может поддерживать свою семью, телом крепок и вполне доволен своею жизнью? С точки зрения эскимосов ответ, конечно, ясен. Если бы эскимос мог по-настоящему соблюдать свои интересы, то он обратился бы к богу с горячей просьбой: «Господи, спаси меня от моих друзей, с врагами же я справлюсь сам».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ТЕПЕРЬ бросим взгляд назад на все предыдущие главы и отметим, чему они могут научить нас.

Они описывают нам народ, богато одаренный природой, который жил счастливо и, несмотря на свои недостатки, стоял на очень высоком нравственном уровне. Но наша цивилизация, наши миссии, ввезенные нами товары вызвали такой печальный упадок его материального положения, его нравственности и общественного порядка, что весь народ кажется обреченным на гибель.

Между тем, как мы видели, с эскимосами мы поступали мягче и осторожнее, чем с любым другим народом в подобных обстоятельствах. Не является ли

это для нас серьезным предупреждением? Если мы посмотрим на другие первобытные народы, разве мы не найдем, что результат соприкосновения с европейской цивилизацией и христианством был всюду одинаков?

Что случилось с индейцами? Что стало со столь гордыми когда-то мексиканцами или с богатоодаренными инками из Перу? Где аборигены Тасмании и туземные народы Австралии? Скоро не останется ни одного из них, кто бы мог поднять свой обвиняющий голос против народа, принесшего им гибель. А Африка? Да, в Африке тоже должно быть введено христианство, мы уже начали грабить ее. Если негры не окажутся более стойкими в жизни, чем другие народы, то они, несомненно, пойдут тем же путем, как только к ним явится христианство со своими развевающимися знаменами. Но мы этим нисколько не смущаемся, и у нас всегда готовы громко звучащие фразы о том, что мы приносим бедным туземцам благословение христианства и цивилизации.

Если мы взглянем на наши миссии настоящего времени, разве мы не встретим везде все те же примеры? Возьмем, скажем, китайцев, стоящих на высоком уровне цивилизации и потому, как можно было бы предположить, более всего склонных принять новые доктрины. Один из «наиболее просвещенных мандаринов Китая, будучи сам христианином и получив свое образование в европейских университетах», пишет в «North China Daily News» статью о миссионерах и их влиянии, о которой он между прочим говорит: «Ни для кого не тайна, что только самые низшие, невежественные, беспомощные, нуждающиеся и бесчестные среди китайцев оказались, как это называют миссио-

неры, «обращенными». Я спрашиваю, разве эти обращенные люди — люди, отбросившие веру своих детских лет, люди, которым их учителя запретили высказывать свое сочувствие или вообще какие-либо чувства, кроме презрения, по отношению к воспоминаниям и традициям нашей древней истории, — разве эти люди не оказались худшими из худших китайских отбросов, как только им пришлось оставить надежду на земные блага? Миссионеры всегда готовы заверить своих слушателей, что мандарины — это сборище идиотов, верящих в небесные знамения и всякие подобные глупости, хотя на следующий день они, вероятно, будут рассказывать тем же слушателям, что солнце и луна действительно остановились по приказанию еврейского генерала Иисуса Навина». Что же касается ссылки на благотворительность миссий по отношению к туземцам в смысле оказания помощи бедным и больным, то писатель спрашивает: «Разве можно утверждать, что эта помощь выдерживает хоть малейшее сравнение с суммами, которые китайскому правительству приходится выплачивать за покровительство миссионерам? Я уверен, что одних процентов с этих огромных сумм было бы достаточно для того, чтобы содержать гораздо больший штат опытных врачей и сиделок. Пусть нам покажут, какая часть миллионов, пожертвованных сострадательными людьми Европы и Америки китайской миссии, действительно идет на помощь бедным. Пусть нам покажут, сколько денег идет на содержание миссионеров, их жен и детей, на постройку их чудных домов и санаторий, на оплату почтовых расходов и бумаги для их многотомных, написанных в розовых тонах донесений, на

оплату их конгрессов и многих других вещей. Ни для кого не секрет, что вся эта миссия является просто благотворительным учреждением, устроенным ради праздных людей Европы и Америки». Далее он спрашивает, разве не общеизвестно, что миссионеры, со «своим высоким мнением о собственной непогрешимости, часто бывают нескромны и надменны, а кроме того склонны с самовнушенным авторитетом вмешиваться в дела, которые их совершенно не касаются? Если кто-либо сомневается в том, что миссионеры, в целом, подвержены этим порокам, то пусть он займется изучением их собственных писаний и обратит внимание на их тон и дух».

Такое положение вещей сильно напоминает многие условия в Гренландии, только что виденные нами. Существенною разницей является то, что когда китайцы оказывают сопротивление миссионерам, которые незванными явились в их страну, то китайцев за это бьют не только кулаками, но и палками. Предугадывая прозящие им несчастья, китайцы «просят иностранные державы в интересах Китая, а также Америки и Европы, отозвать миссионеров», а когда эта просьба останется неудовлетворенной, они пытаются выгнать миссионеров силою, после чего эти господа, приехавшие, чтобы проповедывать мир, обращаются за помощью к своим правительствам. Правительства присылают канонерки и войска, направляющие на туземцев разрушительный огонь в виде гранат и картечи, и дают набожным миссионерам кровавую компенсацию за вред, причиненный их имуществу.

Во всех этих поступках нетрудно узнать расу, которая, когда Китай решил оградить себя от губитель-

ного яда — опия, заставила Китай посредством кровопролитной войны открыть свои порты для этой злобредной торговли, чтобы европейцы могли разбогатеть, а под китайское общественное здание можно было бы подвести мины — от начала до конца пример такого постыдного злодеяния, что ни в одном языке не найдется слов, способных описать его. Эскимосы, к несчастью, не так уж сильно ошибаются, считая европейцев развращенной и бесчестной расой, которой следовало бы приехать в Гренландию учиться нравственности.

Но не достигают ли миссии где-либо лучших результатов? Навряд ли. Недавно были опубликованы статистические данные о преступности в Индии, вызвавшие сильное сомнение о пользе миссионерских предприятий. Для Африки я не нахожу статистических сведений, но из всего, что я знаю, все же ясно, что и там нельзя похвастаться результатами деятельности миссий. Африканские путешественники, я уверен, единодушно подтвердят, что туземцы, обращенные в христианство, ни в коем случае не являются лицами, которых они предпочитают брать к себе на службу или на которых можно положиться в каком-либо отношении. А между тем и Норвегия ежегодно тратит сотни и тысячи на свои миссии в Африке и Индии. Разве у нас так много лишних средств, что мы не знаем, как с большею пользою употребить эти деньги у себя дома? Желание помочь бедным туземцам, которых мы никогда не видели и чьих нужд мы не знаем, без сомнения благородно; но я хотел бы знать, разве не благороднее было бы помогать тысячам несчастных, чьи нужды мы видим ежедневно? Если

мы склонны делать доброе дело, почему бы не начать с этих, наиболее близких нам? Тогда, когда дома не оставалось бы нуждающихся в нашей поддержке, нашлось бы достаточно времени, чтобы заглянуть за границу и спросить, нет ли там еще кого-нибудь, нуждающегося в нашей помощи.

Все же я ни в коем случае не вывожу заключения, что все миссионерские предприятия неизбежно должны быть вредными; мое мнение таково: чтобы принести действительно пользу, они должны выполнять условия, которые в наше время почти недостижимы. Прежде всего для этого требуется такое количество благородных, самоотверженных и вообще замечательных людей, которое трудно надеяться найти одновременно. Может появиться один, пожалуй двое или трое, но постоянного состава таких людей не может быть. Затем мы должны помнить, что при возникновении миссии приходится считаться с целым рядом вредных влияний, от которых даже самый идеальный миссионер не может держаться вдали, а также поправить зло, причиняемое этими влияниями туземцам. Так что в конце концов результат всегда один и тот же.

Неужели мы никогда не откроем глаза на то, что мы действительно делаем? Разве не должны все истинные друзья человечества, от полюса до полюса, поднять единодушный энергичный протест против всех этих злоупотреблений, против самоуправства и позорного обращения с нашими собратьями иной веры и иной степени цивилизации?

Придет время, когда потомство строго осудит нас, и те злоупотребления, которые мы сейчас связываем с фундаментальными принципами христианства, будут

заклеймены, как глубоко безнравственные. К тому времени нравственность настолько поднимется, что люди не будут более считать себя вправе бросаться на первый первобытный народ, попадающийся на их пути, с целью удовлетворения своего собственного религиозного тщеславия и для того, чтобы творить «добрые дела», наполняющие их самодовольством, но которые могут и не быть полезными упомянутому народу. Тогда только действительно подходящие, во всех отношениях хорошо подготовленные люди возьмутся за изучение жизни и цивилизации другого народа для того, чтобы узнать, нуждается ли он в нашей помощи, и, если так, то каким путем эта помощь может быть оказана. Если же выяснится, что мы им добра сделать не можем, то надо их оставить в покое. Но прежде чем наступит такое время, большинство этих народов, даже из тех, которые сейчас остаются в живых, будет сметено с лица земли.

Если мы в заключение спросим, неужели нет надежды на спасение эскимосской общины, всякий человек, знакомый с обстоятельствами, будет вынужден признать, что единственно целесообразным было бы, чтобы европейцы мало-по-малу покинули эту страну. Предоставленные самим себе и освобожденные от пагубных иностранных влияний, эскимосы, возможно, могли бы вернуться к своим старым привычкам, и народ мог бы еще спастись. Но на эту возможность во всяком случае еще в течение долгого времени будут смотреть просто как на утопию. Во-первых, было бы жестоким ударом для тщеславия европейского государства быть вынужденным оставить эксперименты в области цивилизации, к которым оно уже присту-

пило и которые оно занесло крупными буквами в отчете о своих достижениях. Во-вторых, Дания могла бы отступить от своих колоний лишь при условии, чтобы и кораблям всех других наций было бы запрещено торговать с эскимосами и ввозить европейские товары, особенно водку.

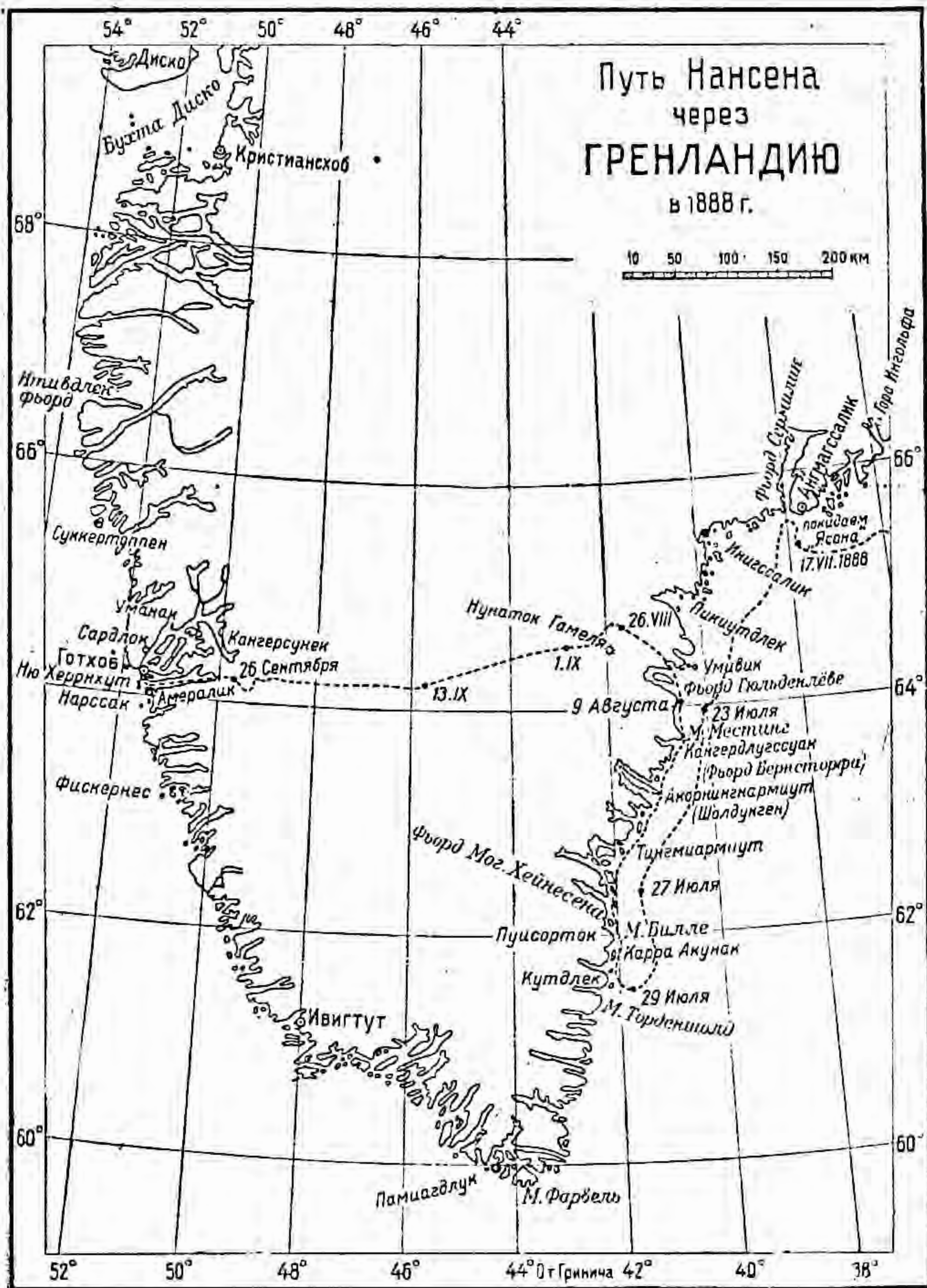
Но эскимосам, помимо их сношений с нами, угрожает другая опасность; я имею в виду внушающее тревогу падение числа тюленей. Этим эскимосы обязаны не своему собственному промыслу, результат которого слишком мал по сравнению с сотнями и тысячами «бельков»,¹ истребляемых ежегодно европейскими и американскими промышленниками, особенно на дрейфующих льдах у Ньюфаундленда.² В данном случае опять белая раса наносит ущерб эскимосам; но даже если бы эскимос знал об этом — не в его власти положить предел упомянутому злоупотреблению, его голоса никто не услышит. В то время как нашему обществу легко обойтись без тюленьего промысла, для эскимоса тюлень означает саму жизнь.

Таким образом, мы видим, что этот любвеобильный народ неминуемо обречен либо на полное вымирание, либо на то, чтобы превратиться в тень своего прежнего существа. И все же гренландец бодро шагает вперед и, возможно, чувствует себя счастливее, чем мы. Он не отдает себе отчета в своей собственной гибели и не только не ненавидит нас, но встречает нас приветливо, когда мы приезжаем к нему.

¹ Недавно рожденный детеныш тюленя.

² Такое же истребление детенышей гренландского тюленя происходит и в настоящее время в Белом море. *Прим. ред.*

Гренландия когда-то была немаловажным источником дохода для датского правительства; но это время прошло. Теперь Гренландская королевская компания и миссия стоят ежегодно больших сумм, и эти суммы будут все увеличиваться. Неужели датское правительство допустит, чтобы всегда так было? Разве не лучше и умнее было бы сначала отозвать свои аванпосты, а затем постепенно и всю колонию, передав магазины и дома эскимосам? Мое личное мнение таково, что самым разумным для нас было бы уложить все товары, погрузить их и торговцев на борт девяти пароходов компании и отправиться со всем этим обратно в Данию. Все равно, рано или поздно так придется поступить, но возможно, что к тому времени уже не останется ни одного эскимоса. Безжизненное оцепенение материкового льда протянется до самого берега моря, где будет слышен только печальный крик чаек над опустошенными берегами. Солнце будет всходить и заходить, расточая свое сияние над покинутой страной. Только изредка занесенный бурей корабль пристанет к безлюдным берегам. А длинными зимними ночами мертвые будут танцевать в мерцающих полосах света над вечным безмолвием снежных полей.

УКАЗАТЕЛЬ

Географические названия

Австралия 224, 387	Ватна-йокуль, ледник (Vatna-jökull) 29
Азия 218	Верхоянск 134
Акорнингнармиут (Akorningnarmiut) 86	Вестербюнде (Vester-bygden) 20, 207, 354
Акугдлит, остров (Akugdlit-ön) 338	Вестманна острова (Vestmanna-ölene) 29
Аляска 206, 218, 220	
Амазонка 224	
Амералик, фиорд (Ameralik) 165, 168, 176, 177, 184—186, 264, 372	Гамеля нунатак (Gaméls Nunatakk) 131
Америка 206, 218, 220, 354, 388, 389	Гейрфугла, шхеры (Geirfugla-skjorene) 29
Ангмагссаликк (Angmagssalikk) 22, 37—39, 41, 57, 207, 259, 289, 290, 311, 323	Глому-йокуль, гора (Glåmu-jökelen) 31
Арецк 380	Годтхоб, фиорд (Godthåb) 124—126, 128, 141, 159, 163—165, 168, 172, 177, 180—183, 185, 186, 189, 190—192, 195, 196, 222, 229, 230, 255, 281, 287, 291, 299, 301, 308, 312, 314, 354, 360, 372, 376, 377
Атлантический океан 19, 135	Гренландия (Grönland) 9—12, 17—21, 24, 27, 32, 34—37, 39—41, 58, 59, 61, 73, 76, 91, 93, 103, 111, 116, 123, 134, 174, 178, 181, 182, 185, 195, 196, 201, 203, 206—208, 211, 213, 214, 221, 222, 224, 225, 253, 254, 261, 264—266, 271, 273, 274, 288, 290, 294, 295, 297, 298, 300, 312—314, 318, 321, 323, 325, 329, 330, 338, 339, 342, 345, 347—349, 351, 353.
Аугпилагтут (Augpilaglut) 315, 319	
Африка 297, 387, 390	
Баффинов залив 19	
Белое море 393	
Берген (Bergen) 9, 10, 356	
Берингов пролив 206	
Бернсторф, фиорд (Bernstorffs fjord) 94	
Билле мыс (Kapp Bille) 68, 86, 259, 326	
Биструп (Bistrup) 186, 191, 195	
Большой Димон, остров (Store Dimon) 26	

- 356, 357, 363—369, 374, 378, 380, 381, 384, 389, 390, 394
 Гусиный пруд (Gåsedammen) 167
 Гюльденлове, фиорд (Gyldenløves fjord) 97
- Дания 108, 123, 181, 367, 393
 Датский пролив (Danmark-stre-det) 24, 34, 36, 38, 40
 Девисов пролив (Davis-stredet) 19
 Дюрафиорд (Dyrafjord) 24, 31, 32
 Диско, залив (Disko-bukten) 22, 359
- Европа 19, 182, 285, 294, 297, 305, 331, 353, 367, 388, 389
 Ертетаккен, гора (Hjortetakken) 179
- Ивигтут (Ivigut) 182, 184, 185, 195
 Ингольфа гора (Ingolfs Fjell) 39
 Индия 390
 Инигсалик (Inigsalik) 49, 97
 Имарсивик 280
 Исафиорд (Isafjord) 24, 30, 33, 35
 Исландия 24, 25, 27, 29, 30, 32, 35, 40, 178, 339, 340, 347
 Итивдлек, фиорд (Itivdlek-fjord) 176
- Йорк, мыс (Kapp York) 311
- Кангек (Kangeg) 230, 300
 Кангердлугссуак, фиорд (Kangerdlugssuaq) 94
 Кангерсунек (Kangersuneq) 163
 Карашокк (Karasjokk) 23, 47
 Карра-Акунак, остров (Karra Akupnâq) 64
 Карское море 37
 Китай 206, 387, 389, 390
 Клаксвик (Klaksvik) 27
 Копенгаген (Kjøbenhavn) 23, 30, 196, 307, 357
 Корнок (Qôrnoq) 230, 300
 Кристиания (Kristiania) 10, 92, 143, 196
- Кристиансхоб (Kristianshåb) 22, 97, 111, 116, 120, 122—125
 Кутдлек, остров (Qutdlek) 62
- Лабрадор 19, 354
 Лакис, кратер (Lakis) 28
 Лангванн, озеро (Langvann) 187, 188
 Ледовитый океан 35
- Могена Хейнесена фиорд (Mogen Heinesen fjord) 83
 Монблан 28
- Нануссек (Nanuseq) 259
 Нарссак (Narssaq) 169, 300
 Новый Херрхут (Ny Herrnhut) 182, 184, 186, 301
 Норвегия 10, 19, 26, 32, 42, 83, 139, 159, 178, 203, 206, 291, 339, 347, 351, 390
 Норвежское море (Norske Havet) 135
 Норд мыс (Kapp Nord) 30
 Ньюфаундленд 19, 393
- Оймекон 134
 Оскара короля бухта (Kong Oscars Havn) 42
- Памиагдлук (Pamiagdruk) 259, 315, 319
 Перу 387
 Пикиутдлек (Pikiutdlek) 49, 97
 Пунсортток, ледник (Puisortoq) 66, 68, 326
- Рейкьявик (Reykjavik) 29
 Рейкьянес, мыс (Reykjanes) 29
 Рейкьянес, полуостров (Reykjanes) 29
 Ринка нунатак 115
- Саннефьюр (Sandefjord) 24, 34
 Сардлоя (Sârdloq) 185, 230, 255, 300
 Сахара 133, 135

- Сермиликк (Sermilikk) 22, 41, 45, 46, 48, 49, 51, 57
 Сибирь 221
 Скоресби пролив (Scoresby Sund) 207
 Смита пролив (Smiths Sund) 207, 214, 311
 Снефеллс-йокуль, вулкан (Snefells-jökull) 30
 Снефеллснес, полуостров (Snefellsnes) 30
 Стейнхьер (Steinkjer) 23
 Судерöй, остров (Suderöi) 25, 26
 Суккертоппен (Sukkertoppen) 225
- Тасмания 387
 Тингейра (Thingeyre) 31, 32
 Тингмиармиут, гора (Tingmiarmiut) 83
 Тингмиармиут, фиорд (Tingmiarmiut-fjord) 86, 94
 Тиннфьялла-йокуль (Tinnfjalla-jökull) 29
 Тонсберг (Tönsberg) 34
 Торденшолда мыс (Kapp Tordenskjold) 62
 Торнаит (Törnait) 251
 Торсхавн (Thorshavn) 26
 Трангисвог, гавань (Tranglsvåg) 25
- Уманак, фиорд (Ūmánaq-fjord) 186, 190, 207
 Умивик (Umivik) 97, 98, 259
 Фарвель, мыс (Kapp Farvel) 36, 73, 207, 259, 315, 318
 Фарерские острова 25—27
 Фиджи острова 323
 Финмаркен (Finnmark) 23, 52, 92, 98
 Фискернес (Fiskerness) 251
 Хекла, вулкан (Hekla) 29
 Хелланда нунатак 115
 Холстенсборг (Holstensborg) 207
- Швеция 19
 Шолдунген (Skjoldungen) 86
 Шотландия 25
- Эгедес Минде (Egedes Minde) 207
 Эйафьялла-йокуль, гора (Eyafjalla-jökull) 29
 Энундарфиорд (Önundarfjord) 30
 Эрефа-йокуль, гора (öroefa-jökull) 28
 Эстербюгде (Öster-bygden) 20 207
 Эустманна-Хьерн, озеро (Austmannatjernet) 187
- Якутия 134
 Ян-Майен (Jan-Mayen-havet) 24, 34, 38

Собственные имена

- Амли (Amli) 33
 Анненская А. 11
 Аристофан 343
 Арон (Aron) 312
- Балле (Balle) 183
 Балто Самуэль Иоханнесен (Samuel Johannesen Balto) 23, 27, 33, 39, 43, 47, 51, 54, 55, 58, 59, 64, 65, 91, 92, 98, 99, 114, 116, 123, 127, 129, 139, 142, 143, 145—147, 149, 150, 154, 160—162, 165, 166, 168, 170, 172, 185, 187, 188, 190, 192, 193
- Бауман Густав (Gustav Bauman) 181, 182, 184
 Бенъямин (Акатит) (Benjamin, Akâtit) 315
 Бинцер (Binzer) 183
 Боас (Boas) 238—243, 246
- Гамель Августин (Augustin Gamél) 23

- Геринг Е. Н. 12
 Грам (Gramm) 31
 Гуннбьерн 178
- Давид (David) 184, 185
 Далагер Ларс (Dalager) 281, 295, 357
 Дитриксон Улуф К. (Oluf C. Dietrichson) 23, 27, 43, 47, 85, 99, 122, 127, 128, 141, 142, 149, 161, 162, 186—196
- Исак (Умангуйок) (Isak, Umangujoq) 315
- Кранц (Cranz) 295, 327
 Кристенсен М. А. 11
- Маратсе (Maratse) 276
 Матеус (Уливкакаунгамик) (Matheus, Ulivkâkaungamik) 315, 316, 317, 320
 Мёллер (Möller) 191
 Мольтке Му (Moltke Moe) 338
 Мон (Mohn) 134
 Мориц (Moritz) 315
- Нансен Фритъоф (Fridtjof Nansen) 8—13, 27, 93, 135, 172, 175, 190—192, 202, 253
 Норденшельд А. Э. (A. E. Nordenskiöld) 18, 21, 36, 124
- Омманей (Ommaney) 311
- Папик (Papik) 289, 290
 Патуак (Pâtuq) 289
 Педер (Peder) 191, 193
 Петерссуак (Peterssuaq) 244
 Попова О. Н. 12
- Равна Уле Нильсен (Ole Nielsen Ravna) 23, 27, 43, 47, 52, 56, 60, 88, 98, 123, 137, 139, 142, 143, 147, 149, 159—162, 165—167, 187, 196
- Расмуссен Кнуд (Knud Rasmussen) 10, 313
 Ринк Х. (Rink) 218, 252, 312, 314, 322, 349, 368, 369, 383
- Свердруп Отто (Otto Sverdrup) 23, 27, 43, 45, 46, 53—55, 60, 99, 112, 114, 126, 128, 138—140, 142, 151—155, 158—163, 167, 169, 170, 172, 174, 175, 186, 189, 191
 Силас (Silas) 191, 192
 Спенсер 381
- Теркель (Terkel) 185, 186, 191, 193, 255
 Трана Кристиан Кристиансен (Trana Kristian Kristiansen) 23, 27, 43, 46, 53, 58, 60, 93, 122, 127—129, 138, 146, 151—153, 155, 160—162, 187, 188
 Тобнас (Tobias) 242, 243, 246
 Торвальдсен Бертадь (Thorvald-sen) 30
- Утсукулук (Utsukuluk) 290
- Фогель (Vogel) 182, 186
 Франклин 311
- Хансерак (Иоханнес Хансен) (Hancêraq, Johannes Hansen) 323
 Хейнке (Heincke) 186, 191
 Хелланд-Хансен Б. 11, 12, 207, 313
 Хобс 135
 Холм (Holm) 88, 254, 276, 280, 301, 311, 323—325, 329
 Хосеас (Hoseas) 185, 186, 191
- Цинзендорф (Zinsendorf) 356
- Эгеде Нильс (Niels Egede) 355, 358, 359

Эгедс Пауль (Paul Egede) 323,
353, 357, 358, 364	Эрик Рыжий (Raude Eirik) 20,
178, 203, 207
Эгедс Ханс (Hans Egede) 182,
210, 214, 260, 261, 268, 295, 296,
323, 327, 329, 331, 345, 356,
362—364, 371, 372, 378	Юль (Joel) 264
	Якобсен Мауритс (Maurits Jacob-
sen) 24, 33, 42

Названия судов

„Видбьорн“ („Hvidbjörnen“) 196	„Тюра“ („Thyra“) 25, 27
„Викинг“ („Viking“) 17	„Фокс“ („Fox“) 182, 184, 185, 195,
196
„Исафол“ („Isafold“) 33	„Язон“ („Jason“) 24, 30—34,
38—40, 42—45, 47, 49, 50, 86,
118, 150, 178
„София“ („Sofia“) 36	

ОГЛАВЛЕНИЕ

На лыжах через Гренландию

Предисловие	7
План путешествия	17
Путешествие в Исландию	25
На „Язоне“	34
Через дрейфующий лед	44
Эскимосы	63
Дальше на север	83
Подготовка к лыжному походу	98
Мы покидаем восточный берег	111
Однообразный трудный путь. Буря на льду	136
Полным ходом под парусами	148
Вниз с материкового льда	158
В „лодке-половинке“	170
Годтхоб	180
Четверо покинутых	187

Жизнь эскимосов

Предисловие автора	199
Гренландия и эскимос	203
Внешний вид и одежда	208
Каяк и его снаряжение	217
В море	236

Зимние дома, палатки, женские лодки и поездки	253
Приготовление пипци и лакомства	262
Характер и социальные условия	268
Положение женщины и работа	278
Любовь и брак	288
Мораль	295
Судопроизводство, танцы под барабан и развлечения	304
Одаренность, чувство прекрасного, литература	308
Религиозные представления и суеверия	321
Европейцы и эскимосы	362
Чего мы достигли	374
Заключение	388
Указатель	397

Редактор *М. М. Смирнов.*
Техн. редактор *Л. Г. Левоневская*

Сдано в набор 4 апреля 1936 г.
Подписано к печати 19 декабря 1936 г.
Бум. 62X94 см. 75000 тип. зн. в 1 бум. л.
Объем 12⁵/₈ бум. л.; 25¹/₄ печ. л.; 19 авт. л.
Тираж 10 000 экземпляров. Изд. № 47.
Леноблгорлит № 27626. Заказ № 1020.

Типография „Коминтерн“, Ленинград,
Красная. 1.